

В. П. Полухина

ЧИТАЕМ, ДУМАЕМ, СПОРИМ...

Дидактические
материалы
по литературе

6

ПРОСВЕЩЕНИЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЛИТЕРАТУРА

В. П. Полухина

ЧИТАЕМ, ДУМАЕМ, СПОРИМ...

**Дидактические
материалы
по литературе**

6 класс

11-е издание

Москва «Просвещение» 2012

УДК 373.167.1:82.09
ББК 83.3я72
П53

Темы: «Самостоятельная работа по стихотворению „Узник“, „И. И. Пущину“, „Зимнее утро“, „Литературные игры“, „О поэте“ (А. С. Пушкин)», «М. Ю. Лермонтов», «Н. А. Некрасов „Железная дорога“»; статья «Загадки» написаны кандидатом филологических наук *Р. И. Альбетковой*.

Полухина В. П.

П53 Читаем, думаем, спорим... : дидакт. материалы по лит. : 6 кл. / В. П. Полухина. — 11-е изд. — М. : Просвещение, 2012. — 255 с. : ил. — ISBN 978-5-09-028662-6.

Эта книга — дополнение к учебнику «Литература» для 6 класса общеобразовательных учреждений под редакцией В. Я. Коровиной. В нее включены интересные материалы о писателях и произведениях, изучаемых в 6 классе. Но это не повторение пройденного, а следующий шаг в самостоятельном чтении и изучении художественной литературы.

В книге много иллюстративного и занимательного материала. Это викторины, загадки и кроссворды.

Настоящее издание дидактических материалов соответствует программе по литературе под редакцией В. Я. Коровиной и учебнику для 6 класса авторов В. П. Полухиной и др., под ред. В. Я. Коровиной.

Книга предназначена учащимся 6 класса, а также учителям-словесникам для работы в классе.

УДК 373.167.1:82.09
ББК 83.3я72

ISBN 978-5-09-028662-6

© Издательство «Просвещение», 2008
© Художественное оформление.
Издательство «Просвещение», 2008
Все права защищены

Эта книга адресована шестиклассникам, и построена она в основном так же, как учебник. В книге те же крупные разделы: «Мифы», «Древнерусская литература», «Произведения русских писателей XIX века» и другие. Вы вновь встретитесь с писателями, произведения которых вами изучались. Но это не повторение того, что вы уже знаете, это ваш новый, следующий шаг в самостоятельном чтении и изучении художественной литературы.

Вы познакомитесь с материалами, которые позволят лучше узнать произведения.

Вопросы и задания, предложенные вам, система упражнений позволят более глубоко задуматься над текстом художественных произведений, испытать свои силы в самостоятельной работе.

Раздел книги «За страницами вашего учебника» поможет сориентироваться в книжном многообразии и организовать самостоятельное чтение. Здесь не только названы новые, интересные произведения, но и предложено подумать над вопросами, поставленными автором.

В этой книге серьезные задачи иногда решаются в шутливой форме, поэтому здесь много занимательного материала: и литературные викторины, и загадки, и кроссворды. Все это служит единственной цели — заинтересовать читателя, пробудить интерес к книге, полюбить литературу.

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Вопросы и задания:

1. Что такое пословица и что такое поговорка? Воспользуйтесь учебником «Литература. 6 класс», а также Словарем литературоведческих терминов.
Как вы понимаете пословицу «Поговорка — цветок, пословица — ягодка»?
2. Определите, пословицы это или поговорки:
«Хороша кашка, да мала чашка».
«Ищи ветра в поле».
«Медведь на ухо наступил».
«После драки кулаками не машут».
«Работать с огоньком».
«Не умеешь шить золотом, так бей молотом».
«При царе Горохе».
«Без обеда не красна беседа».
3. О чем эти пословицы? Подумайте, в каких случаях они употребляются:
«Любишь кататься, люби и саночки возить».
«Рыбак рыбака видит издалека».
«Плохая снасть отдохнуть не даст».
«У растрепы Дарьи каждый день аварии».
«Я про сапоги, а он про пироги».
«Дурная голова ногам покоя не дает».
4. Какими пословицами и поговорками можно сказать про человека, который работает с большим усердием? Например: «Из кожи вон лезет», «В лепешку расшибается» и т. д.
Про лентяя: «Дело не медведь, в лес не уйдет» и т. д.
Как человек говорит: «Соловьем поет» и т. д.
Про смелого человека: «Смелость города берет» и т. д.
5. Придумайте синонимы к следующим поговоркам:
«Ума палата».
«Его не проведешь».
«Пороху не выдумает».

«Ни нашим ни вашим».
«На три аршина в землю видит».
«Прошел сквозь огонь и воду».
«Этому пальца в рот не клади».
«Звезд с неба не хватает».

6. Пословицы и поговорки кратки, в них нет ничего лишнего, по своему складу они напоминают стихотворения: в них правильное чередование ударных и безударных слогов (ритм) в каждой из рифмующихся частей. Определите ритм и рифмы в следующих пословицах:
«Стрелял в журавля, а попал в воробья».
«Грибов ищут — по лесу рыщут».
«Мели, Емеля, твоя неделя».
7. Назовите пословицы, в которых содержится юмор или ирония, например: «Приходите ко мне в гости, когда меня дома нет», «Денег — куры не клюют» и т. д.
8. Найдите сравнение и антитезу (противопоставление) в следующих пословицах: «Голод — не тетка», «Ржа ест железо, а печаль — сердце», «Ученье — свет, а неученье — тьма», «Наговорился — как меду напился», «Смелый там найдет, где робкий потеряет», «Запел соловьем, да кончил петухом».
9. Составьте небольшой устный рассказ, используя следующие поговорки:
«Ни свет ни заря».
«Час битый».
«С минуты на минуту».
«День-деньской».
«Без году неделя».
«Убить время».

Темы могут быть такие: «На рыбалке», «Прогулка в лес», «На лыжах»¹.

10. Некоторые пословицы вошли в нашу речь из басен И. А. Крылова. Прочитайте и определите, из каких они басен:

«Слона-то я и не приметил».

«А вы, друзья, как ни садитесь,
Все в музыканты не годитесь».

«Беда, коль пироги начнет печи сапожник».

«А Васька слушает да ест».

«Сильнее кошки зверя нет».

«А ларчик просто открывался».

¹ Рыбникова М. А. Русские пословицы и поговорки. — М., 1961; Очерки по методике литературного чтения. — М., 1963.

«А воз и ныне там».

«У сильного всегда бессильный виноват».

«Демьянова уха».

(Для справок: «Квартет», «Слон и Моська», «Волк и Ягненок», «Лебедь, Щука и Рак», «Ларчик», «Кот и Повар», «Демьянова уха», «Осел и Соловей», «Щука и Кот».)

КРОССВОРД

Кроссворд — это игра, которая связана со словами. Буквальный перевод этого слова с английского: «кросс» — крест, «ворд» — слово. Эта игра построена на текстах художественных произведений, изучаемых и рекомендуемых для внеклассного чтения в 6 классе (А. С. Пушкин. «Метель», Н. В. Гоголь. «Ночь перед Рождеством», Н. С. Лесков. «Левша», М. М. Пришвин. «Кладовая солнца», Р. П. Погодин. «Тишина» и др.).

Все слова, загаданные в кроссворде, взяты из текстов художественных произведений. Поэтому наиболее верный способ отгадать слово — это попытка вспомнить или найти нужное место в тексте. (Причем в тексте могут встретиться прилагательное или другая часть речи, которым в кроссворде соответствует имя существительное, например: в тексте — «картофельная яма», в кроссворде — «картофель».)

Ответы записываются в именительном падеже.

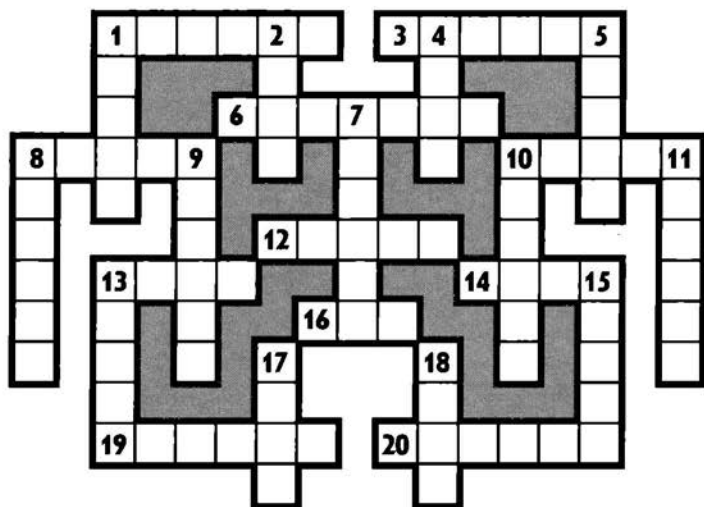
К кроссворду прилагается справочная информация. Все правильные ответы должны совпадать со словами из этого списка.

В большинстве случаев кроссворды обращают внимание на значимые слова, существенные детали и подробности текста. Кроссворды интересны сами по себе, но главное — они заставляют внимательно читать и перечитывать тексты художественных произведений, уяснять события, культурно-исторические факты, бытовые детали.

Отгадывание кроссвордов поможет углубить литературные знания и привить интерес к чтению.

■ ■ ■ Кроссворг ■ ■ ■

«Пословицы и поговорки»

По горизонтали: 1. ... в решетке. 3. Поговорка ..., пословица — ягодка. 6. ... на ухо наступил. 8. Новая ... чисто метет. 10. На чужой стороне и ... не красна. 12. ... не воробей, вылетит — не поймаешь. 13. Терпение и ... все перетрут. 14. Жизнь прожить — не ... перейти. 16. Делу время, потехе 19. ... — мать, умей за нее постоять. 20. Мели, Емеля, твоя ...

По вертикали: 1. Береги ... смолоду. 2. Ученье — ..., неученье — тьма. 4. Как с гуся 5. Тяжкий 7. Пришла беда, отворяй 8. ... всем городам мать. 9. ... к мудрости ступенька. 10. Попался, как ... в суп. 11. Наш ... никому не злодей. 13. Человек неученый, что ... неточеный. 15. Мели, ..., твоя неделя. 17. ... раньше нас родилась. 18. Как ... на голову.

■ **Слова для справок:** Азбука. Андрей. Весна. Вода. Ворона. Ворота. Емеля. Крест. Ленъ. Медведь. Москва. Метла. Неделя. Поле. Родина. Свет. Слово. Снег. Топор. Труд. Цветок. Час. Честь. Чудеса.

ЗАГАДКИ

С древних времен загадки были не только веселой игрой ума и воображения, но порой и серьезным испытанием не на жизнь, а на смерть.

В греческом мифе рассказывается об Эдипе, который спас город Фивы от страшного чудовища Сфинкса. Около дороги на Фивы на скале поселился Сфинкс. У него была голова женщины, туловище и лапы льва и птичьи крылья. Всем, кто шел в город, Сфинкс загадывал загадку. Никто из путников не мог отгадать ее, и за это Сфинкс пожирал несчастных. Путники боялись идти в Фивы, не шли туда купцы с товарами, и город опустел. Эдип решил спасти Фивы. Он пошел к Сфинксу, и тот загадал свою загадку: «Кто утром ходит на четырех, днем — на двух, а вечером — на трех ногах?»

Эдип ответил:

— Это человек. Когда он мал — это утро его жизни, — он ползает на четвереньках. Взрослым, то есть днем, он ходит на двух ногах. А в старости, вечером, он ходит с палкой: на трех ногах.

Тогда Сфинкс бросился со скалы в море, потому что боги повелели ему умереть, если кто-нибудь отгадает загадку. Дорога на Фивы снова стала свободной.

И в русских сказках нередко герой должен отгадать загадку. Отгадаешь — получишь свою невесту, не отгадаешь — погибнешь. Вспомните, в каких русских народных сказках герою приходится отгадывать загадки. Расскажите их своим товарищам.

Напомним вам еще одну сказку. В сказочной повести английского писателя Дж. Р. Толкиена «Хоббит» отважный маленький герой Бильбо Бэггинс заблудился в подземелье и встретился там со злобным существом Голлумом. Вечно го-

лодный Голлум готов съест неожиданно доставшуюся добычу. И вот они обратились к старинному способу решения споров — загадкам. Если проиграет Бильбо — Голлум его съест. А если Голлум не отгадает загадку — он должен показать Бильбо дорогу из пещеры.

Вот некоторые из этих загадок. Интересно, удалось бы вам отгадать их?

Не увидеть ее корней,
Вершина выше тополей,
Все вверх и вверх она идет,
Но не растет.

Ее не видать
И в руки не взять,
Царит надо всем,
Не пахнет ничем.
Встает во весь рост
На небе меж звезд.
Все начинается
И все кончает.

На красных холмах
Тридцать белых коней
Друг другу навстречу
Помчатся скорей.
Ряды их сойдутся,
Потом разойдутся, —
И смиренными станут
До новых затей.

Уничтожает все кругом:
Цветы, зверей, высокий дом, —
Сжует железо, сталь сожрет
И скалы в порошок сотрет.
Мощь городов, власть королей
Его могущества слабей.

Если не сумели отгадать, вот подсказки:
зубы, время, темнота, гора.

Попробуйте отгадать и такие загадки:

1. Летом одет, зимой раздет.
2. Я хожу, а он остается.
3. Кверху дном — полная, книзу дном — пустая.
4. Днем обручем, ночью змеей.
5. Стоит Арина, рот разиня.
6. В брюхе баня,
 В носу решето,
 На голове пупок,
 Одна рука —
 И та на спине.
7. Весь мир одевает, а сама нагишом.
8. Дом шумит, хозяева молчат.
 Пришли воры, людей забрали,
 А дом в окошки ушел.
9. Мету, мету, не вымету,
 Несу, несу, не вынесу,
 Пора придет — сама уйдет.
10. Одноног и многорук.
11. Бьют Ермилку по затылку.
 Он не плачет, только ножку прячет.
12. Только родился, а уже с усами.
13. Чем больше от нее отбавишь, тем она больше становится.

А теперь попробуйте сами придумать загадку. Для этого посмотрим, как они сделаны. Вот загадка: «Серое сукно тянется в окно». Это дым из трубы. Один предмет заменяется другим, похожим на него: дым — сукно, труба — окно. Но сходство это неожиданное, необыкновенное, замысловатое.

Отгадки: 1) лес, дерево; 2) след; 3) шапка; 4) пояс; 5) труба; 6) чайник; 7) игла; 8) река, рыба, рыбаки, сеть; 9) тень; 10) дерево; 11) гвоздь; 12) котенок; 13) яма.

За страницами вашего учебника

(Внеклассное чтение)

Прочитайте из «Повести временных лет» сказание «Принятие христианства на Руси».

ПРИНЯТИЕ ХРИСТИАНСТВА НА РУСИ (988)

И когда прошел год, в 6496 (988) году пошел Владимир с войском на Корсунь, город греческий, и затворились корсуняне в городе. И стал Владимир на той стороне города у пристани, в расстоянии полета стрелы от города, и сражались крепко из города. Владимир же осадил город. Люди в городе стали изнемогать, и сказал Владимир горожанам: «Если не сдадитесь, то простою и три года». Они же не послушались. Владимир же, изготовив войско свое, приказал присыпать насыпь к городским стенам. Когда насыпали они, — корсунцы, подкопав стену городскую, выкрадывали подсыпанную землю, и носили ее себе в город, и ссыпали посреди города. Воины же присыпали еще больше, а Владимир стоял. И вот некий муж корсунянин, именем Анастас, пустил стрелу, так написав на ней: «Перекопай и перейми воду, идет она по трубам из колодцев, которые за тобою с востока». Владимир же, услышав об этом, посмотрел на небо и сказал: «Если сбудется это, — крещусь!» И тотчас же повелел копать наперерез трубам и перенял воду. Люди изнемогли от жажды и сдались. Владимир вошел в город с дружиною своею и послал к царям Василию и Константину сказать: «Вот взял уже ваш город славный. Слышал же, что имеете сестру девицу; если не отдадите ее за

меня, то сделаю столице вашей то же, что и этому городу». И, услышав это, опечалились цари. И послали ему весть такую: «Не пристало христианам выдавать жен за язычников; если крестишься, то и ее получишь, и Царство Небесное воспримешь, и с нами единовен будешь. Если же не сделаешь этого, то не сможем выдать сестру за тебя». Услышав это, сказал Владимир посланным к нему от царей: «Скажите царям вашим так: я крещусь, ибо еще прежде испытал закон ваш и любя мне ваша вера и богослужение, о котором рассказывали мне посланные нами мужи». И рады были цари, услышав это, и упростили сестру свою, именем Анну, и послали к Владимиру, говоря: «Крестись, и тогда пошлем сестру свою к тебе». Ответил же Владимир: «Придите с сестрою вашею и тогда крестите меня». И послушались цари и послали сестру свою, сановников и священников. Она же не хотела идти, говоря: «Иду как в полон, лучше бы мне здесь умереть». И сказали ей братья: «Может быть, обратит тобою Бог Русскую землю к покаянию, а греческую землю избавишь от ужасной войны. Видишь ли, сколько зла наделала грекам Русь? Теперь же если не пойдешь, то сделают и нам то же, что в Корсуни». И едва принудили ее. Она же села в корабль, попрощалась с ближними своими с плачем и отправилась через море. И пришла в Корсунь, и вышли корсунцы навстречу ей с поклоном, и ввели ее в город, и посадили ее в палате. По Божественному промыслу разболелся в то время Владимир глазами и не видел ничего. И скорбел сильно и не знал, что сделать. И послала к нему царица сказать: «Если хочешь избавиться от болезни этой, то крестись поскорей; если же не крестишься, то не избудешь недуга своего». Услышав это, Владимир сказал: «Если вправду исполнится это, то истине велик Бог христианский». И повелел кре-

стить себя. Епископ же корсунский с царицыными попами, огласив, крестил Владимира. И когда возложил руку на него, тотчас же прозрел он. Ощутив свое внезапное исцеление, Владимир прославил Бога: «Теперь узнал я Бога истинного». Многие из дружинников, увидев это, крестились. Крестился же он в церкви Святого Василия, а стоит церковь та в городе Корсуну посреди града, где собираются корсунцы на торг; палата же Владимира стоит с края церкви и до наших дней, а царицына палата — за алтарем. По крещении же Владимира привели царицу для совершения брака. Не знающие же истины говорят, что крестился Владимир в Киеве, иные же говорят — в Васильеве, а другие и по-иному скажут. Когда же Владимира крестили и научили его вере христианской, сказали ему так: «Пусть никакие еретики не прельстят тебя, но веруй, говоря так:

„Верую во Единого Бога Отца, Вседержителя, Творца неба и земли“ — и до конца этот Символ веры». <...>

После всего этого Владимир взял царицу, и Анастаса, и священников корсунских с мощами святого Климента, и Фива, ученика его, взял и сосуды церковные, и иконы на благословение себе. Поставил и церковь в Корсуну на горе, которую насыпали посреди города, выкрадывая землю из насыпи; стоит церковь та и донныне. Отправляясь, захватил он и двух медных идолов и четырех медных коней, что и сейчас стоят за церковью Святой Богородицы и про которые невежды думают, что они мраморные. Корсунь же отдал грекам как вено¹ за царицу, а сам вернулся в Киев. И когда пришел, повелел опрокинуть идолы — одних изрубить, а других сжечь. Перуна же приказал привязать к хвосту коня и

¹ Вéно — выкуп.

волочить его с горы по Боричеву взвозу к Ручью, и приставил двенадцать мужей колотить его жезлами. Делалось это не потому, что дерево что-нибудь чувствует, но для поругания беса, который обманывал людей в этом образе, — чтобы принял он возмездие от людей. «Велик Ты, Господи, и чудны дела Твои!» Вчера еще был чтим людьми, а сегодня поругаем. Когда влекли Перуна по Ручью к Днепру, оплакивали его неверные, так как не приняли еще они святого крещения. И, притащив, кинули его в Днепр. И приставил Владимир к нему людей, сказав им: «Если пристанет где к берегу, отпихивайте его. А когда пройдет пороги, тогда только оставьте его». Они же исполнили, что им было приказано. И когда пустили Перуна, и прошел он пороги, выбросило его ветром на отмель, и оттого прослыло место то Перунья Отмель, как и до сих пор зовется. Затем послал Владимир по всему городу со словами: «Если не придет кто завтра на реку — будь то богатый или бедный, или нищий, или раб — да будет мне враг». Услышав это, с радостью пошли люди, ликуя и говоря: «Если бы не было это хорошим, не приняли бы это князь и бояре». На следующий же день вышел Владимир с попами царицыными и корсунскими на Днепр, и сошлось там людей без числа. Вошли в воду и стояли там одни до шеи, другие по грудь, молодые же у берега по грудь, некоторые держали младенцев, а уже взрослые бродили, попы же совершали молитвы, стоя на месте. И была видна радость на небе и на земле по поводу стольких спасаемых душ; а дьявол говорил, стеная: «Увы мне! Прогоняют меня отсюда! Здесь думал я обрести себе жилище, ибо здесь не слышно было учения апостольского, не знали здесь Бога, но радовался я служению тех, кто служил мне. И вот уже побежден я невеждой, а не апостолами и не мучениками; не буду уже царствовать более

в этих странах». Люди же, крестившись, разошлись по домам. Владимир же был рад, что познал Бога сам и люди его, посмотрел на небо и сказал: «Христос Бог, сотворивший небо и землю! Взгляни на новых людей этих, и дай им, Господи, познать Тебя, истинного Бога, как познали Тебя христианские страны. Утверди в них правильную и неуклонную веру, и мне помоги, Господи, против дьявола, да одолею козни его, надеюсь на Тебя и на Твою силу». И, сказав это, приказал рубить церкви и ставить их по тем местам, где прежде стояли кумиры. И поставил церковь во имя святого Василия на холме, где стоял идол Перуна и другие и где творили им требы князь и люди. И по другим городам стали ставить церкви и определять в них попов, и приводить людей на крещение по всем городам и селам. Посылал он собирать у лучших людей детей и отдавать их в обучение книжное. Матери же детей этих плакали о них, ибо не утвердились еще они в вере, и плакали о них, как о мертвых.

Когда отданы были в учение книжное, то тем самым сбылось на Руси пророчество, гласившее: «В те дни услышат глухие слова книжные и ясен будет язык косноязычных». Не слышали они раньше учения книжного, но по Божьему устройению и по милости Своей помиловал их Бог; как сказал пророк: «Помилую, кого хочу». Ибо помиловал нас святым крещением и обновлением духа, по Божьему изволению, а не по нашим делам. Благословен Господь Иисус Христос, возлюбивший Русскую землю и просветивший ее крещением святым. Вот почему и мы поклоняемся Ему, говоря: «Господь Иисус Христос! Чем могу воздать Тебе за все, что воздал нам грешным? Не знаем, какое воздаяние дать Тебе за дары Твои»...

Сказал Господь: «Радость бывает на небе и об одном покаявшемся грешнике». Здесь же не

один и не два, но бесчисленное множество приступили к Богу, просвещенные святым крещением. Как сказал пророк: «Окроплю вас водой чистой, и очиститесь и от идолопоклонения вашего и от грехов ваших». Также и другой пророк сказал: «Кто Бог, как Ты, прощающий грехи и не вменяющий преступления? ибо хотящий того — милостив. Тот обратит и умилосердится над нами и свергнет в пучину морскую грехи наши». Ибо апостол Павел говорит: «Братья! Все мы, крестившиеся в Иисуса Христа, в смерть Его крестились; и так мы погреблись с Ним крещением в смерть; дабы, как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни»...

Вопросы и задания:

1. Почему князь Владимир решил принять христианство?
2. Когда и с какой целью он пошел на греческий город Корсунь?
3. При каком условии греческие цари Василий и Константин согласились отдать в жены Владимиру свою сестру Анну?
4. Когда Владимир принял решение креститься?
5. «Если вправду исполнится это, то поистине велик Бог христианский». По какому поводу произнес эти слова Владимир?
6. Где и когда состоялось крещение Владимира?
7. Как вы понимаете пророчество, гласившее: «В те дни услышат глухие слова книжные и ясен будет язык косноязычных»?
8. Расскажите, как произошло крещение на Руси.

Произведения русских писателей XIX века

Александр Сергеевич Пушкин

1799—1837

О ПОЭТЕ

Выберите одну из тем: «Портрет Пушкина»; «Пушкин и его друзья»; «Мой первый друг...» — и подготовьте сообщение, используя учебник, воспоминания современников и другие материалы.

Портрет Пушкина

Рассмотрите гравюры Е. И. Гейтмана «Пушкин-юноша» (1822) и В. А. Фаворского «Пушкин-лицеист» (1935). Что, по-вашему, особо выделяет в облике юного поэта каждый из художников?

Какая из этих гравюр ближе к автопортрету А. С. Пушкина, помещенному в учебнике?

Составьте устный портрет А. С. Пушкина по произведениям художников и воспоминаниям современников. Обратите внимание, как в словесных описаниях и изобразительных портретах авторы передают то, что перед вами великий поэт.

Лев Сергеевич Пушкин, брат А. С. Пушкина:

«Пушкин был собою дурен, но лицо его было выразительно и одушевленно; ростом он был мал (в нем было с небольшим 5 вершков)¹; но тонок и сложен необыкновенно крепко и соразмерно».

¹ Как само собою разумеющееся Л. С. Пушкин не упоминает 2 аршина; аршин — 71,12 см, вершок — 4,45, т. е. приблизительно 165 см.

Худ. *Е. И. Гейтман.*
Пушкин-юноша. 1822

Худ. *В. А. Фаворский.*
Пушкин-лицеист. 1935

Иван Александрович Гончаров, писатель:

«С первого взгляда наружность его казалась невзрачною. Среднего роста, худощавый, с мелкими чертами смуглого лица. Только когда взглядишься пристально в глаза, увидишь задумчивую глубину и какое-то благородство в этих глазах, которых потом не забудешь. В позе, в жестах, сопровождающих его речь, была сдержанность светского благовоспитанного человека. Лучше всего, по-моему, напоминает его гравюра Уткина с портрета Кипренского... У него было небольшое лицо и прекрасная, пропорциональная лицу голова, с негустыми кудрявыми волосами».

Михаил Владимирович Юзефович, приятель Льва Пушкина, археолог:

«Как теперь вижу его, живого, простого в обращении... очень подвижного... с великолепными большими, чистыми и ясными глазами, в которых, казалось, отражалось все прекрасное в природе, с белыми, блестящими зубами, о кото-

рых он очень заботился... Он вовсе не был смугл, не черноволос, как утверждают некоторые, а был вполне белокож с вьющимися волосами каштанового цвета... Черты лица у него были приятные, и общее выражение очень симпатичное. Его портрет, работы Кипренского, похож безукоризненно».

Вера Александровна Нащокина, жена друга А. С. Пушкина:

«Пушкин был невысок ростом, шатен¹, с сильно вьющимися волосами, с голубыми глазами необыкновенной привлекательности... Это были особые, поэтические, душевные глаза, в которых отражалась вся бездна дум и ощущений, переживаемых душою великого поэта. Других таких глаз я во всю мою долгую жизнь ни у кого не видала».

Пушкин и его друзья

Кого из друзей Пушкина вы знаете? Как поэт относился к друзьям, чем была для него дружба?

Отвечая на этот вопрос, используйте учебник, произведения поэта и воспоминания современников.

Петр Андреевич Вяземский, друг поэта:

«Пушкин был вообще простодушен, уживчив и снисходителен... Натура Пушкина была более открыта к сочувствиям, нежели к отвращениям. В нем было более любви, нежели негодования».

Петр Александрович Плетнев, друг и издатель Пушкина:

«Пушкин был застенчив и более многих нежен в дружбе».

¹ Шатён — человек с темно-русскими волосами.

В одном из писем Плетнев приводит слова Пушкина:

«Я хочу доказывать моим друзьям, что не только их люблю и верую в них, но признаю за долг и им, и себе, и посторонним показывать, что они для меня первые из порядочных людей...»

Николай Михайлович Смирнов, крупный чиновник, любитель искусства, приятель Пушкина:

«Кто был ближе к нему, кто пользовался его совершенным доверием, кому доступны были тайные струны его души, те уважали в Пушкине человека столько же, как и поэта, те открывали в нем ежедневно сокровища неистощимые и недоступные пониманию толпы так называемых его приятелей... Своих друзей он защищал с необыкновенным жаром; зато несколькими словами уничтожал тех, которых презирал...»

Готовя сообщение о друзьях Пушкина, вы можете обратиться к стихотворениям: «19 октября 1825» («Роняет лес багряный свой убор...»), «19 октября 1827» («Бог помочь вам, друзья мои...») и другим.

«Мой первый друг...»

Составьте сообщение на эту тему, используя учебник и приведенные здесь отрывки из книги И. И. Пущина «Записки о Пушкине».

«Никогда не переставал я любить его; знаю, что и он платил мне тем же чувством...»

Кони несут среди сугробов, опасности нет: в сторону не бросятся, все лес и снег им по брюхо, править не нужно. Скачем опять в гору извилюстою тропой; вдруг крутой поворот, и как будто неожиданно вломились с маху в притворенные ворота, при громе колокольчика. Не было силы остановить лошадей у крыльца, протащили мимо и засели в снегу нерасчищенного двора...

Я оглядываюсь: вижу на крыльце Пушкина, босиком, в одной рубашке, с поднятыми вверх

руками. Не нужно говорить, что тогда во мне происходило. Выскакиваю из саней, беру его в охапку и тащу в комнату. На дворе страшный холод, но в иные минуты человек не простужается. Смотрим друг на друга, целуемся, молчим. Он забыл, что надобно прикрыть наготу, я не думал об заиндевевшей шубе и шапке. Было около 8-ми часов утра. Не знаю, что делалось. Прибывшая старуха застала нас в объятьях друг друга в том самом виде, как мы попали в дом: один — почти голый, другой — весь забросанный снегом. Наконец пробила слеза (она и теперь, через 33 года, мешает писать в очках), мы очнулись. Совестно стало перед этой женщиной; впрочем, она все поняла. Не знаю, за кого приняла меня, только, ничего не спрашивая, бросилась обнимать. Я тотчас догадался, что это добрая его няня, столько раз им воспетая, — чуть не задушил ее в объятьях.

Все это происходило на маленьком пространстве. Комната Александра была возле крыльца, с окном на двор, через которое он увидел меня, услышал колокольчик. В этой небольшой комнате помещалась кровать его с пологом, письменный стол, диван, шкаф с книгами и проч. и проч. Во всем поэтический беспорядок, везде разбросаны исписанные листы бумаги, всюду валялись обкусанные, обожженные кусочки перьев (он всегда, с самого Лицея, писал оглодками, которые едва можно было держать в пальцах)...

Наконец, помаленьку прибрались; подали нам кофе; мы уселись с трубками. Беседа пошла правильнее; многое надо было хронологически рассказать, о многом расспросить друг друга...

Он, как дитя, был рад нашему свиданию, несколько раз повторял, что ему еще не верится, что мы вместе. Прежняя его живость во всем проявлялась, в каждом слове, в каждом воспоминании; им не было конца в неумолкаемой на-

шей болтовне. Наружно он мало переменялся, оброс только бакенбардами...

Пушкин заставил меня рассказать ему про всех наших первокурсных Лицея; потребовал объяснения, каким образом из артиллериста я преобразился в судьи. Это было ему по сердцу, он гордился мною и за меня!..

Я привез Пушкину в подарок „Горе от ума“¹; он был очень доволен этою тогда рукописною комедией, до того ему почти вовсе не знакомой. После обеда, за чашкой кофе, он начал читать ее вслух... Я с необыкновенным удовольствием слушал его выразительное и исполненное жизни чтение, довольный тем, что мне удалось доставить ему такое высокое наслаждение.

Потом он мне прочел кое-что свое...

Между тем время шло за полночь. Нам подали закусить; на прощанье хлопнула третья пробка. Мы крепко обнялись в надежде, может быть, скоро свидеться в Москве. Шаткая эта надежда облегчила расставанье после так отрадно промелькнувшего дня. Ямщик уже запряг лошадей, колоколец брякал у крыльца, на часах ударило три. Мы еще чокнулись стаканами, но грустно пилось: как будто чувствовалось, что в последний раз вместе пьем, и пьем на вечную разлуку! Молча я набросил на плечи шубу и убежал в сани. Пушкин еще что-то говорил мне вслед; ничего не слыша, я глядел на него; он остановился на крыльце, со свечой в руке. Кони рванули под гору. Послышалось: „Прощай, друг!“ Ворота скрипнули за мною.

Сцена переменялась.

Я осужден: 1828 года, 5-го января, привезли меня из Шлиссельбурга в Читу, где я соединился наконец с товарищами моего изгнания и за-

¹ «Горе от ума» — комедия А. С. Грибоедова, ходившая тогда в рукописи.

точения, прежде меня прибывшими в тамошний острог. Что делалось с Пушкиным в эти годы моего странствования по разным мытарствам, я решительно не знаю; знаю только и глубоко чувствую, что Пушкин первым встретил меня в Сибири задушевым словом. В самый первый день моего приезда в Читту призывает меня к частоколу А. Г. Муравьева¹ и отдает мне листок бумаги, на котором неизвестною рукою написано было:

Мой первый друг, мой друг бесценный!..

Отрадно отозвался во мне голос Пушкина! Преисполненный глубокой живительной благодарности, я не мог обнять его, как он меня обнимал, когда я первый посетил его в изгнании».

Как подготовить сообщение с включением воспоминаний, писем и других материалов:

1. Внимательно прочитайте материалы и отберите то, что вам нужно для раскрытия темы.

2. Составьте простой план и пометьте, какой материал вы используете для каждого пункта плана.

3. Если вы делаете устное сообщение, текст его надо заранее подготовить и рассказывать, а не читать по книге. Цитаты же лучше читать. Чтобы легко их найти в нужный момент, около отобранных вами отрывков на полях можно карандашом написать цифру — пункт плана.

4. Не забудьте сообщить слушателям, чье это высказывание, кто это такой (очень кратко). Необходимые указания приведены в подборке материалов.

¹ *Муравьева Александра Григорьевна* — жена декабриста Никиты Михайловича Муравьева, последовавшая за мужем в Сибирь. Пушкин передал с нею сосланным декабристам стихи.

Перед вами черновой вариант стихотворения «Узник». Сравните его с окончательным текстом, помещенным в учебнике.

Какие строки поэт изменил? На примере одной-двух строк покажите, как при этом изменился смысл: углубилась ли мысль, сделалось ли более ярким чувство, стал ли совершеннее стих?

УЗНИК

И тихо и грустно в темнице (глухой)!
Пленен, обескрылен орел молодой,
Мой верный товарищ в изгнание моем
Кровавую пищу клюет под окном.
Клюет и бросает, и смотрит в окно,
И вымолвить (хочет) мне слово одно.
Зовет меня взором и криком своим:
«Мой верный товарищ, уйдем, улетим;
Давай встрепаемся! пора нам! пора!
Острог нам не ближний, тюрьма не сестра.
Мы вольные птицы, ты, брат мой, и я.
Где сокол (и коршун), там наша семья».

Как подготовить выразительное чтение стихотворения «И. И. Пущину»:

1. Какие факты биографии А. С. Пушкина и И. И. Пущина помогают понять стихотворение?
2. Стихотворение начинается восклицательным предложением. Как надо произнести эту строку: торжественно или задушевно, грустно или радостно, мрачно или светло?
3. Каким чувством проникнуты строки, где поэт вспоминает о встрече в Михайловском?
4. Последние строки говорят о другой «встрече». Чем она похожа на первую? Чего желает другу поэт? Как надо произнести эти строки?

Как подготовить выразительное чтение стихотворения «Зимнее утро»:

Чтобы выразительно прочесть стихотворение, надо понять, прочувствовать его настроение. Уже первая строка говорит об этом: «день чудесный». Поэт восхищается красотой зимнего утра. Но это не все.

Представьте себе, что в стихотворении не было бы второй строфы — воспоминания о вчерашнем ненастье. Изменилось бы от этого настроение? Да, исчезло бы ощущение удивления, неожиданности. А потому и красота морозного солнечного утра не вызвала бы такой радости.

Картина, нарисованная во второй строфе, противопоставлена картине утра. Не случайно это вечер и утро: вечер — это конец, темнота, умирание; утро — рождение нового, начало, рассвет. Сравните в первой и второй строфах слова, передающие настроение: злилась, мгла, бледное, мрачные, печальная — и чудесный, великолепными, блестя, блестит, озарена, веселым, приятно.

Читая строфы, в которых изображается зимнее утро, постарайтесь представить себе эти картины: сверкающий на солнце снег, далекий лес, иней на ветках ели... И главное — передать чувство радости, удивления, неожиданности.

Ну, а картина вчерашнего вечера, как ее прочитать? Конечно, настроение здесь другое, но не забудьте, что теперь это только воспоминание. Стихи здесь будут звучать немного глуховато и монотонно, картины как бы нанизываются одна на другую с помощью перечислительной интонации: вьюга, мгла, луна... А после слов «И ты печальная сидела» наступает перелом. Его надо подчеркнуть паузами:

И ты печальная сидела (пауза),
А нынче... (пауза) погляди в окно...

От печальных воспоминаний мы переходим к светлой радости. И теперь все, на что падает наш взгляд, волшебным образом преображается, блестит, сверкает. Чувство радости растет и требует движения, хочется навестить милые сердцу места.

Литературные игры

ВИКТОРИНА

Назовите произведения, из которых приведены следующие строки:

Там русский дух, там Русью пахнет...

Пора, красавица, проснись...

Тоска, предчувствия, заботы
Теснят твою всечасно грудь...

И вымолвить хочет: давай улетим!

Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На раздутых парусах...

...Оно,

Соку спелого полно,
Так свежо и так душисто,
Так румяно-золотисто,
Будто медом налилось...

Улыбкой ясною природа
Сквозь сон встречает утро года...

Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой...

Встает заря во мгле холодной;
На нивах шум работ умолк;
С своей волчихою голодной
Выходит на дорогу волк...

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льет печально свет она...

Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила...

Прибежали в избу дети,
Второпях зовут отца...

О ком говорится?

Идет, бредет сама собой...

Голубка дряхлая моя...

Ступает бережно на лед,
Скользит и падает...

Плетется рысью, как-нибудь...

Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье...

За столом сидит она царицей,
Служат ей бояре да дворяне,
Наливают ей заморские вина,
Заедает она пряником печатным...

Месяц под косою блестит,
А во лбу звезда горит;
А сама-то величава,
Выступает, будто пава...

С ним-одним она была
Добродушна, весела...

Смолоду был грозен он...

Замяукал он, как голодный котенок...

Ему и больно, и смешно,
А мать грозит ему в окно...

Ты встаешь во тьме глубокой,
Круглолицый, светлоокий,
И, обычай твой любя,
Звезды смотрят на тебя...

Раз он позднею порой,
Весь в поту, от страха бледный,
Через кладбище шел домой...

В пирах никем не побежденный,
Но воин скромный средь мечей..

Белолица, черноброва,
Нраву кроткого такого...

Княжны испуганной бледнее;
Зажавши уши поскорее,
Хотел бежать, но в бороде
Запутался, упал и бьется...

Кто это говорит?

«Не нужно мне твоих шатров,
Ни скучных песен, ни пиров —
Не стану есть, не буду слушать,
Умру среди твоих садов!»

«Там за речкой тихоструйной
Есть высокая гора,
В ней глубокая нора...»

«Смирись, покорствуй русской силе!»

«Я еду, еду, не свищу,
А как наеду, не спущу!»

«А теперь ты воротись,
Не горюй и спать ложись».

«Нами ты была любима
И для милого хранима.
Не досталась никому —
Только гробу одному».

«Волю первую твою
Я исполню, как мою».

«Что ты в голову забрал?
Я, конечно, обещал,
Но всему же есть граница...»

«Что, батька, так рано поднялся?
Чего ты взыскался?»

«ДУБРОВСКИЙ»

Прочитайте историческую справку и перескажите ее содержание.

Над романом «Дубровский» А. С. Пушкин работал с 21 октября 1832 года по 6 февраля 1833 года. Роман не был завершен. При жизни поэта произведение не было опубликовано. Издатели назвали рукопись по имени главного героя.

В основу романа «Дубровский» легли рассказы о реальных событиях тех лет. Споры помещиков между собой за право владеть землей были довольно часты. Судьи, как правило, принимали сторону богатого и влиятельного барина, поэтому богачи разоряли небогатых соседей.

Хорошо известно, что в основу романа «Дубровский» легла рассказанная Пушкину его другом Нащокиным история об одном небогатом дворянине по фамилии Островский, который имел процесс с соседом за землю. Он был вытеснен из имения и, оставшись с одними крестьянами, стал грабить...

Известно также, что перед началом работы над романом Пушкин побывал в Болдине и Пскове, где рассматривалось судебное дело нижегородского помещика Дубровского, у которого незаконно было отнято имение. Уездный суд утвердил это решение.

Таким образом, в основу романа А. С. Пушкина легли жизненные обстоятельства.

«Дубровский» был высоко оценен русской критикой. Известный критик В. Г. Белинский

считал роман «Дубровский» тем «поэтическим созданием, которым по справедливости всегда может гордиться русское общество».

ВИКТОРИНА

1. Сколько гончих и борзых было на псарном дворе Кирилы Петровича? А сколько собак было у А. Г. Дубровского?

2. В какие моменты жизни Кирила Петрович насвистывал мотив: «Гром победы, раздавайся»? Назовите их.

3. Как звали псаря, который допустил насмешку над А. Г. Дубровским?

4. «...Маленький человек в кожаном картузе и фризовой шинели вышел из телеги и пошел во флигель...» О ком идет речь?

5. Какой чин имел Владимир Дубровский по окончании кадетского корпуса?

6. Когда в Троекурове вспыхивает жажда мести?

7. «Пошел вон, не до тебя». Когда Шабашкин услышал эти слова от Троекурова?

8. «Слуга радостно побежал исполнять приказание своего барина». Что это было за приказание и какие последствия оно имело?

9. Кому принадлежит решительный голос в крестьянской толпе, взбунтовавшейся против приказных: «Да что на него смотреть, ребята! долой их!»; «Ребята, вязать!»?

10. «Владимир отворил дверь и наткнулся на человека, прижавшегося в угол; топор блестел у него». Кто был этот человек?

11. «Кирила Петрович послал губернатору подробное описание всему происшествию, и новое дело завязалось». О каком происшествии идет речь и какое «новое дело завязалось»?

12. «Между тем наступило 1 октября». Чем знаменит был этот день?

13. «Все любили молодого учителя». За что же его любили?

14. Сколько времени Дубровский жил у Троекуровых?

15. «Я дворовый человек господ Дубровских». Кому принадлежат эти слова и когда они прозвучали?

16. «Славная весть, — сказал ему Кирила Петрович, — я поймал Дубровского». С кем и когда состоялся этот разговор?

17. «После сей речи он [Дубровский] оставил их, взяв с собою одного». Какая речь имеется в виду и кого взял с собою Дубровский?

18. Кто из героев и когда произносит следующие пословицы?

«Было бы корыто, а свиньи-то будут».

«На чужой рот пуговицы не нашьешь».

«Не наше холопье дело разбирать барские воли».

«Плетью обуха не перешибешь».

«Всех бы разом, так и концы в воду».

«Он гол как сокол».

«Каков поп, таков и приход».

«Малый не промах».

Самостоятельная работа

I. Расскажите о трех усадьбах: Кистеневке, Покровском, Арбатове.

Примерный план:

1. Как выглядят эти усадьбы? Чем отличаются друг от друга?

2. Какие события происходят в каждой из них?

3. Почему мы часто видим и слышим кистеневских крестьян, а в Арбатове встречаемся с совершенным безлюдьем?

4. Как относятся помещики к дворовым и крепостные к господам?

II. Подготовьте устный рассказ на тему: «Какую роль сыграл судейский чиновник Шабашкин в судьбе семьи Дубровских?»

Примерный план:

1. Кто такой Шабашкин? Какова его внешность?

2. Как отнесся Шабашкин к желанию Троекурова завладеть чужим именем?

3. Почему он не отказался от участия в этом неправом деле?

4. Какими способами Шабашкин добивался исполнения желания Троекурова?

5. Как вели себя на суде Шабашкин и другие судейские чиновники? Чем это можно объяснить?

6. Как держал себя Шабашкин при встрече с Владимиром Дубровским?

III. Составьте рассказ «Спицын в медвежьей комнате».

Обратите внимание на ту роль, которую сыграл Спицын в судьбе Дубровских. Перечитайте описание внешности Антона Пафнутьевича, его рассказ о том, почему он так долго добирался до Троекурова, почему он хотел переночевать с Дефоржем. Подумайте, как мог вести себя Спицын в медвежьей комнате.

IV. Подготовьтесь к сочинению по теме: «Какие обстоятельства заставили Дубровского стать разбойником?»

Примерный план:

1. Беспечная жизнь Владимира Дубровского в Петербурге.

2. Ссора Андрея Гавриловича Дубровского с Троекуровым и ее последствия для семьи Дубровских.

3. Владимир Дубровский теряет отца и лишается своего имения.

4. Владимир Дубровский расправляется с продажными судейскими чиновниками.

5. Стремление Владимира отомстить за поруганную справедливость.

6. Жизнь Владимира Дубровского «вне закона»¹.

V. Назовите пословицы, относящиеся к таким свойствам человеческого характера, как доброта, справедливость, достоинство, честь, например: «Дружба крепка не лестью, а честью», «Лучше быть несчастным, чем нечестным», «Береги честь смолоду», «За совесть и честь хоть голу снести».

Литература и живопись

I. Рассмотрите иллюстрации Д. Шмаринова и А. Пахомова «На псарне у Троекурова», а затем иллюстрации Д. Шмаринова и Б. Кустодиева «Пожар усадьбы Дубровского».

Примерный план:

1. Расскажите о том, что вы видите на каждой из этих иллюстраций.

2. Чем отличаются эти изображения?

3. Какие чувства вызывает каждый из этих рисунков?

¹ В разделе использованы рекомендации следующих авторов: Снежная М. А. За творческое изучение литературы в школе. — М., 1968; Маранцман В. Г. Роман А. С. Пушкина «Дубровский» в школьном изучении. — Л., 1974; Зепалова Т. С., Мецгерякова Н. Я. Методическое руководство к учебнику-хрестоматии «Родная литература» для 5 класса. — М., 1983, и др.

Худ. Д. Шмаинов. На псарне у Троекурова. 1949

4. Кто из художников точнее и достовернее запечатлел сюжет в своем рисунке?¹

II. Подберите издания романа «Дубровский» с иллюстрациями различных художников и устройте их выставку в классе.

Для любознательных

«...Перед нами последняя глава романа „Дубровский“, начатого Пушкиным в 1832 году и брошенного в начале 1833. В начале этой главы описываются будни разбойничьего лагеря Дубровского.

¹ Иллюстрации Д. Шмаинова см. в учебнике для 6 класса.

Худ. Д. Шмаринов. Сцена в суде. 1949

Худ. Б. Кустодиев. Пожар в усадьбе Дубровского. 1923

„На валу подле маленькой пушки сидел караульный, поджав под себя ноги; он вставлял заплатку в некоторую часть своей одежды, владея иголкою с искусством, отличающим опытного портного, и поминутно поглядывал во все стороны.

Хотя некоторый ковшик несколько раз переходил из рук в руки, странное молчание царствовало в сей толпе; разбойники отобедали, один после другого вставал и молился Богу, некоторые разошлись по шалашам, а другие разбрелись по лесу или прилегли соснуть по русскому обычаю.

Караульщик кончил свою работу, встряхнул свою рухлядь, полюбовался заплатою, приколот к рукаву иголку, сел на пушку верхом и запел во все горло меланхолическую старую песню:

Не шуми, мати зелена дубравушка,
Не мешай мне, молодцу, думу думати“.

Бросается в глаза та настойчивость, с которой Пушкин — сознательно и не без юмора — подчеркивает будничность, обыкновенность, прозаичность разбойничьего быта. Если бы не два слова — „пушка“ и „разбойник“, мы никогда не догадались бы, что речь идет о быте, по всем привычным представлениям, необыкновенном, романтическом. Картина как будто сознательно окрашена в один серый тон.

...Вот что происходит после того, как караульный „запел во все горло“:

„В это время дверь одного из шалашей отворилась, и старушка в белом чепце, опрятно и чопорно одетая, показалась у порога. „Полно тебе, Степка, — сказала она сердито, — барин почивает, а ты знай горланишь; нет у вас ни совести, ни жалости“. — „Виноват, Егоровна, — отвечал Степка, — ладно, больше не буду, пусть он себе, наш батюшка, почивает да выздоравливает“.

Худ. А. Пахомов.
«Дубровский». 1936

Худ. А. Пахомов.
«Дубровский». 1936

Это — главный штрих, и он окончательно проясняет смысл картины.

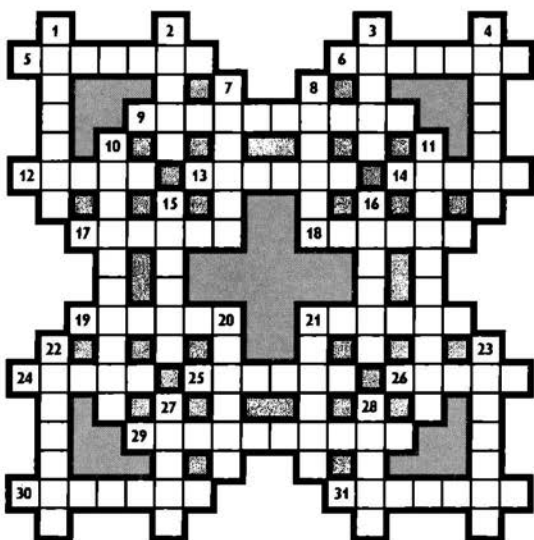
Перед нами — не настоящие разбойники. Перед нами крепостные крестьяне, преданные батюшке-барину; изменились лишь внешние условия их существования. В эти новые внешние условия неприкосновенности перенесены привычные, обыкновенные отношения между помещиком и его людьми. „Белый чепец“ и чопорный облик няни все это подчеркивают, ставя точку над „i“. В разбойничьем лагере царит своеобразная помещичья идиллия¹. Стихийное возмущение крестьян в Кистеневке при передаче имения Троекурову (хотели ведь „вязать“ приказных) — это возмущение против чужого, плохого, жестокого барина в пользу хорошего, а главное — своего, притом возмущение и усмиренное тут же самим этим „своим“ барином.

¹ Идѳллия — мирное, счастливое существование.

Будь на месте Владимира Дубровского человек с другим характером — никакого разбойничьего лагеря мы не увидели бы в этом повествовании о дворянине-бунтовщике. Пушкин так прямо об этом и говорит: как только сам Дубровский исчез, „грозные посещения, пожары и грабежи прекратились. Дороги стали свободны“. Перед нами — наполовину разбойники, наполовину рабы. (Сам Дубровский к ним так и относится, свысока называя их всех „мошенниками“.)»¹

■ ■ ■ Кроссворд ■ ■ ■

«А. С. Пушкин. „Дубровский“»

По горизонтали: 5. Помещение для лошадей. 6. Офицерский чин, в котором вышел в отставку Андрей Гаврилович Дубровский. 9. Тот, кто поможет избежать печальной участи, спасет (например, Дубровский, на которого рассчитывала Маша). 12. Происшествие в Кистеневке, весть о котором на другой день разнеслась по всему околотку. 13. Легкая двухместная коляска Троекурова. 14. Домашнее

¹ Непомнящий В. Сила взрыва // Литература в школе. — 1971. — № 3. — С. 18—19.

животное, спасенное Архипом-кузнецом во время пожара. 17. Место для певчих в церкви, у которого стоял молодой Дубровский («...он не плакал и не молился, но лицо его было страшно»). 18. Тюрма, куда, по словам исправника, хотели посадить Митю. 19. Хорошие результаты ученицы Дубровского в музыке, за которыми он «с большим прилежанием следовал». 21. Что рухнуло и погребло приказных в горящем доме? 24. Старший по положению в семье, доме, кем обычно бывает дворянин, женившись на бедной дворянке. 25. Должность Тимошки на псарном дворе. 26. Как звали старого кучера, встречавшего Владимира Андреевича на станции? 29. Бумажный денежный знак из тех, которыми Дубровский расплатился с французом. 30. «Тамошние» помещики, благодаря «усердию» которых до Дубровского (отца) доходили оскорбительные выражения Троекурова. 31. Небольшая больница для собак на псарне Кирилы Петровича.

По вертикали: 1. Караульный, вставлявший «заплатку в некоторую часть своей одежды». 2. Титул соседа Троекурова, чье поместье находилось в тридцати верстах. 3. Сиденье для кучера, к которому привязали мошенника-приказчика. 4. Открытая многоместная коляска, в которой совершили прогулку Кирила Петрович, Марья Кириловна и князь. 7. Требование официального разъяснения насчет владения Андреем Гавриловичем Кистеневкою, полученное им из города. 8. Что затрещало и посыпалось, когда «пламя охватило весь дом»? 10. Имущество, переходящее после смерти от отца к сыну (так Андрею Гавриловичу досталась Кистеневка). 11. Старинная башня, видневшаяся на одном из холмов за озером, где находилось Покровское. 15. Все церковные служители, приглашенные на обед по случаю похорон. 16. Какую обязанность исполняли Василиса и Лукерья в ночь пожара? 20. Поместье, земельное владение. 21. Часть одежды, где Дефорж прятал маленький пистолет. 22. Вдова-помещица, которую пытался обмануть собственный приказчик, впоследствии наказанный Дубровским. 23. Изображение, которое рассматривал Владимир в комнате отца. 27. Время года, когда Кирила Петрович собирался «в отъездное поле» на охоту. 28. Предмет мебели в петербургской квартире Дубровского.

■ **Слова для справок:** Антон. Ассигнация. Глава. Глобова. Дворяне. Диван. Дрожки. Запрос. Избавитель.

Имение. Карман. Клирос. Князь. Козлы. Колокольня. Ко-
нюшня. Кошка. Кровля. Лазарет. Лекарь. Линейка. Наслед-
ство. Осень. Острог. Пожар. Портной. Портрет. Поручик.
Причет. Стекло. Сторож. Успехи.

«ПОВЕСТИ ПОКОЙНОГО ИВАНА ПЕТРОВИЧА БЕЛКИНА»

Прочитайте тексты и ответьте на вопросы.

«Осень 1830 года А. С. Пушкин провел в селе Болдино Нижегородской губернии. Отрезанный карантинном из-за вспыхнувшей холеры, Пушкин был вынужден задержаться здесь.

Осень всегда вызывала у поэта прилив творческих сил, была самым любимым временем года. „Нигде мне так хорошо не пишется, как осенью в деревне“, — говорил он часто.

А. С. Пушкину пришлось прожить в Болдине три месяца. В эти дни он закончил роман „Евгений Онегин“, написал несколько драматических сцен: „Моцарт и Сальери“, „Скупой рыцарь“, „Каменный гость“, поэму «Домик в Коломне», около тридцати лирических стихотворений, „Повести Белкина“. Сюда вошли „Выстрел“, „Метель“, „Станционный смотритель“, „Гробовщик“, „Барышня-крестьянка“.

В мире нет другого примера, когда писатель за такое короткое время создал бы столько замечательных произведений».

*По книге: Шер Н. С.
Рассказы о русских писателях. — М., 1982.*

«Осень подходит. Это любимое мое время — здоровье мое обыкновенно крепнет — пора моих литературных трудов настает... Еду в деревню, Бог весть, буду ли там иметь время заниматься и душевное спокойствие, без которого ничего не произведешь...»

А. С. Пушкин — П. А. Плетневу.
31 августа 1830 года. Москва.

«Ах, мой милый! что за прелесть здешняя деревня! вообрази: степь да степь; соседей ни души; ездй верхом сколько душе угодно, пиши дома сколько вздумается, никто не помешает. Уж я тебе наготовлю всячины — и прозы, и стихов».

А. С. Пушкин — П. А. Плетневу.
9 сентября 1830 года. Болдино.

«Скажу тебе (за тайну), что я в Болдине писал, как давно уже не писал. Вот что я привез сюда: 2 последние главы Онегина, 8-ю и 9-ю, совсем готовые в печать. Повесть, писанную октавами (стихов 400), которую выдадим Анопуге (анонимно. — *Ред.*), несколько драматических сцен, или маленьких трагедий: „Скупой рыцарь“, „Моцарт и Сальери“, „Пир во время чумы“ и „Дон Жуан“. Сверх того написал около 30 мелких стихотворений. Хорошо? Еще не все (весьма секретное). Написал я прозою 5 повестей...»

А. С. Пушкин — П. А. Плетневу.
9 декабря 1830 года. Москва.

Вопросы и задание:

1. Когда и при каких обстоятельствах были созданы А. С. Пушкиным «Повести Белкина»?
2. Составьте рассказ об истории создания А. С. Пушкиным «Повестей Белкина», используя предложенные материалы.
3. Л. Н. Толстой писал: «Я с восторгом, мною давно уже не испытываемым, читал это последнее время „Повести Белкина“, в седьмой раз в моей жизни...» А какое впечатление произвели на вас эти произведения?

Самостоятельная работа

1. Перечитайте вступление «От издателя» к «Повестям Белкина» и подготовьте сокращенный художественный пересказ. Используйте при

этом следующие выражения: «любители отечественной словесности», «получили желаемый ответ», «по причине своей неопытности и мягкосердечия», «передал его дела распоряжению Всевышнего», «слышаны им от разных особ».

2. Как вы думаете, почему А. С. Пушкин «доверил» рассказать повести (истории) И. П. Белкину? Каким вы его представляете? Прочитайте одну из «Повестей Белкина» — повесть «Метель».

МЕТЕЛЬ

Кони мчатся по буграм,
Топчут снег глубокой...
Вот в сторонке Божий храм
Виден одинокой.

.
Вдруг метелица кругом;
Снег валит клоками;
Черный вран, свистя крылом,
Вьется над санями;
Вещий стон гласит печаль!
Кони торопливы
Чутко смотрят в темну даль,
Воздымая гривы...

Жуковский

В конце 1811 года, в эпоху нам достопамятную, жил в своем поместье Ненарадове добрый Гаврила Гаврилович Р**. Он славился во всей округе гостеприимством и радушием; соседи по минутно ездили к нему поесть, попить, поиграть по пяти копеек в бостон¹ с его женою, Прасковьей Петровною, а некоторые для того, чтоб поглядеть на дочку их, Марью Гавриловну, стройную, бледную и семнадцатилетнюю девицу. Она считалась богатой невестою, и многие прочили ее за себя или за сыновей.

Марья Гавриловна была воспитана на французских романах и, следственно, была влюблена.

¹ Бостон — карточная игра.

Предмет, избранный ею, был бедный армейский прапорщик, находившийся в отпуску в своей деревне. Само по себе разумеется, что молодой человек пылал равною страстию и что родители его любезной, заметя их взаимную склонность, запретили дочери о нем и думать, а его принимали хуже, нежели отставного заседателя.

Наши любовники были в переписке и всякий день видались наедине в сосновой роще или у старой часовни. Там они клялись друг другу в вечной любви, сетовали на судьбу и делали различные предположения. Переписываясь и разговаривая таким образом, они (что весьма естественно) дошли до следующего рассуждения: если мы друг без друга дышать не можем, а воля жестоких родителей препятствует нашему благополучию, то нельзя ли нам будет обойтись без нее? Разумеется, что эта счастливая мысль пришла сперва в голову молодому человеку и что она весьма понравилась романическому воображению Марьи Гавриловны.

Наступила зима и прекратила их свидания; но переписка сделалась тем живее. Владимир Николаевич в каждом письме умолял ее предаться ему, венчаться тайно, скрываться несколько времени, броситься потом к ногам родителей, которые конечно будут тронуты наконец героическим постоянством и несчастьем любовников и скажут им непременно: «Дети! придите в наши объятия».

Марья Гавриловна долго колебалась; множество планов побега было отвергнуто. Наконец она согласилась: в назначенный день она должна была не ужинать и удалиться в свою комнату под предлогом головной боли. Девушка ее была в заговоре; обе они должны были выйти в сад через заднее крыльцо, за садом найти готовые сани, садиться в них и ехать за пять верст от Ненадова в село Жадрино, прямо в церковь, где уж Владимир должен был их ожидать.

Накануне решительного дня Марья Гавриловна не спала всю ночь; она укладывалась, увязывала белье и платье, написала длинное письмо к одной чувствительной барышне, ее подруге, другое к своим родителям. Она прощалась с ними в самых трогательных выражениях, извиняла свой проступок неодолимою силою страсти и оканчивала тем, что блаженнейшею минутою жизни почтет она ту, когда позволено будет ей броситься к ногам дражайших ее родителей. Запечатав оба письма тульской печаткою, на которой изображены были два пылающие сердца с приличной надписью, она бросилась на постель перед самым рассветом и задремала; но и тут ужасные мечтания поминутно ее пробуждали. То казалось ей, что в самую минуту, как она садилась в сани, чтоб ехать венчаться, отец ее останавливал ее, с мучительной быстротою тащил ее по снегу и бросал в темное, бездонное подземелие... и она летела стремглав с неизъяснимым замиранием сердца; то видела она Владимира, лежащего на траве, бледного, окровавленного. Он, умирая, молил ее пронзительным голосом поспешить с ним обвенчаться... другие безобразные, бессмысленные видения неслись перед нею одно за другим. Наконец она встала, бледнее обыкновенного и с непритворной головою болью. Отец и мать заметили ее беспокойство; их нежная заботливость и беспрестанные вопросы: что с тобою, Маша? не больна ли ты, Маша? — раздирали ее сердце. Она старалась их успокоить, казаться веселою, и не могла. Наступил вечер. Мысль, что уже в последний раз провожает она день посреди своего семейства, стесняла ее сердце. Она была чуть жива; она втайне прощалась со всеми особами, со всеми предметами, ее окружавшими. Подали ужинать; сердце ее сильно забилося. Дрожащим голосом объявила она, что ей ужинать не хочется, и стала прощаться с

Худ. Д. А. Шмаринов. «Метель». 1973

отцом и матерью. Они ее поцеловали и, по обыкновению, благословили: она чуть не заплакала. Пришед в свою комнату, она кинулась в кресла и залилась слезами. Девушка уговаривала ее успокоиться и ободриться. Всё было готово. Через полчаса Маша должна была навсегда оставить родительский дом, свою комнату, тихую девическую жизнь... На дворе была метель; ветер выл, ставни тряслись и стучали; всё казалось ей угро-

зой и печальным предзнаменованием. Скоро в доме всё утихло и заснуло. Маша укуталась шалью, надела теплый капот, взяла в руки шкатулку свою и вышла на заднее крыльцо. Служанка несла за нею два узла. Они сошли в сад. Метель не утихала; ветер дул навстречу, как будто силясь остановить молодую преступницу. Они насилу дошли до конца сада. На дороге сани дожидались их. Лошади, прозябнув, не стояли на месте; кучер Владимира расхаживал перед оглоблями, удерживая ретивых. Он помог барышне и ее девушке усесться и уложить узлы и шкатулку, взял вожжи, и лошади полетели. Поручив барышню попечению судьбы и искусству Терешки-кучера, обратимся к молодому нашему любовнику.

Целый день Владимир был в разъезде. Утром был он у жадринского священника; насилу с ним уговорился; потом поехал искать свидетелей между соседними помещиками. Первый, к кому явился он, отставной сорокалетний корнет Дравин, согласился с охотою. Это приключение, уверял он, напоминало ему прежнее время и гусарские проказы. Он уговорил Владимира остаться у него отобедать и уверил его, что за другими двумя свидетелями дело не станет. В самом деле, тотчас после обеда явились землемер Шмит в усах и шпорах и сын капитан-исправника, мальчик лет шестнадцати, недавно поступивший в уланы. Они не только приняли предложение Владимира, но даже клялись ему в готовности жертвовать для него жизнью. Владимир обнял их с восторгом и поехал домой приготавливаться.

Уже давно смеркалось. Он отправил своего надежного Терешку в Ненарадово с своею тройкою и с подробным, обстоятельным наказом, а для себя велел заложить маленькие сани в одну лошадь, и один без кучера отправился в Жадрино, куда часа через два должна была приехать и Ма-

рья Гавриловна. Дорога была ему знакома, а езды всего двадцать минут.

Но едва Владимир выехал за околицу в поле, как поднялся ветер и сделалась такая метель, что он ничего не взвидел. В одну минуту дорогу занесло; окрестность исчезла во мгле мутной и желтоватой, сквозь которую летели белые хлопья снегу; небо слилось с землею. Владимир очутился в поле и напрасно хотел снова попасть на дорогу; лошадь ступала наудачу и поминутно то въезжала на сугроб, то проваливалась в яму; сани поминутно опрокидывались; Владимир старался только не потерять настоящего направления. Но ему казалось, что уже прошло более получаса, а он не доезжал еще до Жадринской рощи. Прошло еще около десяти минут; рощи всё было не видать. Владимир ехал полем, пересеченным глубокими оврагами. Метель не утихла, небо не прояснялось. Лошадь начинала уставать, а с него пот катился градом, несмотря на то, что он поминутно был по пояс в снегу.

Наконец он увидел, что едет не в ту сторону. Владимир остановился: начал думать, припоминать, соображать, и уверился, что должно было взять ему вправо. Он поехал вправо. Лошадь его чуть ступала. Уже более часа был он в дороге. Жадрино должно было быть недалеко. Но он ехал, ехал, а поля не было конца. Всё сугробы да овраги; поминутно сани опрокидывались, поминутно он их подымал. Время шло; Владимир начинал сильно беспокоиться.

Наконец в стороне что-то стало чернеть. Владимир поворотил туда. Приближаясь, увидел он рощу. Слава Богу, подумал он, теперь близко. Он поехал около рощи, надеясь тотчас попасть на знакомую дорогу или объехать рощу кругом: Жадрино находилось тотчас за нею. Скоро нашел он дорогу и въехал во мрак дерев, обнаженных зимою. Ветер не мог тут свирепствовать;

дорога была гладкая; лошадь ободрилась, и Владимир успокоился.

Но он ехал, ехал, а Жадрина было не видать; роце не было конца. Владимир с ужасом увидел, что он заехал в незнакомый лес. Отчаяние овладело им. Он ударил по лошади; бедное животное пошло было рысью, но скоро стало приставать и через четверть часа пошло шагом, несмотря на все усилия несчастного Владимира.

Мало-помалу деревья начали редеть, и Владимир выехал из лесу; Жадрина было не видать. Должно было быть около полуночи. Слезы брызнули из глаз его; он поехал наудачу. Погода утихла, тучи расходились, перед ним лежала равнина, устланная белым волнистым ковром. Ночь была довольно ясна. Он увидел невдалеке деревушку, состоящую из четырех или пяти дворов. Владимир поехал к ней. У первой избышки он выпрыгнул из саней, подбежал к окну и стал стучаться. Через несколько минут деревянный ставень поднялся, и старик высунул свою седую бороду. «Что те надо?» — «Далеко ли Жадрино?» — «Жадрино-то далеко ли?» — «Да, да! Далеко ли?» — «Недалече; верст десяток будет». При сем ответе Владимир схватил себя за волосы и остался недвижим, как человек, приговоренный к смерти.

«А отколе ты?» — продолжал старик. Владимир не имел духа отвечать на вопросы. «Можешь ли ты, старик, — сказал он, — достать мне лошадей до Жадрина?» — «Каки у нас лошади», — отвечал мужик. «Да не могу ли взять хоть проводника? Я заплачу, сколько ему будет угодно». — «Постой, — сказал старик, опуская ставень, — я те сына вышлю; он те проводит». Владимир стал дожидаться. Не прошло минуты, он опять начал стучаться. Ставень поднялся, борода показалась. «Что те надо?» — «Что ж твой сын?» — «Сейчас выдет, обувается. Али ты про-

зьяб? взойди погреться». — «Благодарю, высилай скорее сына».

Ворота заскрипели; парень вышел с дубиной и пошел вперед, то указывая, то отыскивая дорогу, занесенную снеговыми сугробами. «Который час?» — спросил его Владимир. «Да уж скоро рассвет», — отвечал молодой мужик. Владимир не говорил уже ни слова.

Пели петухи, и было уже светло, как достигли они Жадрина. Церковь была заперта. Владимир заплатил проводнику и поехал на двор к священнику. На дворе тройки его не было. Какое известие ожидало его!

Но возвратимся к добрым ненарадновским помещикам и посмотрим, что-то у них делается.

А ничего.

Старики проснулись и вышли в гостиную. Гаврила Гаврилович в колпаке и байковой куртке, Прасковья Петровна в шляфореке на вате. Подали самовар, и Гаврила Гаврилович послал девчонку узнать от Марьи Гавриловны, каково ее здоровье и как она почивала. Девчонка воротилась, объявляя, что барышня почивала-де дурно, но что ей-де теперь легче и что она-де сейчас придет в гостиную. В самом деле, дверь отворилась, и Марья Гавриловна подошла здороваться с папенькой и с маменькой.

«Что твоя голова, Маша?» — спросил Гаврила Гаврилович. «Лучше, папенька», — отвечала Маша. «Ты верно, Маша, вчерась угорела», — сказала Прасковья Петровна. «Может быть, маменька», — отвечала Маша.

День прошел благополучно, но в ночь Маша занемогла. Послали в город за лекарем. Он приехал к вечеру и нашел больную в бреду. Открылась сильная горячка, и бедная больная две недели находилась у края гроба.

Никто в доме не знал о предположенном побеге. Письма, накануне ею написанные, были

сожжены; ее горничная никому ни о чем не говорила, опасаясь гнева господ. Священник, отставной корнет, усастый землемер и маленький улан были скромны, и недаром. Терешка-кучер никогда ничего лишнего не высказывал, даже и во хмелю. Таким образом тайна была сохранена более чем полудюжиною заговорщиков. Но Марья Гавриловна сама в беспрестанном бреду высказывала свою тайну. Однако ж ее слова были столь несообразны ни с чем, что мать, не отходившая от ее постели, могла понять из них только то, что дочь ее была смертельно влюблена во Владимира Николаевича и что, вероятно, любовь была причиною ее болезни. Она советовалась со своим мужем, с некоторыми соседями, и наконец единогласно все решили, что видно такова была судьба Марьи Гавриловны, что суженого конем не объедешь, что бедность не порок, что жить не с богатством, а с человеком, и тому подобное. Нравственные поговорки бывают удивительно полезны в тех случаях, когда мы от себя мало что можем выдумать себе в оправдание.

Между тем барышня стала выздоравливать. Владимира давно не видно было в доме Гаврилы Гавриловича. Он был напуган обыкновенным приемом. Положили послать за ним и объявить ему неожиданное счастье: согласие на брак. Но каково было изумление ненарадовских помещиков, когда в ответ на их приглашение получили они от него полусумасшедшее письмо! Он объявлял им, что нога его не будет никогда в их доме, и просил забыть о несчастном, для которого смерть остается единою надеждою. Через несколько дней узнали они, что Владимир уехал в армию. Это было в 1812 году.

Долго не смели объявить об этом выздоравливающей Маше. Она никогда не упоминала о Владимире. Несколько месяцев уже спустя, нашед имя его в числе отличившихся и тяжело ранен-

ных под Бородином, она упала в обморок, и боялись, чтоб горячка ее не возвратилась. Однако, слава Богу, обморок не имел последствия.

Другая печаль ее посетила: Гаврила Гаврилович скончался, оставя ее наследницей всего имения. Но наследство не утешало ее, она разделяла искренно горесть бедной Прасковьи Петровны, клялась никогда с нею не расставаться; обе они оставили Ненарадово, место печальных воспоминаний, и поехали жить в ***ское поместье.

Женихи кружились и тут около милой и богатой невесты; но она никому не подавала и малейшей надежды. Мать иногда уговаривала ее выбрать себе друга; Марья Гавриловна качала головой и задумывалась. Владимир уже не существовал: он умер в Москве, накануне вступления французов. Память его казалась священной для Маши; по крайней мере, она берегла всё, что могло его напомнить: книги, им некогда прочитанные, его рисунки, ноты и стихи, им переписанные для нее. Соседи, узнав обо всем, дивились ее постоянству и с любопытством ожидали героя, долженствовавшего наконец восторжествовать над печальной верностью этой девственной Артемизы.

Между тем война со славою была кончена. Полки наши возвращались из-за границы. Народ бежал им навстречу. Музыка играла завоеванные песни: *Vive Henri-Quatre*¹, тирольские вальсы и арии из *Жюконда*. Офицеры, ушедшие в поход почти отроками, возвращались, возмужав на бранном воздухе, обвешанные крестами. Солдаты весело разговаривали между собою, вмешивая поминутно в речь немецкие и французские слова. Время незабвенное! Время славы и восторга! Как сильно билось русское сердце при слове *отечество*! Как сладки были слезы свидания!

¹ Да здравствует Генрих Четвертый (франц.).

С каким единодушием мы соединяли чувства народной гордости и любви к государю! А для него какая была минута!

Женщины, русские женщины были тогда бесподобны. Обыкновенная холодность их исчезла. Восторг их был истинно упоителен, когда, встречая победителей, кричали они: *ура!*

И в воздух чепчики бросали.

Кто из тогдашних офицеров не сознается, что русской женщине обязан он был лучшей, драгоценнейшей наградою?..

В это блистательное время Марья Гавриловна жила с матерью в *** губернии и не видала, как обе столицы праздновали возвращение войск. Но в уездах и деревнях общий восторг, может быть, был еще сильнее. Появление в сих местах офицера было для него настоящим торжеством, и любовнику во фраке плохо было в его соседстве.

Мы уже сказывали, что, несмотря на ее холодность, Марья Гавриловна всё по-прежнему окружена была искателями. Но все должны были отступить, когда явился в ее замке раненый гусарский полковник Бурмин, с Георгием в петлице и с *интересной бледностию*, как говорили тамошние барышни. Ему было около двадцати шести лет. Он приехал в отпуск в свои поместья, находившиеся по соседству деревни Марьи Гавриловны. Марья Гавриловна очень его отличала. При нем обыкновенная задумчивость ее оживлялась. Нельзя было сказать, чтоб она с ним кокетничала; но поэт, заметя ее поведение, сказал бы:

*Se amor non и, che dunque?..*¹

Бурмин был, в самом деле, очень милый молодой человек. Он имел именно тот ум, который нравится женщинам: ум приличия и наблюдения, безо всяких притязаний и беспечно насмеш-

¹ Если это не любовь, так что же?.. (франц.).

ливый. Поведение его с Марьей Гавриловной было просто и свободно; но что б она ни сказала или ни сделала, душа и взоры его так за нею и следовали. Он казался нрава тихого и скромного, но молва уверяла, что некогда был он ужасным повесою, и это не вредило ему во мнении Марьи Гавриловны, которая (как и все молодые дамы вообще) с удовольствием извиняла шалости, обнаруживающие смелость и пылкость характера.

Но более всего... (более его нежности, более приятного разговора, более интересной бледности, более перевязанной руки) молчание молодого гусара более всего подстрекало ее любопытство и воображение. Она не могла не сознаваться в том, что она очень ему нравилась; вероятно, и он, с своим умом и опытностью, мог уже заметить, что она отличала его: каким же образом до сих пор не видала она его у своих ног и еще не слыхала его признания? Что удерживало его? робость, неразлучная с истинною любовью, гордость или кокетство хитрого волокиты? Это было для нее загадкою. Подумав хорошенько, она решила, что робость была единственной тому причиною, и положила ободрить его большею внимательностью и, смотря по обстоятельствам, даже нежностью. Она приуготовляла развязку самую неожиданную и с нетерпением ожидала минуты романического объяснения. Тайна, какого рода ни была бы, всегда тягостна женскому сердцу. Ее военные действия имели желаемый успех: по крайней мере, Бурмин впал в такую задумчивость и черные глаза его с таким огнем останавливались на Марье Гавриловне, что решительная минута, казалось, уже близка. Соседи говорили о свадьбе, как о деле уже конченном, а добрая Прасковья Петровна радовалась, что дочь ее наконец нашла себе достойного жениха.

Старушка сидела однажды одна в гостиной, раскладывая гранпасьянс, как Бурмин вошел в

комнату и тотчас осведомился о Марье Гавриловне. «Она в саду, — отвечала старушка; — подите к ней, а я вас буду здесь ожидать». Бурмин пошел, а старушка перекрестилась и подумала: авось дело сегодня же кончится!

Бурмин нашел Марью Гавриловну у пруда, под ивою, с книгою в руках и в белом платье, настоящей героинею романа. После первых вопросов Марья Гавриловна нарочно перестала поддерживать разговор, усиливая таким образом взаимное замешательство, от которого можно было избавиться разве только внезапным и решительным объяснением. Так и случилось: Бурмин, чувствуя затруднительность своего положения, объявил, что искал давно случая открыть ей свое сердце, и потребовал минуты внимания. Марья Гавриловна закрыла книгу и потупила глаза в знак согласия.

«Я вас люблю, — сказал Бурмин, — я вас люблю страстно...» (Марья Гавриловна покраснела и наклонила голову еще ниже.) «Я поступил неосторожно, предаваясь милой привычке, привычке видеть и слышать вас ежедневно...» (Марья Гавриловна вспомнила первое письмо St.-Preux¹.) «Теперь уже поздно противиться судьбе моей; воспоминание об вас, ваш милый, несравненный образ отныне будет мучением и отрадою жизни моей; но мне еще остается исполнить тяжелую обязанность, открыть вам ужасную тайну и положить между нами непреодолимую преграду...» — «Она всегда существовала, — прервала с живостию Марья Гавриловна, — я никогда не могла быть вашею женою...» — «Знаю, — отвечал он ей тихо, — знаю, что некогда вы любили, но смерть и три года сетований... Добрая, милая Марья Гавриловна! не старайтесь лишить меня последнего утешения: мысль, что вы бы согласились сделать мое

¹ Сен-Прё (франц.).

счастье, если бы... молчите, ради Бога, молчите. Вы терзаете меня. Да, я знаю, я чувствую, что вы были бы моею, но — я несчастнейшее создание... я женат!»

Марья Гавриловна взглянула на него с удивлением.

— Я женат, — продолжал Бурмин, — я женат уже четвертый год и не знаю, кто моя жена, и где она, и должен ли свидеться с нею когда-нибудь!

— Что вы говорите? — воскликнула Марья Гавриловна, — как это странно! Продолжайте; я расскажу после... но продолжайте, сделайте милость.

— В начале 1812 года, — сказал Бурмин, — я спешил в Вильну, где находился наш полк. Приехав однажды на станцию поздно вечером, я велел было поскорее закладывать лошадей, как вдруг поднялась ужасная метель, и смотритель и ямщики советовали мне переждать. Я их послушался, но непонятное беспокойство овладело мною; казалось, кто-то меня так и толкал. Между тем метель не унималась; я не вытерпел, приказал опять закладывать и поехал в самую бурю. Ямщику вздумалось ехать рекою, что должно было сократить нам путь тремя верстами. Берега были занесены; ямщик проехал мимо того места, где выезжали на дорогу, и таким образом очутились мы в незнакомой стороне. Буря не утихала; я увидел огонек и велел ехать туда. Мы приехали в деревню; в деревянной церкви был огонь. Церковь была отворена, за оградой стояло несколько саней; по паперти ходили люди. «Сюда! сюда!» — закричало несколько голосов. Я велел ямщику подъехать. «Помилуй, где ты замешкался? — сказал мне кто-то, — невеста в обмороке; поп не знает, что делать; мы готовы были ехать назад. Выходи же скорее». Я молча выпрыгнул из саней и вошел в церковь, слабо освещенную

Худ. Д. А. Шмаринов. «Метель». 1973

двумя или тремя свечами. Девушка сидела на лавочке в темном углу церкви; другая терла ей виски. «Слава Богу, — сказала эта, — насилу вы приехали. Чуть было вы барышню не уморили». Старый священник подошел ко мне с вопросом: «Прикажете начинать?» — «Начинайте, начинайте, батюшка», — отвечал я рассеянно. Девушку подняли. Она показалась мне недур-

на... Непонятная, непростительная ветреность... я стал подле нее перед налоем; священник торопился; трое мужчин и горничная поддерживали невесту и заняты были только ею. Нас обвенчали. «Поцелуйтесь», — сказали нам. Жена моя обратила ко мне бледное свое лицо. Я хотел было ее поцеловать... Она вскрикнула: «Ай, не он! не он!» — и упала без памяти. Свидетели устремили на меня испуганные глаза. Я повернулся, вышел из церкви безо всякого препятствия, бросился в кибитку и закричал: «Пошел!»

— Боже мой! — закричала Марья Гавриловна, — и вы не знаете, что сделалось с бедной вашей женою?

— Не знаю, — отвечал Бурмин, — не знаю, как зовут деревню, где я венчался; не помню, с которой станции поехал. В то время я так мало полагал важности в преступной моей проказе, что, отъехав от церкви, заснул и проснулся на другой день поутру, на третьей уже станции. Слуга, бывший тогда со мною, умер в походе, так что я не имею и надежды отыскать ту, над которой подшутил я так жестоко и которая теперь так жестоко отомщена.

— Боже мой, Боже мой! — сказала Марья Гавриловна, схватив его руку, — так это были вы! И вы не узнаете меня?

Бурмин побледнел... и бросился к ее ногам...

Вопросы и задания:

1. Интересно ли было читать повесть?
2. Какой эпизод показался вам особенно ярким?
3. Как вы понимаете выражение: «Марья Гавриловна была воспитана на французских романах и, следовательно, была влюблена»?
4. Найдите строки, в которых говорится о чувствах молодых людей. Как, по-вашему, рассказчик относится к влюбленным? Прочитайте места в повести, где чувствовалась бы авторская насмешка, ирония. Найдите те

места, где ирония исчезает. С чем, по-вашему, это связано? Приведите конкретные примеры.

5. Почему Владимир не обрадовался предложению родителей Марьи Гавриловны, а ответил, по их мнению, полусумасшедшим письмом?
6. Подготовьте художественный (близкий к тексту) рассказ о жизни Бурмина. Что вы можете сказать о характере героя?
7. Прочитайте выразительно сцену метели. Подумайте, какую роль сыграл этот эпизод в жизни героев. Почему повесть так названа?
8. Перескажите сцену «В церкви» от лица одного из присутствующих.
9. Можно ли догадаться по последней сцене, как дальше развернутся события?
10. Как автор относится к своим героям? Из чего это видно?
11. «Нравственные поговорки бывают удивительно полезны в тех случаях, когда мы от себя мало что можем выдумать себе в оправдание».

По какому поводу это было сказано? Какие из приведенных ниже пословиц встречаются в повести: «Терпение и труд все перетрут», «Суженого конем не объедешь», «Бедность не порок», «Жить не с богатством, а с человеком», «Лучше жить бедняком, чем разбогатеть со грехом»?

12. Прочитайте в Словаре литературоведческих терминов, что такое композиция. Обратите внимание на построение повести «Метель». Подумайте, когда и от кого мы узнаем, что же произошло в церкви в ту метельную ночь. Почему рассказ о давно прошедших событиях дан лишь в конце повести?

Самостоятельная работа

1. Выберите эпизод повести, который показался вам особенно интересным (эпизод — это изображение одного события в художественном произведении). Подготовьте его выразительное чтение: определите главную мысль, интонацию, с которой вы будете читать.

2. Докажите, что «Метель» — повесть, а не рассказ. Воспользуйтесь при этом Словарем литературоведческих терминов в учебнике.

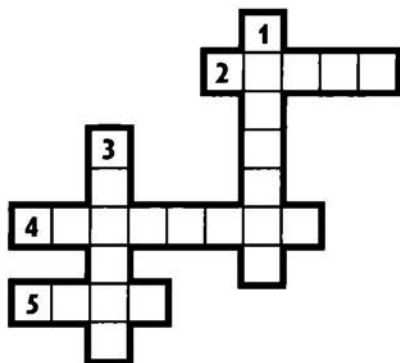

1. Обратите внимание на иллюстрации к повести «Метель». В чем, по-вашему, удача художника? Озаглавьте эти иллюстрации строками текста. Попробуйте красками или словами нарисовать свои иллюстрации к этой повести.

2. Композитор Г. Свиридов создал вальс к кинофильму «Метель». Если вы слышали его, то подумайте, какому эпизоду, по-вашему, больше всего соответствует этот вальс.

■ ■ ■ Кроссворд ■ ■ ■

«А. С. Пушкин. „Метель“»

- 1. Село, где состоялось венчание.
- 2. Имя героини.
- 3. Человек, с которым обвенчалась героиня.
- 4. Место, где был ранен Владимир.
- 5. Свидетель венчания.

■ Слова для справок: Бородино. Бурмин. Жадрино. Марья. Шмит.

Для любознательных

«На квартире гувернера Чирикова — литературные собрания, на которых участники по очереди рассказывают повесть, начатую одним, продолженную другим, третьим, в зависимости от охоты и

фантазии¹. Лучший рассказчик — Дельвиг. Товарищи знали, что его никогда нельзя застать врасплох — всегда наготове интрига, завязка, развязка... Даже Пушкин уступал земляку и пускался на хитрости. Так, однажды он изумляет и восхищает присутствующих, складно пересказывая одно сочинение Жуковского, зато позже действительно сочиняет две повести, сюжет которых двадцать лет спустя ляжет в основу „Метели“ и „Выстрела“².

«После завтрака перечитываю „Повести Белкина“ и так волнуюсь от их прелести и желания тотчас же написать что-нибудь старинное, пушкинских времен, что не могу больше читать. Бросаю книгу, прыгаю в окно, в сад, и долго лежу в траве, в страхе и радости ожидая того, что должно выйти из этой напряженной, беспорядочной, нелепой и восторженной работы, которой полно сердце и воображение, и чувствую бесконечное счастье от принадлежности к этому летнему деревенскому дню, к этому саду, ко всему этому родному миру моих отцов и дедов и всех их далеких дней, пушкинских дней...»

И. А. Бунин. «Думая о Пушкине»

Михаил Юрьевич Лермонтов

1814—1841

О ПОЭТЕ

Подготовьте устное изложение по одной из тем:

1. Детские годы поэта в Тарханах.
2. Жизнь Лермонтова в Москве.

¹ Речь идет о годах учебы А. С. Пушкина в Лицее.

² Эйдельман Н. Я. Твой 18-й век; Прекрасен наш союз... — М., 1991. — С. 245.

Используйте учебник и приведенные здесь воспоминания.

Аким Петрович Шан-Гирей, троюродный брат М. Ю. Лермонтова, на 4 года моложе его. Семи-летнего Акима бабушка поэта, Е. А. Арсеньева, взяла к себе в Тарханы, и с тех пор он постоянно жил вместе с Лермонтовым. Это был один из самых близких друзей поэта.

«...Мы вместе приехали осенью 1825 года из Пятигорска в Тарханы, и с этого времени мне живо помнится смуглый, с черными блестящими глазками Мишель, в зеленой курточке и с клоком белокурых волос надо лбом, резко отличающимся от прочих, черных, как смоль...

Дом был всегда битком набит. У бабушки было три сада, большой пруд перед домом, а за прудом роща; летом простору вдоволь. Зимой немного теснее, зато на пруду мы разбивались на два стана и перекидывались снежными комьями; на плотине с сердечным замиранием смотрели, как православный люд, стена на стену... сходилась на кулачки, и я помню, как раз расплакался Мишель, когда Василий, садовник, выбрался из свалки с губой, рассеченной до крови. Великим постом Мишель был мастер делать из талого снегу человеческие фигуры в колоссальном виде; вообще он был счастливо одарен способностями к искусствам: уже тогда рисовал акварелью довольно порядочно и лепил из крашеного воску целые картины...

Когда собирались соседки, устраивались танцы и раза два был домашний спектакль; бабушка сама была очень печальна, ходила всегда в черном платье и белом старинном чепчике без лент, но была ласкова, добра и любила, чтобы дети играли и веселились, и нам было у нее очень весело.

Так прожили мы два года. В 1827 году она поехала с Мишелем в Москву, для его воспитания, а через год и меня привезли к ним. В Мишеле я нашел большую перемену, он был уже

не дитя, ему минуло 14 лет, он учился прилежно. Месье Жандро, гувернер, почтенный и добрый старик, был, однако, строг и взыскателен и держал нас в руках; к нам ходили разные другие учителя...

Тут я в первый раз увидел русские стихи у Мишеля: Ломоносова, Державина, Дмитриева, Озерова, Батюшкова, Жуковского, Козлова и Пушкина, тогда же Мишель прочел мне своего сочинения Стансы¹ К***; меня ужасно заинтриговало, что значит слово „стансы“ и зачем три звездочки? Однако ж промолчал, как будто понимаю. Вскоре была написана первая поэма „Индианка“² и начал издаваться рукописный журнал „Утренняя заря“...

В соседстве с нами жило семейство Лопухиных, старик-отец, три дочери-девицы и сын; они были с нами как родные и очень дружны с Мишелем, который редкий день там не бывал...

Будучи студентом, он был страстно влюблен... в молоденькую, милую, умную, как день, и в полном смысле восхитительную В. А. Лопухину; это была натура пылкая, восторженная, поэтическая и в высшей степени симпатичная. Как теперь помню ее ласковый взгляд и светлую улыбку; ей было лет 15—16; мы же были дети и сильно дразнили ее: у ней на лбу чернелось маленькое родимое пятнышко, и мы всегда приставали к ней, повторяя: „у Вареньки родинка, Варенька уродинка“, но она, добрейшее создание, никогда не сердилась. Чувство к ней Лермонтова было безотчетно, но истинно и сильно, и едва ли не сохранил он его до самой смерти своей...

В домашней жизни своей Лермонтов был почти всегда весел, ровного характера, занимался часто музыкой, а больше рисованием, преимуще-

¹ Стансы — лирические стихотворения, состоящие из четверостиший.

² Поэма «Индианка» до нас не дошла.

ственно в батальном жанре¹, также играли мы часто в шахматы и в военную игру...»

Дмитрий Алексеевич Милютин учился в Московском университетском благородном пансионе одновременно с Лермонтовым.

«Пансион назывался университетским только потому, что в двух старших его классах, V и VII, преподавали большей частью университетские профессора... Пансион вполне удовлетворял требования общества и стоял наравне с Царско-сельским лицеем...

Преобладающею стороною наших учебных занятий была русская словесность... Мы зачитывались переводами исторических романов Вальтера Скотта², новыми романами Загоскина³... знали наизусть многие из лучших произведений наших поэтов. Например, я знал твердо целые поэмы Пушкина, Жуковского, Козлова, Рылеева („Войнаровский“). В известные сроки происходили по вечерам литературные собрания, на которых читались сочинения воспитанников в присутствии начальства и преподавателей».

Екатерина Александровна Сушкова, писательница, автор «Записок», где она вспоминает о знакомстве с Лермонтовым в 1830 году. Е. А. Сушковой было тогда 18, а Лермонтову — 16 лет.

«У Сашеньки⁴ встречала я в это время ее дворянского брата, неуклюжего косолапого мальчика лет шестнадцати или семнадцати, с красными, но умными, выразительными глазами, со вздернутым носом и язвительно-насмешливой улыбкой. Он учился в Университетском пансио-

¹ *Батальный жанр* — картины на военные темы.

² *Вальтер Скотт* — английский писатель начала XIX века, автор исторических романов «Айвенго», «Квентин Дорвард» и др.

³ *Загоскин Михайл Николаевич* — русский писатель. В те годы были опубликованы его романы «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» и «Рославлев, или Русские в 1812 году».

⁴ *Сашенька* — Александра Михайловна Верещагина, родственница Лермонтова.

не, но ученые его занятия не мешали ему быть почти каждый вечер нашим кавалером на гулянье и на вечерах... Я прозвала его своим чиновником по особым поручениям и отдавала ему на сбережение мою шляпу, мой зонтик, мои перчатки, но перчатки он часто затеривал, и я грозила отрешить его от вверенной ему должности...

Мы обращались с Лермонтовым как с мальчиком, хотя и отдавали полную справедливость его уму. Такое обращение бесило его до крайности, он домогался попасть в юноши в наших глазах, декламировал нам Пушкина, Ламартина¹ и был неразлучен с огромным Байроном². Бродит, бывало, по тенистым аллеям и притворяется углубленным в размышления, хотя ни малейшее наше движение не ускользало от его зоркого взгляда. Как любил он под вечерок пускаться с нами в самые сентиментальные³ суждения, а мы, чтоб подразнить его, в ответ подарим ему волан или веревочку, уверяя, что по его летам ему свойственнее прыгать и скакать, чем прикидываться непонятым и неоцененным списком с первейших поэтов...

Мы... отправились пешком на богомолье⁴... На четвертый день мы пришли в Лавру изнуренные и голодные. В трактире мы переменяли запыленные платья, умылись и поспешили в монастырь отслужить молебен. На паперти встретили слепого нищего. Он дряхлою дрожащею рукою поднес нам свою деревянную чашечку, все мы надавали ему мелких денег; услыша звук монет, бедняк перекрестился, стал нас благодарить, приговаривая: „Пошли вам Бог счастья, добрые господа;

¹ *Ламартин Альфонс* — французский поэт начала XIX века.

² *Байрон Джордж Гордон* — великий английский поэт начала XIX века.

³ *Сентиментальные* — чувствительные, о чувствах.

⁴ Это было путешествие из Москвы в Троице-Сергиеву лавру.

а вот наемдни приходили сюда тоже господа, тоже молодые, да шалуны, насмеялись надо мною: наложили полную чашечку камушков. Бог с ними!“

Помолясь святым угодникам, мы поспешно возвратились домой, чтоб пообедать и отдохнуть. Все мы суетились около стола, в нетерпеливом ожидании обеда, один Лермонтов не принимал участия в наших хлопотах; он стоял на коленях перед стулом, карандаш его быстро бегал по клочку серой бумаги, и он как будто не замечал нас... Окончив писать, он вскочил, потрянул головой, сел на оставшийся стул против меня и передал мне нововышедшие из-под его карандаша стихи:

У врат обители святой
Стоял просящий подаянья,
Бессильный, бледный и худой
От глада, жажды и страданья.
Куска лишь хлеба он просил,
И взор являл живую муку,
И кто-то камень положил
В его протянутую руку.
Так я молил твоей любви
С слезами горькими, с тоскою,
Так чувства лучшие мои
Навек обмануты тобою!..

Сашенька и я, мы первые преклонились перед его талантом и пророчили ему, что он станет выше всех его современников; с этих пор я стала много думать о нем и о его грядущей славе».

Самостоятельная работа

М. Ю. Лермонтов. «На севере диком стоит одиноко...»

1. Перед вами черновые варианты стихотворения Лермонтова «На севере диком стоит одиноко...».

На хладной и голой вершине
Стоит одиноко сосна,
И дремлет... под снегом сыпучим,
Качаяся дремлет она.

(И дремлет, и снежным покровом
метелью одета она.)

Ей снится прекрасная пальма
В далекой восточной земле,
Растущая тихо и грустно
На жаркой песчаной скале.

Сравните черновые тексты с окончательной редакцией. Что более выразительно: «На хладной и голой вершине / Стоит одиноко сосна» или «На севере диком стоит одиноко / На голой вершине сосна...»? Почему? Что лучше: «На жаркой песчаной скале» или «На утесе горячем»? Почему?

2. «На севере диком стоит одиноко...» — вольный перевод стихотворения немецкого поэта Генриха Гейне. Это же стихотворение перевел и другой русский поэт — Федор Иванович Тютчев. Вот этот перевод:

На севере мрачном, на дикой скале
Кедр одинокий под снегом белеет,
И сладко заснул он в инистой мгле,
И сон его вьюга лелеет.

Про юную пальму все снится ему,
Что в дальних пределах Востока,
Под пламенным небом, на знойном холму
Стоит и цветет одинока...

Отличаются ли настроение и главная мысль этого стихотворения от лермонтовского? Какое из них вам больше нравится?

Если вы обратили внимание на то, что у Тютчева не сосна, а кедр, то объяснить это могут слова замечательного исследователя биографии и творчества Лермонтова Ираклия Луарсабовича Андроникова:

«Лермонтов отступил от подлинника. По-немецки сосна — „он“... а пальма — „она“... У Лермонтова же и сосна и пальма получились одного грамматического рода. Поэтому у Гейне — стихотворение о судьбе двух любящих существ, которым не суждено встретиться, а у Лермонтова в основе стихотворения — мысль об одиночестве».

Литературные игры

ВИКТОРИНА

Назовите произведения М. Ю. Лермонтова, из которых приведены строки:

Да, были люди в наше время...

Сколько горьких слез украдкой
Я в ту ночь пролью...

Не пылит дорога,
Не дрожат листы...
Подожди немного,
Отдохнешь и ты...

Одиноко

Он стоит, задумался глубоко,
И тихонько плачет он в пустыне.

Отворите мне темницу,
Дайте мне сиянье дня,
Черноглазую девицу,
Черногривого коня!

На ветвях зеленых качаются райские птицы;
Поют они песни во славу морской царь-девицы.

Я ищу свободы и покоя!

Есть остров на том океане —
Пустынный и мрачный гранит;
На острове том есть могила,
А в ней император зарыт.

Одна и грустна на утесе горячем
Прекрасная пальма растет.

И шел, колыхаясь, как в море челнок,
Верблюд за верблюдом, взрывая песок.

В глубокой теснине Дарьяла,
Где роется Терек во мгле,
Старинная башня стояла,
Чернея на черной скале.

Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой...

О ком или о чем говорится?

Вечно холодные, вечно свободные,
Нет у вас родины, нет вам изгнания.

Да жаль его: сражен булатом,
Он спит в земле сырой.

И прыгал, как барс, пораженный стрелой...

И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим
Одета, как ризой, она.

Засох и увял он от холода, зноя и горя...

За горами, за долами
Уж гремел о нем рассказ...

Увы, — он счастья не ищет
И не от счастья бежит!

Плохая им досталась доля...

Одежду их сорвали малые дети,
Изрублены были тела их потом,
И медленно жгли их до утра огнем...

С ней шепчется ветер, зеленые ветви лаская...

Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя...

Кто это говорит?

«Не прав твой, о небо, святой приговор!..»

«Не шутку шутить, не людей смешить
К тебе вышел я теперь, бусурманский сын. —
Вышел я на страшный бой, на последний бой!»

«Постой-ка, брат мусью!»

«Иди себе дальше, о странник! тебя я не знаю...»

«Ребята! не Москва ль за нами?

Умремте ж под Москвой,

Как наши братья умирали!»

Николай Алексеевич Некрасов

1821—1877

«ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА»

Ответьте на вопросы:

1. Обратите внимание на эпитеты в первой главке стихотворения: воздух — «здоровый, ядреный», речка — «студеная», Русь — «родимая». Есть ли сходство в окраске этих слов? Что можно сказать о человеке, который так говорит? Мог бы так сказать генерал, отец Вани?
2. Как вы понимаете слова: «Все претерпели мы, Божии ратники, / Мирные дети труда»? Почему поэт называет строителей дороги ратниками, т. е. воинами, но добавляет к этому другое определение: «мирные дети труда»?
3. Каково значение слова «дорога» в выражении: «...и широкую, ясную / Грудью дорогу проложит себе»?
4. Как вы понимаете смысл заглавия стихотворения «Железная дорога»?
5. Если бы вам предложили выразить свое впечатление от стихотворения «Железная дорога» в рисунке, что бы вы изобразили?

Корней Иванович Чуковский, который был не только детским писателем, но и автором большой книги о мастерстве Некрасова, так сказал о стихотворении «Железная дорога»:

«„Железная дорога“ Некрасова явилась впервые раздавшимся в русской поэзии гимном во славу строительной, творческой, массовой народной работы».

И еще раз повторил ту же мысль:

«„Железная дорога“ есть первая по времени поэма о творческом народном труде».

Верны ли эти утверждения?

Конечно, решать, действительно ли это была «первая по времени поэма о творческом народном труде», «впервые раздавшимся... гимном» народной работе, вы сможете лишь тогда, когда изучите историю русской литературы и сравните произведение Некрасова с тем, что было написано до него. Но мысль о том, что это «гимн во славу строительной, творческой, массовой народной работы», что это «поэма о творческом народном труде», вы вполне можете оценить, обратившись к тексту стихотворения. Итак, прав ли К. И. Чуковский?

Николай Семенович Лесков

1831—1895

О ПИСАТЕЛЕ

Прочитайте «Автобиографическую заметку» Н. С. Лескова и ответьте на вопрос.

Автобиографическая заметка

(В сокращении)

<...> По происхождению я принадлежу к потомственному дворянству Орловской губернии, но дворянство наше молодое и незначительное, приобретено оно моим отцом по чину коллежского асессора¹. Род наш собственно происходит из духовенства, и тут за ним есть своего рода почетная линия. Мой дед, священник Дмитрий Лесков, и его отец, дед и прадед — все были священниками в селе Лесках, которое находится в Карачевском или Трубчевском уезде Орловской губернии. От этого села Лески и вышла наша родовая фамилия — Лесковы...

Отец мой, Семен Дмитриевич Лесков, «не пошел в попы», а пресек свою духовную карьеру тотчас же по окончании курса наук в Севской семинарии. Это, говорили, будто очень огорчило деда и едва ли не свело его в могилу...

Выгнанный дедом из дома за отказ идти в духовное звание, отец мой бежал в Орел с сорока копейками меди, которые подала ему его покойная мать «через задние ворота»...

С сорока копейками отец пришел в Орел и «из-за хлеба» был взят в дом местного помещика Хлопова, у которого учил детей, и, должно быть, успешно, потому что от Хлопова его «переманул» к себе помещик Михаил Андреевич Страхов, служивший тогда орловским уездным предводителем дворянства...

На месте учителя в доме Страховых отец обратил на себя внимание своим прекрасным умом и честностью, которая составляла отменную черту всей его многострадальной жизни...

¹ Коллежский асессор — в царской России гражданский чин 8-го класса.

Я родился 4 февраля 1831 года Орловского уезда в селе Горохове, где жила моя бабушка, у которой на ту пору гостила моя мать...

Жили мы в крошечном домике, который состоял из одного большого крестьянского сруба, оштукатуренного внутри и покрытого соломой...

В деревне я жил на полной свободе, которой пользовался как хотел. Сверстниками моими были крестьянские дети, с которыми я и жил и сживался душа в душу. Простонародный быт я знал до мельчайших подробностей и до мельчайших же оттенков понимал, как к нему относятся из большого барского дома, из нашего «мелкопоместного курничка», из постоялого двора и с Поповки...

За М. А. Страховым была замужем родная сестра моей матери, Наталья Петровна, большая красавица...

Плодом супружества Страхова и моей тетки было шесть человек детей — три дочери и три сына, из которых двое были немного меня старше, а третий ровесник. И так как для их воспитания в доме были русский и немецкий учителя и француженка, а мои родители ничего такого держать для меня не могли, то я жил у Страховых почти до восьми лет, и это послужило мне в пользу: я был хорошо выдержан, то есть умел себя вести в обществе прилично, не дичился людей и имел пристойные манеры — вежливо отвечал, пристойно кланялся и рано болтал по-французски.

Но зато с этими благоприятностями для моего воспитания в душу мою вкрались и некоторые неблагоприятности: я рано почувствовал уколы самолюбия и гордости, в которых у меня выразилось большое сходство с отцом. Я был одарен, несомненно, большими способностями, чем мои двоюродные братья, и что тем доставалось в науках с трудностями, то мне шло нипочем. Немецкий учитель Кольберг имел неосторожность поставить это однажды на вид тетке,

и я стал замечать, что мои успехи были ей неприятны...

Дело в том, что по докладу неосторожного, но честного Кольберга меня за благонравие и успехи хотели «поощрять». Для этого раз вечером собрали в гостиную всех детей. Это было в какой-то праздник, и в доме случилось много гостей с детьми почти равного возраста...

Мне велели подойти к столу и получить присужденную мне семейным советом награду, что я и исполнил, сильно конфузясь, тем более что замечал какие-то неодобрительные усмешки у старших, а также и у некоторых детей, коим, очевидно, была известна затеянная против меня злая шутка.

Вместо похвального листа мне дали объявление об оподельдоке¹, что я заметил уже только тогда, когда развернул лист и уронил его при общем хохоте.

Эта шутка возмутила мою детскую душу, и я не спал всю ночь, поминутно вскакивая и спрашивая: «За что, за что меня обидели?»

С тех пор я ни за что не хотел оставаться у Страховых и просил бабушку написать отцу, чтобы меня взяли. Так и было сделано, и я стал жить в нашей бедной хибарке, считая себя необыкновенно счастливым, что вырвался из большого дома, где был обижен без всякой с моей стороны вины.

Но зато, однако, мне негде было более учиться, и я снова теперь возвращаюсь к тому, что меня отвезли в Орловскую гимназию...

Я скучал ужасно, но учился хорошо, хотя гимназия... велась из рук вон дурно...

Ездил я домой в год три раза: на летние каникулы, на Святки и на Страстной неделе с Пасхою. При этой последней побывке мы с отцом

¹ *Оподельдóк* — белая, легко тающая масса, приготовленная из растворов мыла, камфары, спирта и др. Применялась для лечения ревматизма и вывихов.

всегда вместе говорили — что мне доставляло особенное удовольствие, так как в это время бывает распутица и мы ездили в церковь верхом.

Вопрос и задание:

1. Что, по-вашему, означают слова и выражения: «„из-за хлеба“ был взят в дом», «пристойные манеры», «уколы самолюбия», «благодравие», «держал речь»?
2. Подготовьте пересказ содержания «Автобиографической заметки».

«ЛЕВША»

ВИКТОРИНА

Кому принадлежат приведенные ниже слова и как вы их понимаете?

«Вот если бы у меня был хотя один такой мастер в России, так я бы этим весьма счастливый был и гордился, а того мастера сейчас же благородным бы сделал».

«Это, — говорит, — ваше величество, точно, что работа очень тонкая и интересная, но только нам этому удивляться с одним восторгом чувств не следует, а надо бы подвергнуть ее русским пересмотрам в Туле или в Сестербеке, — тогда еще Сестрорецк Сестербеком звали, — не могут ли наши мастера сего превзойти, чтобы англичане над русскими не предвозвышались».

«Сиди, — говорит, — здесь до самого Петербурга вроде пуделя, ты мне за всех ответишь».

«Мы люди бедные и по бедности своей мелкоскопа не имеем, а у нас так глаз пристрелявши».

«Это, — говорит, — против нашего не в пример превосходнейше».

«Это все равно, — отвечает, — где умереть, — все единственно, воля Божия, а я желаю скорее в

родное место, потому что иначе я могу род помещательства достать».

«Скажите государю, что у англичан ружья кирпичом не чистят: пусть чтобы и у нас не чистили, а то, храни Бог войны, они стрелять не годятся».

Самостоятельная работа

1. Прочитайте цитаты, характеризующие царя Александра Павловича. Составьте по ним рассказ об этом литературном герое:

«Объездил он все страны и везде через свою ласковость всегда имел самые междуособные разговоры со всякими людьми».

«...Мы, русские, со своим значением никуда не годимся».

«Государь на все это радуется».

«Государь взглянул на пистолю и наглядеться не может».

«Зачем ты их очень сконфузил, мне их теперь очень жалко».

«Пожалуйста, не порть мне политики».

«Вы есть первые мастера на всем свете, и мои люди супротив вас сделать ничего не могут».

«Государь так соображал, что англичанам нет равных в искусстве».

2. Сравните царя Александра Павловича с Николаем Павловичем по приведенным ниже цитатам:

«Государь Николай Павлович был в своих русских людях очень уверенный».

«...Я на своих надеюсь, что они никого не хуже. Они моего слова не проронят и что-нибудь сделают».

«Я знаю, что мои меня не могут обманывать. Тут что-нибудь сверх понятия сделано».

«...Государь и тут своей веры не потерял, а только сказал: „Привести сейчас ко мне сюда этого оружейника“».

«Видите, я лучше всех знал, что мои русские меня не обманут. Глядите, пожалуйста, ведь они, шельмы, аглицкую блоху на подковы подковали!»

3. Составьте рассказ о левше. Используйте при этом высказывание Н. С. Лескова о своем герое:

«Левша сметлив, переимчив, даже искусен, но он расчет силы не знает, потому что в науках не зашелся и вместо четырех правил сложения из арифметики все бредет еще по псалтырю¹ и полусоннику². Он видит, как в Англии тому, кто трудится, — все абсолютные обстоятельства в жизни лучше открыты, но сам все-таки стремится к Родине и все хочет два слова сказать „государю о том, что не так делается, как надо“, но это левше не удастся, потому что его на „парат роняют“. В этом все дело»³.

4. Подготовьте выразительное чтение в лицах одной из сцен сказа: «Англичане дарят стальную блоху царю Александру Павловичу», «Платов у туляков», «Левша у англичан», «Вновь на Родине».

Ответьте на вопросы:

1. Какую сцену, на ваш взгляд, можно считать самой главной? Объясните свой выбор. Подготовьте ее выразительное чтение.
2. Сказ ведется от имени рассказчика. А как, по-вашему, автор относится к своим героям? Из чего это видно?

¹ Псалтырь — книга религиозных песнопений.

² Полусонник — толкователь снов.

³ Лесков Н. С. Собр. соч. В 11 т. — М., 1957. — Т. 11. — С. 220.

3. Конец сказа «Левша» Лесков считал особенно сильным. «Мне кажется, что лучшая часть все-таки в конце — левша в Англии и его трагическая кончина», — писал он. Как вы думаете, какой смысл вкладывал автор в эти последние главы сказа?

Литература, живопись, театр

1. Рассмотрите две обложки к сказу «Левша». Одна из них выполнена Н. Кузьминым, другая — Кукрыниксами. Узнаете ли вы героев? Подумайте, в чем смысл изображения на каждой обложке.

2. Рассмотрите рисунки, помещенные в книге. Опишите их. Обратите внимание, как каждый из художников изобразил левшу и других героев. Каково отношение иллюстраторов к изображаемому?

3. Сказ «Левша» иллюстрировали и другие художники: И. Глазунов, Б. Семенов, Ст. Косенков, Т. Шишмарева. Постарайтесь найти некоторые из этих иллюстраций. Чем они отличаются друг от друга? Подумайте, какие бы вы

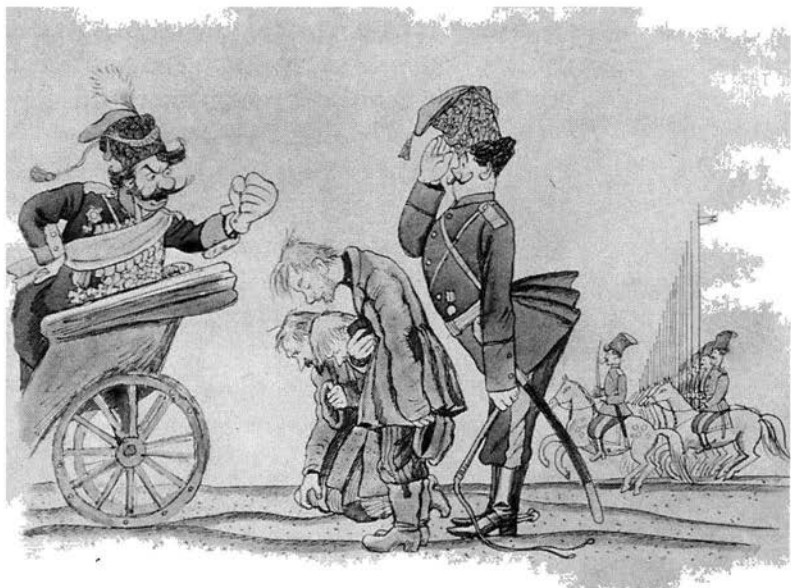
Обложка Н. Кузьмина

Обложка Кукрыниксов

Худ. Н. Кузьмин. Левша

Худ. Кукрыниксы. Левша

выбрали сцены, если бы создавали иллюстрации к «Левше».

4. Большой интерес к «Левше» проявляет театр. «Левша» был поставлен на сцене МХАТа-2 (1925), БДТ (Ленинград, 1926), в Иванове, Перми, Иркутске и других городах. Мультфильм «Левша» прошел на экранах с большим успехом.

Для любознательных

«Что Лесков вообще переведен на все основные языки мира, неудивительно... Замечательно другое: интерес именно к „Левше“.

Когда Карл Грeve в 1888 году задумал переводить Лескова для ревельского немецкого журнала, Лесков предупредил: „Блоха“ — чересчур русская и едва ли переводимая“. В одном из следующих писем: „Здесьние литературные немцы говорят, что если Вы переведете „Левшу“, то Вы, стало быть, „первый фокусник“. И еще: „С „Левшой и блохой“ трудно Вам будет справиться. Тут знания немецкого просторечия недостаточно. Что Вы сделаете с созвучиями и игрой слов?.. Конечно, что-нибудь выйдет, но общего тона такой вещи передать на ином языке нельзя“.

„Левша“ — классический пример непереводаемого текста. И тем не менее... „Левша“ оказывается... на втором месте! Он отстает только от „Очарованного странника“...

Отметим одно обстоятельство: трудности не отпугнули, а мобилизовали мастеров. Достаточно сказать, что „Левшу“ переводили: на польский язык... на немецкий... на сербский... на английский...»¹.

¹ Аннинский Л. Лесковское ожерелье. — М., 1982. — С. 156—157.

1. Прочитайте рассказ Н. С. Лескова «Человек на часах». В нем 18 главок. Найдите в каждой из них нужную фразу и составьте цитатный план. Вот его начало:

а) «Это составляет отчасти придворный, отчасти исторический анекдот...»

б) «...На караульной очереди капитана Миллера при дворце произошел весьма чрезвычайный и тревожный случай...»

в) «...Вдруг, в исходе второго часа ночи, его [Миллера] встревожило ужасное беспокойство...»

г) «Часовой не выдержал и покинул свой пост».

2. Подготовьте краткий пересказ этого произведения.

3. Ответьте на следующие вопросы:

а) Почему этот «отчасти придворный, отчасти исторический анекдот» привлек внимание писателя? Как он сам объясняет это?

б) Что заставило солдата Постникова решиться нарушить присягу? Каковы были его душевные переживания?

в) Как характеризует автор офицера придворной инвалидной команды? Оправдал ли он эту характеристику?

г) Почему бесчестный поступок офицера инвалидной команды не был раскрыт, хотя о нем все знали?

д) Как отнеслись к известию о спасенном человеке во дворце?

е) «Свиньин был человек не бессердечный, но прежде всего и больше всего „службист“». Как вы понимаете это выражение? Какую роль сыграл Свиньин во всей этой истории?

ж) Почему об обер-полицмейстере Кокошкине говорили, что он не только «умеет сделать из

мухи слона, но также легко умеет сделать из слона муху»? Покажите это на конкретных примерах.

з) Почему Свиньин приказал Миллеру лично присутствовать при экзекуции и настоял, чтобы розгами секли молодые солдаты из новоприбывших?

и) Как сам Постников воспринял наказание?

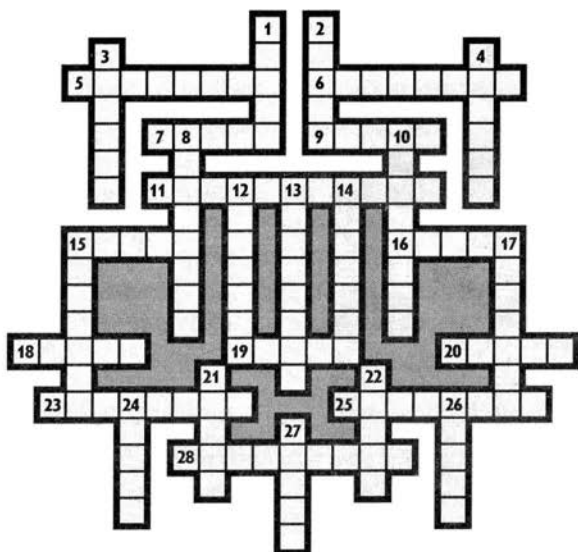
к) Что общего у Постникова с левшой?

4. Почему Н. С. Лескова можно назвать «одним из лучших писателей наших» (М. Горький)?

5. Прочитайте другие рассказы Н. С. Лескова: «Тупейный художник», «Обман», «Однодум», «Пигмей», «Кадетский монастырь».

■ ■ ■ Кроссворд ■ ■ ■

«Н. С. Лесков. „Левша“»

По горизонтали: 5. Без чего тульские мастера не хотели отпустить левшу с Платовым в Петербург? 6. Что было в часах, подаренных левше англичанами? 7. Как названо в

сказе слово «бухта»? 9. Что испытал левша в Тверди-земном море, когда «водопление сделалось ужасное», «что никак его нельзя было успокоить»? 11. Какое учреждение посетили царь Александр Павлович и атаман Платов в Англии? 15. Что танцевала «аглицкая нимфозория»? 16. В каком виде почудился левше черт в морской пучине? 18. Найдите корень в слове «свистовые». 19. Каких сказочных героев напоминают тульские мастера, подковавшие блоху? 20. Имя какого героя сказа Лескова стало нарицательным? 23. Под чем стоял в кунсткамерах Аболон Полведерский? 25. Как назывались танцевальные движения, которые исполняла аглицкая блоха? 28. Что опустил Платов себе в карман, когда рассчитывался за блоху?

По вертикали: 1. Мера площади в земледелии. 2. Мелкий шрифт. 3. В качестве кого сидел левша в коляске у Платова, когда тот поскакал в Петербург с блохой? 4. Сосуд с водой. 8. На что ложился Платов в минуты досады и трубку курил? 10. Как назывался в английском музее самый большой экспонат? 12. От какого кушанья отказался левша, заявив: «Это я не знаю, чтобы такое можно съесть»? 13. Что собирались опубликовать англичане, рассмотрев привезенную левшой стальную блоху? 14. Какая одежда была у пеших полков англичан? 15. Что особенно понравилось левше в обучении английских рабочих? 17. Какой предмет туалета смутил левшу на руках англичанок? 21. Во что были одеты английские рабочие, когда подносили царю блоху? 22. Как называется действующее лицо художественного произведения? 24. Как называл Платов своих казаков? 26. Кто больше всего страдал от нагайки «свистовых» в коляске Платова? 27. Какой сахар не могли показать англичане царю Александру Павловичу?

■ **Слова для справок:** Буфта. Валдахин. Верояция. Герой. Гномы. Дансе. Долбица. Донцы. Жилет. Керамида. Клеветон. Кунсткамеры. Левша. Мантоны. Мелкоскоп. Молво. Мурин. Ногавки. Петит. Пубель. Свист. Симфон. Сотка. Студинг. Тоска. Трепетир. Тугамент. Укушетка. Ямщик.

О ПИСАТЕЛЕ

Прочитайте воспоминания И. А. Бунина, В. Г. Короленко и К. И. Чуковского об А. П. Чехове:

«Чехов родился на берегу мелкого Азовского моря, в уездном городе, глухом в ту пору... А детство? Мещанская уездная бедность семьи, молчаливая, со сжатым ртом, с прямой удлиненной губой мать, „истовый и строгий“ отец, заставлявший старших сыновей по ночам петь в церковном хоре, мучивший их спевками поздними вечерами, как какой-нибудь зверь; требовавший с самого нежного возраста, чтобы они сидели по очереди в качестве „хозяйского ока“ в лавке. И чаще всего страдал Антоша, — наблюдательный отец сразу отметил его исполнительность и чаще других засаживал его за прилавок, когда нужно было куда-нибудь ему отлучиться. Единственное оправдание — если бы не было церковного хора, спевок, то не было бы рассказов ни „Святой ночью“, ни „Студента“, ни „Святых гор“, ни „Архиерея“, не было бы, может быть, и „Убийства“ без такого его тонкого знания церковных служб и простых верующих душ. Сидение же в лавке дало ему раннее знание людей, сделало его взрослей, так как лавка его отца была клубом таганрогских обывателей, окрестных мужиков и афонских монахов. Конечно, кроме лавки, помогло еще узнать людей и то, что он с шестнадцати лет жил среди чужих, зарабатывая себе на хлеб, а затем в Москве еще студентом много толкался в „мелкой прессе“, где человеческие недостатки и даже по-

роки не очень скрываются... Помогла и профессия врача. Он чуть ли не с первых курсов стал летом работать в земских больницах в Новом Иерусалиме, в Воскресенске. Его брат, Иван Павлович, получил место учителя в церковно-приходской школе, квартира была из четырех комнат, и семья Чеховых на лето приезжала к нему.

Потом они снимали флигель на летние месяцы в Бабкине, имении Киселевых, с которыми они очень сдружились...

Отец М. В. Киселевой, Бегичев, был директором Малого театра, а потому у Киселевых вечно бывали актеры, музыканты, певцы, художники. У них Чехов вместе с Марьей Павловной, которая очень подружилась с М. В. Киселевой, вошел в артистическую среду, часто много слушал там у них серьезную музыку.

При его восприимчивости и наблюдательности семь лет в этих местах дали ему как писателю очень много. Ведь и „Унтер Пришибеев“ оттуда, и „Дочь Альбиона“, и „Егерь“, и „Злоумышленник“, и „Хирургия“, и „Налим“...»¹

«Он был гостеприимен, как магнат. Хлебо-сольство у него доходило до страсти. Стоило ему поселиться в деревне, и он тотчас же приглашал к себе кучу гостей. Многим это могло показаться безумием: человек только что выбился из многолетней нужды, ему приходится таким тяжким трудом содержать всю семью — и мать, и брата, и сестру, и отца, — у него нет ни гроша на завтрашний день, а он весь свой дом, сверху донизу, набивает гостями, и кормит их, и развлекает, и лечит!

Снял дачу в украинском захолустье, еще не видел ее, еще не знает, какая она, а уже сзывает

¹ Бунина И. А. Собр. соч. В 9 т. — М., 1967. — Т. 9. — С. 169—175.

туда всяких людей из Москвы, из Петербурга, из Нижнего.

А когда он поселился в подмосковной усадьбе, его дом стал похож на гостиницу...

Звал он к себе всегда весело, бравурно, игриво, затейливо, словно отражая в самом стиле своих приглашений атмосферу молодого веселья, которая окружала его.

„Ну-с, сударь, — писал он, например, редактору „Севера“, — за то, что Вы поместили мой портрет и тем способствовали к прославлению имени моего, дарю Вам пять пучков редиски из собственного парника. Вы должны приехать ко мне (из Петербурга! за шестьсот верст! — К. Ч.) и съесть эту редиску“.

И вот как приглашал он архитектора Шехтеля:

„Если не приедете, то желаю Вам, чтобы у Вас на улице публично развязались тесемки...“

И в тогдашних писаниях Чехова та же вакханалия веселости. „Из меня водевильные сюжеты прут, как нефть из бакинских недр“, — восклицал Антон Павлович в конце восьмидесятых годов¹.

А вот какой портрет молодого А. П. Чехова набросал писатель В. Г. Короленко в своих воспоминаниях:

«Передо мной был молодой и еще более молодой на вид человек, несколько выше среднего роста, с продолговатым, правильным и чистым лицом... Простота всех движений, приемов и речи была господствующей чертой во всей его фигуре, как и в его писаниях... Казалось, из глаз его струился неисчерпаемый источник остроумия и непосредственного веселья, которым переполнены его рассказы. И вместе угадывалось

¹ Чуковский К. И. Современники. — М., 1967. — С. 5, 13, 14. — (ЖЗЛ).

что-то более глубокое, чему предстоит еще развернуться... Общее впечатление было цельное и обаятельное...

По его словам, он начинал литературную работу почти шутя.

— Знаете, как я пишу свои маленькие рассказы? Вот.

Он оглянул стол, взял в руки первую попавшуюся на глаза вещь, — это оказалась пепельница, — поставил ее передо мною и сказал:

— Хотите, завтра будет рассказ? Заглавие: „Пепельница“.

И глаза его засветились весельем. Казалось, над пепельницей начинают уже роиться какие-то неопределенные образы, положения, приключения...

Когда я вспоминаю этот разговор, небольшую гостиную, где за самоваром сидела старуха-мать, сочувственные улыбки сестры и брата, вообще всю атмосферу сплоченной, дружной семьи, в центре которой стоял этот молодой человек, обаятельный, талантливый, с таким, по-видимому, веселым взглядом на жизнь, мне кажется, что это была самая счастливая, последняя счастливая полоса в жизни всей семьи...

Было тогда Чехову 26 лет»¹.

Задание:

Подготовьте рассказ об А. П. Чехове по воспоминаниям И. А. Бунина, В. Г. Короленко и К. И. Чуковского, включив в него материал о детстве, юности, врачебной деятельности писателя, особенностях творческого труда, цитаты излюбившихся произведений. Подумайте, как начать и завершить такой рассказ, как построить план устного рассказа.

¹ Цит. по кн.: Роскин А. И. А. П. Чехов. — М., 1935. — С. 26, 27.

Ответьте на вопросы.

1. Какие особенности характера А. П. Чехова помогли ему стать замечательным мастером юмористического рассказа?

2. Каким человеком предстает перед вами А. П. Чехов по воспоминаниям И. А. Бунина, В. Г. Короленко и К. И. Чуковского?

Самостоятельная работа

Прочитайте рассказ А. П. Чехова «Пересолил» и ответьте на вопросы.

ПЕРЕСОЛИЛ

Землемер Глеб Гаврилович Смирнов приехал на станцию Гнилушки. До усадьбы, куда он был вызван для межевания, оставалось еще проехать на лошадах верст тридцать — сорок. (Ежели возница не пьян и лошади не клячи, то и тридцать верст не будет, а коли возница с мухой да кони наморены, то целых пятьдесят наберется.)

— Скажите, пожалуйста, где я могу найти здесь почтовых лошадей? — обратился землемер к станционному жандарму.

— Которых? Почтовых? Тут за сто верст пудовой собаки не сыщешь, а не то что почтовых... Да вам куда ехать?

— В Девкино, имение генерала Хохотова.

— Что ж? — зевнул жандарм. — Ступайте за станцию, там на дворе иногда бывают мужики, возят пассажиров.

Землемер вздохнул и поплелся за станцию. Там, после долгих поисков, разговоров и колебаний, он нашел здоровеннейшего мужика, угрюмого, рябого, одетого в рваную сермягу и лапти.

— Черт знает какая у тебя телега! — поморщился землемер, влезая в телегу. — Не разрешишь, где у нее зад, где перед...

— Что же тут разбирать-то? Где лошадиный хвост, там перед, где сидит ваша милость, там зад...

Лошаденка была молодая, но тощая, с растопыренными ногами и покусанными ушами. Когда возница приподнялся и стегнул ее веревочным кнутом, она только замотала головой, когда же он выбранился и стегнул ее еще раз, то телега взвизгнула и задрожала как в лихорадке. После третьего удара телега покачнулась, после же четвертого она тронулась с места.

— Этак мы всю дорогу поедем? — спросил землемер, чувствуя сильную тряску и удивляясь способности русских возниц соединять тихую, черепашую езду с душой выворачивающей тряской.

— До-о-едем! — успокоил возница. — Кобылка молодая, шустрая... Дай ей только разбежаться, так потом и не остановишь... Но-о-о, прокля-тая!

Когда телега выехала со станции, были сумерки. Направо от землемера тянулась темная, замерзшая равнина, без конца и краю... Поедешь по ней, так, наверно, заедешь к черту на кулички. На горизонте, где она исчезала и сливалась с небом, лениво догорала холодная, осенняя заря... Налево от дороги в темнеющем воздухе высились какие-то бугры, не то прошлогодние стоги, не то деревня. Что было впереди, землемер не видел, ибо с этой стороны все поле зрения застилала широкая, неуклюжая спина возницы. Было тихо, но холодно, морозно.

«Какая, однако, здесь глушь! — думал землемер, стараясь прикрыть свои уши воротником от шинели. — Ни кола ни двора. Неровен час нападут и ограбят, так никто и не узнает, хоть из пу-

шек пали... Да и возница ненадежный... Ишь какая спаница! Этакое дитя природы пальцем тронет, так душа вон! И морда у него зверская, подозрительная».

— Эй, милый, — спросил землемер, — как тебя зовут?

— Меня-то? Клим.

— Что, Клим, как у вас здесь? Не опасно? Не шалят?

— Ничего, Бог миловал... Кому ж шалить?

— Это хорошо, что не шалят... Но на всякий случай все-таки я взял с собой три револьвера, — соврал землемер. — А с револьвером, знаешь, шутки плохи. С десятью разбойниками можно справиться...

Стемнело. Телега вдруг закрипела, завизжала, задрожала и, словно нехотя, повернула налево.

«Куда же это он меня повез? — подумал землемер. — Ехал все прямо и вдруг налево. Чего доброго завезет, подлец, в какую-нибудь трущобу и... и... Бывают ведь случаи!»

— Послушай, — обратился он к вознице. — Так ты говоришь, что здесь не опасно? Это жаль... Я люблю с разбойниками драться... На вид-то я худой, болезненный, а силы у меня словно у быка... Однажды напало на меня три разбойника... Так что ж ты думаешь? Одного я так трахнул, что... что, понимаешь, богу душу отдал, а два другие из-за меня в Сибирь пошли, на каторгу. И откуда у меня сила берется, не знаю... Возьмешь одной рукой какого-нибудь здоровилу, вроде тебя, и... и скovyрнешь.

Клим оглянулся на землемера, заморгал всем лицом и стегнул по лошаденке.

— Да, брат... — продолжал землемер. — Не дай бог со мной связаться. Мало того, что разбойник без рук, без ног останется, он еще и перед судом ответит... Мне все судьи и исправники зна-

комы. Человек я казенный, нужный... Я вот еду, а начальству известно... так и глядят, чтоб мне кто-нибудь худа не сделал. Везде по дороге за кустиками урядники да сотские понатыканы... По... по... постой! — заорал вдруг землемер. — Куда же это ты въехал? Куда ты меня везешь?

— Да нешто не видите? Лес!

«Действительно, лес... — подумал землемер. — А я-то испугался! Однако не нужно выдавать своего волнения... Он уже заметил, что я трушу. Отчего это он стал так часто на меня оглядываться? Наверное, замышляет что-нибудь... Раньше ехал еле-еле, нога за ногу, а теперь ишь как мчится».

— Послушай, Клим, зачем ты так гонишь лошадь?

— Я ее не гоню. Сама разбежалась... Уж как разбежится, так никаким средством ее не остановишь... И сама она не рада, что у ней ноги такие.

— Врешь, брат! Вижу, что врешь! Только я тебе не советую так быстро ехать. Попривержи-ка лошадь... Слышишь? Попривержи!

— Зачем?

— А затем... затем, что за мной со станции должны выехать четыре товарища. Надо, чтоб они нас догнали... Они обещали догнать меня в этом лесу... С ними веселей будет ехать... Народ здоровый, коренастый... у каждого по пистолету... Что это ты все оглядываешься и движешься, как на иголках? а? Я, брат, тово... брат... На меня нечего оглядываться... интересного во мне ничего нет... Разве вот револьверы только... Изволь, если хочешь, я их выну, покажу... Изволь...

Землемер сделал вид, что роется в карманах, и в это время случилось то, чего он не мог ожидать при всей своей трусости. Клим вдруг вывалился из телеги и на четвереньках побежал к чаще.

— Караул! — заголосил он. — Караул! Бери, окаянный, и лошадь и телегу, только не губи ты моей души! Караул!

Послышались скорые, удаляющиеся шаги, треск хвороста — и все смолкло... Землемер, не ожидавший такого реприманда¹, первым делом остановил лошадь, потом уселся поудобней на телеге и стал думать.

«Убежал... испугался, дурак... Ну, как теперь быть? Самому продолжать путь нельзя, потому что дороги не знаю, да и могут подумать, что я у него лошадь украд... Как быть?»

— Клим! Клим!

— Клим... — ответило эхо.

От мысли, что ему всю ночь придется просидеть в темном лесу на холоде и слышать только волков, эхо да фырганье тощей кобылки, землемера стало коробить вдоль спины, словно холодным терпугом².

— Климущка! — закричал он. — Голубчик! Где ты, Климущка?

Часа два кричал землемер, и только после того, как он охрип и помирился с мыслью о ночевке в лесу, слабый ветерок донес до него чей-то стон.

— Клим! Это ты, голубчик? Поедем!

— У... убьешь!

— Да я пошутил, голубчик! Накажи меня Господь, пошутил! Какие у меня револьверы! Это я от страха врал! Сделай милость, поедем! Мерзну!

Клим, сообразив, вероятно, что настоящий разбойник давно бы уж исчез с лошадьёю и телегой, вышел из лесу и нерешительно подошел к своему пассажиру.

— Ну, чего, дура, испугался? Я... я пошутил, а ты испугался... Садись!

— Бог с тобой, барин, — проворчал Клим, влезая в телегу. — Если б знал, и за сто целковых не повез бы. Чуть я не помер от страха...

¹ *Реприманд* (франц.) — неожиданность.

² *Терпуг* (спец.) — стальной брусок с насечкой, служащий напильником.

Клим стегнул по лошаденке. Телега задрожала. Клим стегнул еще раз, и телега покачнулась. После четвертого удара, когда телега тронулась с места, землемер закрыл уши воротником и задумался. Дорога и Клим ему уже не казались опасными.

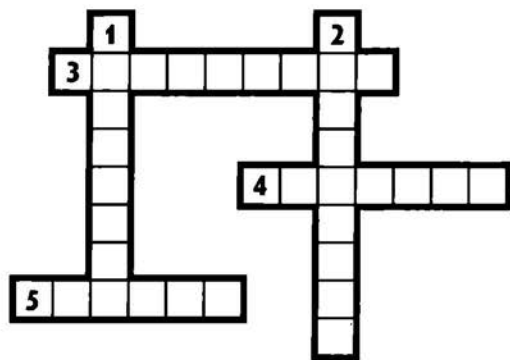

Ответьте на вопросы:

1. Какие моменты, по-вашему, делают этот рассказ смешным?
2. Каким можно назвать в этом рассказе чеховский юмор: снисходительным, беспощадным, добродушным?
3. Объясните, что «Пересолил» — рассказ, а не повесть. Воспользуйтесь при этом Кратким словарем литературоведческих терминов.
4. Какие иллюстрации можно было бы нарисовать к этому рассказу? Назовите их.

■ ■ ■ Кроссворд ■ ■ ■

«А. П. Чехов. „Пересолил“»

1. Профессия героя. 2. Какую работу должен был он выполнить? 3. Что более всего напугало возницу? 4. Название деревни. 5. Крик напуганного возницы.

■ Слова для справок: Землемер. Межевание. Девкино. Караул. Револьвер.

Писатель В. Г. Тан, учившийся почти одновременно с Чеховым в гимназии, сообщает следующее:

«Если бы из всех этих мелких рассказов, из многотомного собрания его сочинений вдруг каким-нибудь чудом на московскую улицу хлынули все люди, изображенные там, все эти полицейские, акушерки, актеры, портные, арестанты, повара, богомолки, педагоги, помещики, архиереи, циркачи (или, как они тогда назывались, циркисты), чиновники всех рангов и ведомств, крестьяне северных и южных губерний, генералы, банщики, инженеры, конокрады, монастырские служки, купцы, певчие, солдаты, свахи, фортепьянные настройщики, пожарные, судебные следователи, дьяконы, профессора, пастухи, адвокаты, произошла бы ужасная свалка, ибо столь густого многолюдства не могла бы вместить и самая широкая площадь...

Не верится, что все эти толпы людей, кишачие в чеховских книгах, созданы одним человеком, что только два глаза, а не тысяча глаз с такою нечеловеческой зоркостью подсмотрели, запомнили и запечатлели навек все это множество жестов, походок, улыбок, физиономий, одежд и что не тысяча сердец, а всего лишь одно вместило в себе боли и радости этой громады людей...»

Произведения русских писателей XX века

Михаил Михайлович Пришвин

1873—1954

О ПИСАТЕЛЕ

Приготовьте рассказ о жизни и творчестве М. М. Пришвина, используя статью учебника и приведенный здесь текст.

«М. М. Пришвин считал и не считал себя детским писателем.

Первый опубликованный рассказ („Сашок“) был для детей и появился в детском журнале „Родник“ в 1906 году. В 1931 году Пришвин писал: „Исследуя написанное мной за 25 лет литературного труда, я нахожу бесспорную ценность в том, что написано мною для юношества и детей“. И в то же время говорил, что обращается своими книгами не к детям, а к тому внутреннему ребенку, который сохраняется в душе почти каждого взрослого человека.

Михаил Михайлович Пришвин родился 5 февраля 1873 года неподалеку от Ельца, в дворянском имении Хрущево, принадлежавшем его отцу, происходившему из елецких купцов. Он рос среди крестьянских детей, учился в Елецкой гимназии и был исключен оттуда с „волчьим билетом“ за крупную ссору с учителем географии. Потом Пришвин учился в реальном учи-

лице Тюмени, сдал экстерном¹ экзамены за курс классической гимназии в Елабуге, поступил в Рижский политехнический институт, за участие в социал-демократической студенческой организации был арестован и после годичного заключения и суда выслан на родину под гласный надзор полиции. В 1899 году Пришвин едет в Германию, в Лейпциг, откуда возвращается четыре года спустя с дипломом агронома. Он работает в графском имении, в земстве, на опытной сельскохозяйственной станции, пишет агрономические книги, готовит себя к научной деятельности. Но пробудившийся интерес к литературному творчеству заставляет его резко изменить свою судьбу.

С 1905 года Пришвин становится писателем-путешественником, этнографом², очеркистом. Выпускает книги. Активно сотрудничает в газетах. Ездит и ходит пешком по стране. Такой образ жизни он сохранил до глубокой старости. Пришвин не раз признавался, что воплотил в нем мечты и сказки собственного детства»³.

«КЛАДОВАЯ СОЛНЦА»

Самостоятельная работа

1. Прочитайте простой план сказки-были «Кладовая солнца»:

- а) Жизнь Насти и Митраши после смерти родителей.
- б) За клюквой.
- в) Восход солнца в лесу; у Лежачего камня.
- г) История Травки.

¹ *Экстёрн* — лицо, сдающее экзамены при учебном заведении, не обучаясь в нем.

² *Этнограф* — специалист, изучающий быт, нравы, культуру какой-нибудь народности.

³ Мотышов И. Михаил Пришвин // Детская литература. — 1966. — № 11. — С. 56.

- д) Блудово болото.
- е) Путь Митраши.
- ж) Путь Насти.
- з) Закат солнца в лесу.
- и) Спасение Митраши.
- к) Счастливый конец¹.

Какие из пунктов предложенного плана вы могли бы назвать по-другому?

2. Прочитайте еще раз каждую часть сказки-были «Кладовая солнца» и подберите нужные цитаты, чтобы составить из них план.

Примерное начало:

а) «В одном селе, возле Блудова болота, в районе города Переславля-Залесского, осиротели двое детей... не было ни одного дома, где бы жили и работали так дружно, как жили наши любимцы».

б) «Этой весной снег в густых ельниках еще держался и в конце апреля, но в болотах всегда бывает много теплее: там в это время снега уже не было вовсе. Узнав об этом от людей, Митраша и Настя стали собираться за клюквой».

в) «Сюда, к Лежачему камню, пришли дети в то самое время, когда первые лучи солнца, пролетев над низенькими корявыми болотными елочками и березками, осветили звонкую борину, и могучие стволы соснового бора стали как зажженные свечи великого храма природы...»

3. Прочитайте отрывок. Выделите те художественные детали в изображении природы, которые помогают увидеть известное явление по-новому:

а) «Лет двести тому назад ветер-сеятель принес два семечка в Блудово болото: семя сосны и семя ели. Оба семечка легли в одну ямку возле

¹ См.: Зепалова Т. С., Мещерякова Н. Я. Методическое руководство к учебнику-хрестоматии «Родная литература» для 5 класса. — М., 1983. — С. 199.

большого плоского камня... С тех пор уже лет, может быть, двести эти ель и сосна вместе растут. Их корни с малолетства сплелись, их стволы тянулись вверх к свету, стараясь обогнать друг друга. Деревья разных пород боролись между собой корнями за питание, сучьями — за воздух и свет. Поднимаясь все выше, толстая стволами, они впивались сухими сучьями в живые стволы и местами насквозь прокололи друг друга. Злой ветер, устроив деревьям такую несчастную жизнь, прилетал сюда иногда покачать их. И тогда деревья так стонали и выли на все Блудово болото, как живые существа, что лисичка, свернувшаяся на моховой кочке в клубочек, поднимала вверх свою острую мордочку...»

б) «Очень волновались старушки-елки, пропуская между собой мальчика с длинным ружьем, в картузе с двумя козырьками. Бывает, одна вдруг поднимется, как будто хочет смельчака палкой ударить по голове, и закроет собой впереди всех других старушек. А потом опустится, и другая колдунья тянет к тропе костлявую руку. И ждешь — вот-вот, как в сказке, полянка покажется, и на ней избушка колдуньи с мертвыми головами на шестах...»

4. Сказка-быль «Кладовая солнца» в учебнике дана в сокращении. Прочитайте VI и VII главы полного текста и подготовьте рассказ «История Серого Помещика».

Вопросы и задания:

1. В «Кладовой солнца» все можно назвать сказкой и одновременно былью. Поэтому, когда говорится о чем-то волшебном, Пришвин осторожно заметит «кажется», «как будто», «похоже», а если речь идет о реальном, писатель обязательно подчеркнет волшебные свойства доброты и трудолюбия. Как вы думаете, почему это делает писатель? Найдите в тексте конкретные примеры.

2. Какое событие в «Кладовой солнца» можно считать кульминационным?
3. Особенность «Кладовой солнца» — раскрытие человека через природу, через его отношение к природе. Как это связано с эпиграфом ко всей теме: «Я ведь, друзья мои, пишу о природе, сам же только о людях и думаю»?

ЧИТАТЕЛЬСКАЯ ИГРА

Кто раньше всех догадался, почему про Настю сказано, что она была «как золотая курочка на высоких ножках»?

А как учителя называли между собой Митрашу? Почему, как вы думаете, его называли «мужичок в мешочке»?

Как звали Травку до того, как она стала Травкой? А почему Антипыч мог назвать ее Затравкой, как вы считаете?

Какое прозвище дали в деревне волку? Как же возникло это прозвище — Серый Помещик?

Какие клички были у домашних животных в хозяйстве Насти и Митраши? Что можно узнать о семье, где корову называли Зорькой, телушку — Дочкой, петуха — Петей, козу — Дерезой, а поросенка — Хреном?

Вы догадались, почему болото, куда отправились дети, местные жители называли Блудовым?

А что такое елань? И почему она слепая?¹

СОРЕВНОВАНИЕ ЗНАТOKOВ ЛЕСА

Какие деревья селятся в «приболотице» — на краю болота, какие — на сухих островах в болотном «море»? Почему эти острова называются «борíнами»?

Какие ягоды и цветы вырастают на лесной просеке?

Где и как растут клюква, черника, брусника, голубика, костяника?

¹ См.: Качурин М. Г. Организация исследовательской деятельности учащихся на уроках литературы. — М., 1988. — С. 30.

Как цветет волчье лыко?

Как возникает болото и почему оно так называется? Правда ли, что болото — кладовая солнца, и как это понять?¹

Каких зверей и птиц мы встречаем в сказке-были? Перечислите их. Какие у них повадки, крики, стоны?

Сравнительная характеристика Насти и Митраши

План:

1. Когда и в какой среде жили Настя и Митраша?

2. Их портреты.

3. Сходные черты:

а) трудолюбие,

б) деловитость,

в) хозяйственность,

г) любовь к родителям.

4. Различия:

а) уступчивость и благоразумие Насти,

б) строптивость и упрямство Митраши,

в) жадность Насти, ее неспособность правильно оценивать свои поступки,

г) воля, находчивость, смелость Митраши.

5. Отношение автора к Насте и Митраше.

Задание:

Приготовьте сообщение на тему «Сравнительная характеристика Насти и Митраши». Используйте примерный план, а также приведенный ниже материал.

Настя

«Настя была как золотая курочка на высоких ножках. Волосы у нее, ни темные, ни светлые, отливали золотом, веснушки по всему лицу были крупные, как золотые монетки, и частые, и тес-

¹ См.: Там же. — С. 31—32.

но им было, и лезли они во все стороны. Только носик один был чистенький и глядел вверх».

«...Умненькие и дружные ребята».

«Не было ни одного дома, где бы жили и работали так дружно, как жили наши любимцы».

«Как и покойная мать, Настя вставала далеко до солнца, в предрассветный час, по трубе пастуха. С хворостиной в руке выгоняла она свое любимое стадо и катилась обратно в избу. Не ложась уже больше спать, она растопляла печь, чистила картошку, заправляла обед и так хлопотала по хозяйству до ночи».

«Так она ссыпает горсточку за горсточкой, все чаще и чаще, а хочется все больше и больше».

«Бывало, раньше дома часу не поработает Настенька, чтобы не вспомнился брат, чтобы не захотелось с ним перекликнуться... Да она и о себе самой забыла и помнит только о клюкве, и ей хочется все больше и больше».

«Испуганная лосем, Настенька изумленно смотрела на змею... Насте представилось, будто это она сама осталась там, на пне, и теперь вышла из шкуры змеиной и стоит, не понимая, где она».

«Но когда из детдома эвакуированных ленинградских детей обратились в село за посильной помощью больным детям, Настя отдала им всю свою целебную ягоду».

Митраша

«Митраша был моложе сестры на два года. Ему было всего только десять лет с хвостиком. Он был коротенький, но очень плотный, лобастый, затылок широкий. Это был мальчик упрямый и сильный. „Мужичок в мешочке“, улыбаясь, называли его между собой учителя в школе».

«„Мужичок в мешочке“, как и Настя, был в золотых веснушках, а носик его, чистенький тоже, как у сестры, глядел вверх».

«Митраша выучился у отца делать деревянную посуду: бочонки, шайки, лохани.

Но, кроме бондарства, на нем лежит и все мужское хозяйство».

«Очень хорошо, что Настя постарше брата на два года, а то бы он непременно зазнался в дружбе».

«Строптивый брат».

«Это был мальчик упрямый и сильный».

«Был мужичок, — отвечали другие, — да сплыл, кто смел, тот два съел: не мужичок, а герой».

ИНСЦЕНИРОВКА

1. Подготовьте инсценировку по эпизоду «Ссора Насти и Митраши». Перечитайте эту сцену со слов: «Неподвижные, как изваяния, сидели на камне охотники за сладкой клюквой»; выделите из своих товарищей «труппу» (рассказчик, Настя, Митраша, ворона).

Ответьте на следующие вопросы:

Как могло случиться, что такие дружные ребята не просто поссорились, а покинули друг друга? Ведь они знали, что в лесу бродит безжалостный Серый Помещик, что в болоте есть гибельное место.

В чем, по мнению писателя, проявляется великая мудрость человека? Доросли ли Настя и Митраша до этой мудрости?

Устояла ли их дружба и любовь под натиском обиды и раздражения?

Помнил ли Митраша, что он обязан оберегать сестру, как отец оберегал мать, что он охотник, что у него ружье и компас?

Помнила ли Настя, что она должна заботиться о брате, как мать заботилась об отце, что у нее в корзине хлеб, молоко, картошка?

2. Перечитайте сцену «Спасение Митраши» и подготовьте инсценировку. Предварительно выделите «труппу» (рассказчик, Митраша, Травка, заяц).

Ответьте на следующие вопросы:

Почему Травка не сразу откликнулась на зов Митраши?

Когда произошло настоящее чудо, в понимании Травки?

Что, кроме сметливости, отваги, терпения, помогло Митраше спастись?

Почему почти одичавшая Травка послушалась человека и пришла ему на помощь?

Какую правду перешептывал Антипыч и собакам, и людям?

Литература и живопись

1. Рассмотрите иллюстрации в учебнике к повести «Кладовая солнца». Их автор — Е. Рачев. Расскажите подробно, что вы видите на рисунках. Озаглавьте их (можно словами текста).

2. Создайте устные иллюстрации к отдельным эпизодам повести.

За страницами вашего учебника

(Внеклассное чтение)

М. М. Пришвин — тонкий знаток и ценитель родной природы.

За умение слушать и понимать природу современники звали писателя кудесником, волшебником. День за днем, год за годом записывал он голос леса, воды, лета и осени. Прочитайте несколько миниатюр М. М. Пришвина из его «Лесной капли».

ЛЕСНАЯ КАПЕЛЬ

Весна воды

Снег еще глубок, но так зернист, что даже заяц проваливается до земли и своим брюхом чешет снег наверху.

После дороги птицы перелетают кормиться на поля, на те места, где стало черно.

Все березы на дожде как бы радостно плачут, сверкая летят вниз капли, гаснут на снегу, отчего мало-помалу снег становится зернистым.

Последние хрустящие остатки льда на дороге — их называют черепками. И то ледяное ложе, по которому бежал поток, тоже размыло, и оно размякло под водой: на этом желтом ложе заяц, перебегая на ту сторону ночью, оставил следы.

Ручей и тропинка

Вытаяла возле бора тропинка сухая, и рядом с ней шумит ручей: так вдоль опушки по солнцепеку и бегут, уходя вдаль, ручей и тропинка, а за ручьем на северном склоне среди хвойных деревьев лежит сибирский таежный нетронутый лес.

Светлая капель

Солнце и ветер. Весенний свет. Синицы и клесты поют брачным голосом. Корка наста от лыжи, как стекло, со звоном разлетается. Мелкий березняк на фоне темного бора в лучах солнца становится розовым. Солнечный луч на железной крыше создает нечто вроде горного ледника, из-под которого, как в настоящем леднике, струится вода рекой, и от этого ледник отступает. Все шире и шире темнеет между ледником и краем крыши полоса нагретого железа. Тоненькая струйка с теплой крыши попадает на холодную сосульку, висящую в тени на морозе. От этого вода, коснувшись сосульки, замерзает, и так

сосулька утром сверху растет в толщину. Когда солнце, обогнув крышу, заглянуло на сосульку, мороз исчез, и поток из ледника сбежал по сосульке, стал падать золотыми каплями вниз, и это везде на крышах, и до вечера всюду в городе падали вниз золотые капли.

Далеко еще до вечера стало морозить в тени, и хотя еще на крыше ледник все отступал и ручей струился по сосульке, все-таки некоторые капельки на самом конце ее в тени стали примерзать, и чем дальше, тем больше. Сосулька к вечеру стала расти в длину. А на другой день опять солнце, и опять ледник отступает, и сосулька растет утром в толщину, а вечером в длину: каждый день все толще, все длиннее.

Первый цветок

Думал, случайный ветерок шевельнул старым листом, а это вылетела первая бабочка. Думал, в глазах это порябило, а это показался первый цветок.

Бедная мысль

Внезапно стало теплеть. Петя занялся рыбой, поставил в торфяном пруду сети на карасей и заметил место: против сети на берегу стояло около десяти маленьких, в рост человека, березок. Солнце садилось пухлое. Лег спать: рев лягушек, соловьи и все, что дает бурная тропическая ночь.

Только бывает так, что, когда совсем хорошо, бедному человеку в голову приходит бедная мысль и не дает возможности воспользоваться счастьем тропической ночи. Пете пришло в голову, что кто-то, как в прошлом году, подсмотрел за ним и украл его сети. На рассвете он бежит к тому месту и действительно видит: там люди стоят на том самом месте, где он поставил сети. В злобе, готовый биться за сети с десятком людей, он бежит туда и вдруг останавливается и

улыбаются: это не люди — это за ночь те десять березок оделись и будто люди стоят.

Реки цветов

Там, где тогда мчались весенние потоки, теперь везде потоки цветов.

И мне так хорошо было пройтись по этому лугу; я думал: «Значит, не даром неслись весной мутные потоки».

Пень-муравейник

Есть старые пни в лесу, все покрытые, как швейцарский сыр, дырочками и сохранившие прочную свою форму... Если, однако, придется сесть на такой пень, то перегородки между дырочками, очевидно, разрушаются, и чувствуешь, что сам на пне немного осел. И когда почувствуешь, что немного осел, то вставай немедленно: из каждой дырочки этого пня под тобой выползет множество муравьев, и ноздреватый пень окажется весь сплошным муравейником, сохранившим обличие пня.

Листопад

Вот из густых елок вышел под березу заяц и остановился, увидя большую поляну. Не посмел прямо идти на ту сторону и пошел кругом всей поляны от березки к березке. Вот он остановился, прислушался... Кто боится чего-то в лесу, то лучше не ходи, пока падают листья и шепчутся. Слушает заяц: все ему кажется, будто кто-то шепчется сзади и крадется. Можно, конечно, и трусливому зайцу набраться храбрости и не оглядываться, но тут бывает другое: ты не побоялся, не поддался обману падающих листьев, а как раз вот тут кто-то воспользовался и тебя сзади под шумок схватил в зубы.

Парашют

В такой тишине, когда без кузнечиков в траве в своих собственных ушах пели кузнечики, с березы, затертой высокими елями, слетел медленно вниз желтый листик. Он слетел в такой тишине, когда и осиновый листик не шевелился. Казалось, движение листика привлекло внимание всех, и все ели, березы и сосны со всеми листиками, сучками, хвоинками и даже кусты, даже трава под кустами дивились и спрашивали: «Как мог в такой тишине стронуться с места и двигаться листик?» И, повинувшись всеобщей просьбе узнать — сам ли собой сдвинулся листик, я пошел к нему и узнал. Нет, не сам собой сдвинулся листик: это паук, желая спуститься, отяжелил его и сделал своим парашютом: на этом листике опустился небольшой паучишка.

Деревья в плену

Дерево верхней своей мутовкой, как ладонью, забирало падающий снег, и такой от этого вырос ком, что вершина березы стала гнуться. И случилось, в оттепель падал опять снег и прилипал к тому кому, и ветка верхняя с комом согнула аркой все дерево, пока наконец вершина с тем огромным комом не погрузилась в снег и этим не была закреплена до самой весны. Под этой аркой всю зиму проходили звери и люди изредка на лыжах. Рядом гордые ели смотрели сверху на согнутую березу, как смотрят люди, рожденные повелевать, на своих подчиненных.

Весной береза возвратилась к тем елкам, и если бы в эту особенно снежную зиму она не согнулась, то потом и зимой и летом она оставалась бы среди елей, но раз уж согнулась, то теперь при самом малом снеге она наклонялась и в конце концов непременно каждый год аркой склонялась над тропинкой.

Страшно бывает в снежную зиму войти в молодой лес: да ведь и невозможно войти. Там, где летом шел по широкой дорожке, теперь через эту дорожку лежат согнутые деревья, и так низко, что только зайцу под ними и пробежать. Но я знаю одно простое волшебное средство, чтобы идти по такой дорожке, самому не сгибая спины. Я выламываю себе хорошую увесистую палочку, и стоит мне только этой палочкой хорошенько стукнуть по склоненному дереву, как снег валится вниз со всеми своими фигурами, дерево прыгает вверх и уступает дорогу. Медленно так я иду и волшебными ударами освобождаю множество деревьев.

Ответьте на вопросы:

1. Произведение «Лесная капель» имеет и другое название — «Времена года». Как вы думаете, какое из этих названий больше подходит к нему?
2. Какая, по-вашему, связь между сказкой-былью «Кладовая солнца» и «Лесной капелью»?

Самостоятельная работа

1. Напишите небольшое сочинение о ваших наблюдениях природы. Придумайте ему название.

2. О родной природе написано много хороших книг, например: К. Паустовский. «Мещерская сторона»; М. Пришвин. «Этажи леса», «Лесной доктор»; В. Бианки. «На великом морском пути», «Одинец», «Аскыр»; Г. Скребицкий. «От первых проталин до первой грозы»; Э. Сетон-Томпсон. «Рассказы о животных» и другие.

Прочитайте одну-две книги из этого списка.

3. Сделайте краткую запись в вашем читательском дневнике о прочитанной в этом году

книге о природе, которая вам больше всего запомнилась и понравилась. Постарайтесь обосновать свой выбор.

Для любознательных

«...Сейчас я хочу рассказать об одном случае, когда одна строчка Пришвина объяснила мне явление, которое до тех пор казалось мне случайным. И не только объяснила, но и наполнила его, я бы сказал, закономерной прелестью.

Я давно заметил в заливных лугах на Оке, что цветы местами как бы собраны в отдельные пышные куртины, а местами среди обычных трав вдруг тянется извилистая лента сплошных одинаковых цветов. Особенно хорошо это видно с маленького самолета „У-2“, который прилетает в луга опылять от комарья мочежины и болотца.

Я годами наблюдал эти высокие и душистые ленты цветов, восхищался ими, но не знал, чем объяснить это явление. Да я, признаться, и не задумывался над этим.

И вот у Пришвина во „Временах года“ я наконец нашел это объяснение всего в одной строке, в крошечном отрывке под названием „Реки цветов“:

„Там, где мчались весенние потоки, теперь везде потоки цветов“.

Я прочел это и сразу понял, что полосы цветов выросли именно там, где весной проносилась полая вода, оставляя после себя плодородный ил. Это была как бы цветочная карта весенних потоков».

«После Пришвина осталось большое количество записей и дневников. В этих записях заключено много размышлений Михаила Михайловича о писательском мастерстве. В этом деле он был так же проникновенен, как и в своем отношении к природе.

Мне кажется образцовым по верности мысли рассказ Пришвина о простоте прозы. Называется он „Сочинитель“. В рассказе идет разговор писателя с мальчишкой-подпаском о литературе.

Вот этот разговор. Подпасок говорит Пришвину:

„— Если бы ты по правде писал, а то ведь, наверное, все выдумал.

— Не все, — ответил я, — но есть немного.

— Вот я бы — так написал!

— Все бы по правде?

— Все. Вот взял бы и про ночь написал, как ночь на болоте проходит.

— Ну, как же?

— А вот так! Ночь. Куст большой-большой у бочага. Я сижу под кустом, а утята — свись, свись, свись...

Остановился. Я подумал — он ищет слов или дожидается образов. Но он вынул жалейку и стал просверливать в ней дырочку.

— Ну, а дальше-то что? — спросил я. — Ты же по правде хотел ночь представить.

— А я же и представил, — ответил он, — все по правде. Куст большой-большой! Я сижу под ним, а утята всю ночь — свись, свись, свись.

— Очень уж коротко.

— Что ты, „коротко“! — удивился подпасок. — Вся-то ночь напролет: свись, свись, свись...

Соображая этот рассказ, я сказал:

— Как хорошо!

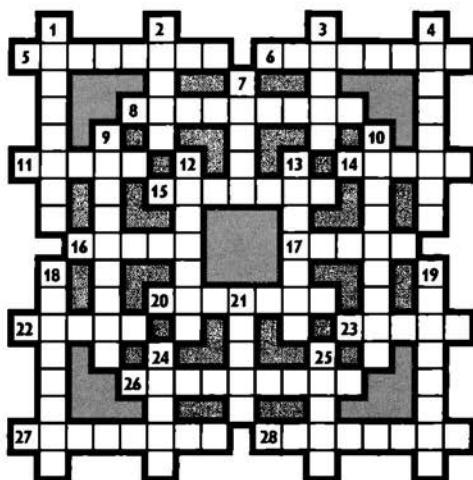
— Неуж плохо! — ответил он“.

В своем писательском деле Пришвин был победителем. Невольно вспоминаются его слова: „...Если даже дикие болота одни были свидетелями твоей победы, то и они процветут необычайной красотой, — и весна останется тебе навсегда, одна весна, слава победе“.

Да, весна пришвинской прозы останется навсегда в жизни наших людей и нашей... литературы».

К. Г. Паустовский. «Золотая роза»

«М. М. Пришвин. „Кладовая солнца“»

По горизонтали: 5. Кто оставил детям «все их крестьянское хозяйство»? 6. Как автор называет мальчика, шедшего между сказочных старушек-елок, когда «одна вдруг поднимается, как будто хочет... палкой ударить по голове»? 8. Что случилось в жизни Травки два года назад? 11. Часть дерева, которая утром в сосновом бору напоминала зажженную свечу. 14. Кто отдал целебную ягоду ленинградским детям? 15. Как называли Митрашу между собой учителя в школе, добавляя при этом — «в мешочке»? 16. Все животные, которых «в предрассветный час» выгоняла Настя с хворостинной в руке. 17. «Топкое место в болоте, все равно, что прорубь на льду». 20. Кто утром заревел на дворе так, что соседи «пришли посмотреть, не случилось ли какой беды у детей»? 22. Что услышала Травка на болоте, с чем не могло сравниться «никакое чудо природы»? 23. Обитатель леса, в которого стала превращаться Травка, когда умер Антипыч и ей нужно было «жить для себя». 26. Что хранилось в яме возле сторожки Антипыча до того, как там поселилась собака? 27. Сказочное уродливое существо, за которое можно было принять лося, глядя, как толстые губы «пришлепнулись к дереву». 28. Настоящее имя собаки, которое вспомнил Митраша.

По вертикали: 1. Крайне ветхая, изорванная одежда Митраши, с которой он стряхнул грязь, когда вылез из топкого

места. 2. «Сеятель», принесший «два семечка в Блудово болото: семя сосны и семя ели». 3. Белая чистейшая «одежда» подхвостья, которую, подпрыгнув, показал тетерев-косач. 4. Углубление в русской печи, куда сгребаются горячие угли (там стоял чугунок вареной картошки, о котором вспомнила Настя). 7. Повозка, на которой привезли мертвого Серого Помещика. 9. Что, по словам автора, скрыто в наших болотах? 10. Прекрасное соотношение, которое было в дружбе Насти с братом. 12. Какое слово с эпитетом «золотая» употребляет автор, говоря о Насте? 13. Недуг, от которого умерла мать ребятишек. 18. Изогнутая линия, по которой Настина тропа огибала Слепую елань. 19. Островок на самой середине «палестинки», где рос осинник и стоял великан лось. 21. Что «сын охотника» заткнул за пояс, собираясь в дорогу? 24. Дугообразное искривление «вроде очков», которое делало черные полосы под глазами у Травки. 25. Стелющаяся по земле зеленая ниточка со многими клюквинками.

■ **Слова для справок:** Белье. Богатство. Болезнь. Ветер. Елань. Загиб. Загнетка. Затравка. Зверь. Картофель. Курочка. Куртинка. Лохмотья. Мужичок. Настя. Несчастье. Плеть. Полукруг. Равенство. Родители. Санки. Скотина. Слово. Смельчак. Стадо. Ствол. Топор. Чудовище.

Юрий Маркович Нагибин

1920—1994

Каким же светлым и ясным вспоминается наше не слишком сытое и не слишком нарядное детство!

Ю. М. Нагибин

Я родился 3 апреля 1920 года в Москве, близ Чистых прудов, в семье служащего... В литературном отношении я всем обязан отчиму... Он научил меня читать только хорошие книги... Русская и западная классика была литературой моего детства.

Мы жили в хорошей, коренной части Москвы, в окружении прекрасных старинных церквей и густых садов, наш дом выходил на три переулочка: Армянский, Сверчков и Телеграфный, что было предметом моей постоянной гордости, не каждому мальчику доводилось жить сразу по трем адресам.

До восьмилетнего возраста всем, желавшим знать, кем я хочу стать, когда вырасту, я отвечал: «агентом МУРа»¹. Я не знал, что это такое, но мне нравилась мужественная звучность этих слов. В восемь лет, пережив с необыкновенной силой и взволнованностью эпопею по спасению итальянского аэронавта Нобиле, я мечтал стать Амундсеном или летчиком Чухновским. Затем я неистово увлекся «Тремя мушкетерами», не столько самим романом, сколько идеей дружбы, так обаятельно воплощенной в его героях. А затем, почему-то решив, что увлечен химией, я без устали варил ужасающий гуталин, не дававший блеска и глянца, зато наполнявший квартиру неистовой вонью...

После короткой учебы в Медицинском институте я перешел на сценарный² факультет Киноинститута... В 1940 году в журнале «Огонек» появился мой первый рассказ «Двойная ошибка» о судьбе начинающего писателя. Мартовскими, грязно замешанными улицами я бегал от одного газетного киоска к другому и спрашивал: нет ли последнего рассказа Нагибина?..

Через несколько месяцев после начала Отечественной войны, когда последний вагон с институтским имуществом ушел в Алма-Ату, я подался в противоположную сторону...

Через год, уже на Воронежском фронте, я был контужен и по выздоровлении до конца вой-

¹ *Агент МУРа* — сотрудник Московского уголовного розыска.

² *Сценарный* — факультет, на котором обучают написанию литературных произведений (сценариев) для создания кинофильмов.

ны работал военным корреспондентом газеты «Труд»...

С тех пор у меня вышло довольно много книг, это сборники рассказов «Зимний дуб», «Зерно жизни», «Скалистый порог», «Человек и дорога», «Перед праздником», «Ранней весной», «Друзья мои, люди», «Погоня», «Зеленая птица с красной головой», «Далекое и близкое», «Не дай ему погибнуть», повести «Павлик», «Далеко от войны», «Страницы жизни Трубникова» и др.

Последние годы я много работаю для кино... Есть у меня и фильмы для детей: «Братья Комаровы», «Цветные сны», «Девочка и эхо».

Я почти никогда не писал специально для детей, и вместе с тем ряд моих книг был издан Детгизом¹: сборники «Мальчики» и «На озере Великом», повести «Трудное счастье» и «Бемби», последняя написана «вдоль», а иногда и «поперек» известной лесной сказки австрийского писателя Феликса Зальтена. Выходит, что некоторые мои произведения представляют интерес для детей школьного возраста...

О своем чистопрудном детстве, о большом доме, выходявшем на три переулочка, я рассказал в цикле «Чистые пруды». И коммунальную квартиру тех лет, населенную хорошими людьми, я, как мог, «воспел» в цикле «Митя». Мои рассказы и повести — и есть настоящая моя автобиография, куда более подлинная, чем эти беглые записи.

Ю. Нагибин

Вопросы и задание:

1. Какие повести и рассказы Ю. Нагибина вы читали? Какие кинофильмы по сценариям писателя вы смотрели?
2. Подготовьте рассказ о писателе.

¹ Детгиз — Детское государственное издательство.

Мы жили в одном подъезде, но не знали друг друга. Далеко не все ребята нашего дома принадлежали к дворовой вольнице. Иные родители, оберегая своих чад от тлетворного влияния двора, отправляли их гулять в чинный сад при Лазаревском институте или в церковный садик, где старые лапчатые клены осеняли гробницу бояр Матвеевых.

Там, изнывая от скуки под надзором дряхлых богомольных нянек, дети украдкой постигали тайны, о которых двор вещал во весь голос. Боязливо и жадно разбирали они наскальные письма на стенах боярской гробницы и пьедестале памятника действительному статскому советнику Лазареву. Мой будущий друг не по своей вине делил участь этих жалких тепличных детей.

Все ребята Армянского и прилегающих к нему переулков учились в двух рядом расположенных школах, по другую сторону Покровки. Одна находилась в Старосадском, другая — в Спасоглинищевском переулке. Мне не повезло. В год моего поступления наплыв оказался столь велик, что эти школы не смогли принять всех желающих. С группой наших ребят я угодил в очень далекую от дома 40-ю школу в Лобковском переулке, за Чистыми прудами.

Мы сразу поняли, что нам придется солоно. Здесь царили чистопрудные, а мы считались чужаками, непрошеными пришельцами, хотя со временем школа всех переварит в своем котле и все станут равны и едины под школьным стягом. Поначалу здоровый инстинкт самосохранения заставлял нас держаться тесной группой. Мы объединялись на переменах, гуртом ходили в школу и гуртом возвращались домой. Самым опасным был переход через бульвар, здесь мы держали воинский строй. Достигнув устья Теле-

графного переулка, несколько расслаблялись, а за Потаповским, чувствуя себя в полной безопасности, начинали дурачиться, орать песни, бороться, а с наступлением зимы завязывать лихие снежные баталии.

В Телеграфном я и заметил впервые этого длинного, тонкого, бледно-веснушчатого мальчика с большими серо-голубыми глазами в поллица. Стоя в сторонке и наклонив голову к плечу, он с тихим, независтливым восхищением наблюдал наши молодецкие забавы. Он чуть вздрагивал, когда пущенный дружеской, но чуждой снисхождения рукой снежок залеплял чей-то рот или глаз, скупно улыбался особо залихватским выходкам, слабый румянец скованного возбуждения окрашивал его щеки. И в такой момент я поймал себя на том, что слишком громко кричу, преувеличенно жестикулирую и симулирую неуместное, не по игре бесстрашие. Я понял, что выставляюсь перед незнакомым мальчиком, и возненавидел его. Чего он трется возле нас? Какого черта ему надо? Уж не подослан ли он нашими врагами?.. Но когда я высказал ребятам свои подозрения, меня подняли на смех.

— Белены объелся? Да он же из нашего дома!..

Оказалось, мальчик живет в одном подъезде со мной, этажом ниже, и учится в нашей школе, в параллельном классе. Удивительно, что мы никогда не встречались! Я сразу изменил свое отношение к сероглазому мальчику. Его мнимая настырность обернулась тонкой деликатностью: он имел право водить компанию с нами, но не хотел навязываться, терпеливо ожидая, когда его позвут. И я взял это на себя.

Во время очередной снежной битвы я стал швырять в него снежками. Первый снежок, угодивший ему в плечо, смутил и вроде бы огорчил мальчика, следующий вызвал нерешительную

улыбку на его лице, и лишь после третьего поверил он в чудо своего причастия и, захватив горсть снега, пустил в меня ответный снаряд. Когда схватка кончилась, я спросил его:

— Ты под нами живешь?

— Да, — сказал мальчик. — Наши окна выходят в Телеграфный.

— Значит, ты под тетей Катей живешь? У вас одна комната?

— Две. Вторая темная.

— У нас тоже. Только светлая выходит на помойку. — После этих светских подробностей я решил представиться. — Меня зовут Юра, а тебя?

И мальчик сказал:

— Павлик.

Сколько было потом знакомств, сколько звучало в моих ушах имен, ничто не сравнится с тем мгновением, когда в заснеженном московском переулке долговязый мальчик негромко назвал себя: Павлик.

Каким же запасом индивидуальности обладал этот мальчик, затем юноша — взрослым ему не довелось стать, — если сумел так прочно войти в душу другого человека, отнюдь не пленника прошлого при всей любви к своему детству. Слов нет, я из тех, кто охотно вызывает духов былого, но живу я не во мгле минувшего, а на жестком свете настоящего, и Павлик для меня не воспоминание, а соучастник моей жизни. Порой чувство длящегося во мне его существования настолько сильно, что я начинаю верить: если твое вещество вошло в вещество того, кто будет жить после тебя, значит, ты не умрешь весь. Пусть это и не бессмертие, но все-таки победа над смертью.

Я знаю, что еще не могу написать о Павлике по-настоящему. И неизвестно, смогу ли когда-нибудь. Мне очень многое непонятно — ну хотя бы, что значит в символике бытия смерть двадцатилетних. И все же он должен быть в этой

книге, без него, говоря словами Андрея Платонова, народ моего детства неполон.

Поначалу наше знакомство больше значило для Павлика, нежели для меня. Я уже был искушен в дружбе. Помимо рядовых и добрых друзей, у меня имелся закадычный друг, чернявый, густоволосый, подстриженный под девочку Митя Гребенников. Наша с ним дружба началась еще в нежном возрасте четырех лет.

Митя был жителем нашего дома, но с год назад его родители поменяли квартиру. Митя оказался по соседству в большом шестиэтажном доме, на углу Сверчкова и Потаповского, и ужасно заважничал. Дом был, правда, хоть куда, с роскошными парадными, тяжелыми дверями и просторным плавным лифтом. Митя не уставал хвастаться своим домом: «Когда глядишь на Москву с шестого этажа...», «Не понимаю, как люди обходятся без лифта...» Я деликатно напомнил, что совсем недавно он жил в нашем доме и прекрасно обходился без лифта. Глядя на меня влажными темными глазами, похожими, если верить взрослым, на чернослив, Митя брезгливо сказал, что это время кажется ему страшным сном. За такое следовало набить морду. Но Митя не только внешне походил на девчонку — слабодушный, чувствительный, слезливый, хотя и способный к истерическим вспышкам ярости, — на него рука не подымалась. И все-таки я ему всыпал. С истошным ревом он схватил фруктовый нож и попытался зарезать меня. Впрочем, по-женски отходчивый, он чуть ли не на другой день полез мириться. «Наша дружба больше нас самих, мы не имеем права терять ее» — вот какие фразы и еще похлестче уже тогда умел он загибать. Отец у него был адвокатом, и Митя унаследовал дар велеречия.

Наша драгоценная дружба едва не рухнула в первый же школьный день. Мы попали в одну

школу, и наши матери позаботились усадить нас за одну парту. Когда выбирали классное самоуправление, Митя предложил меня в санитары. А я не назвал его имени, когда выдвигались кандидатуры на другие общественные посты.

Сам не знаю, почему я не сделал этого, то ли от растерянности, то ли мне показалось неудобным называть его, после того как он выкрикнул мое имя. Митя не выказал ни малейшей обиды, но его благодущие рухнуло в ту минуту, когда большинством голосов я был выбран санитаром. В мои обязанности входило носить нарукавный красный крест и осматривать перед уроками руки и шеи учеников, отмечая грязнужь крестиками в тетрадке. Получивший три крестика должен был или вымыться, или привести в школу родителей. Казалось бы, ничего особенно заманчивого в этой должности не было, но у Мити словно помутился разум от зависти. Не один вечер после злополучных выборов он звонил ко мне домой по телефону и голосом, полным ядовитого сарказма, требовал «товарища санитаря». Я подходил. «Товарищ санитар?» — «Да!» — «А, черт бадянский!» — кричал он и швырял трубку. Лишь от большой злобы можно придумать какого-то «черта бадянского»; я так и не выяснил, что это — фамилия нечистого или какое-то загадочное и отвратительное его свойство.

Митина вздорность, перепады настроений, чувствительные разговоры, всегдашняя готовность к ссоре, хотя бы ради сладости примирения, стали казаться мне непрременной принадлежностью дружбы. Сблизившись с Павликом, я долго не понимал, что нашел иную, настоящую дружбу. Мне казалось, что я просто покровительствую робкому чужаку. Поначалу так оно в известной мере и было. Павлик сравнительно недавно переехал в наш дом и ни с кем не свел приятельства, да и — я уже говорил об этом — он был из тех несчастных ребя-

тишек, которых выгуливали в Лазаревском и церковных садах.

Этой строгостью исчерпалась до дна родительская забота о Павлике. В последующие годы я никогда не видел, чтобы Павлику что-либо запрещалось или навязывалось. Он пользовался полной самостоятельностью. Родительской опеке он предоставил своего младшего брата, а себя воспитывал сам. Я вовсе не шучу, так оно было на самом деле. Павлика любили в семье, и он любил родителей, но отказывал им в праве распоряжаться собой, своими интересами, порядком дня, знакомствами, привязанностями и перемещением в пространстве. И тут он был гораздо свободнее меня, опутанного домашними табу. Тем не менее первую скрипку в наших отношениях играл я. И не только потому, что был местным старожилом. Мое преимущество заключалось в том, что я не догадывался о нашей дружбе. По-прежнему я считал своим лучшим другом Митю Гребенникова. Даже удивительно, как ловко заставлял он меня играть в спектакле под названием «Святая дружба». Ему нравилось ходить со мной в обнимку по школьным коридорам и фотографироваться вместе на Чистых прудах. Я смутно подозревал, что Митя выгадывает на этом какие-то малости в школе: что там ни говори — ему льстила дружба с «товарищем санитаром», а под прицелом чистопрудного «пушкаря» он наслаждался превосходством своей тонкой девичьей красоты над моей скуластой, широконосой заурядностью. Пока фотограф колдовал под черной тряпкой, чистопрудные кумушки наперебой восторгались Митиными глазами — «черносливом», прической с противным названием «бубикопф» и кокетливым черным бантом на груди. «Девочка, ну просто девочка!» — захлебывались они, и ему, дураку, это льстило!

Ко всему еще он оказался ябедой. Однажды классная руководительница велела мне остаться после занятий и учинила грандиозный разнос за игру в деньги. Лишь раз в жизни, еще в дошкольное время, играл я в расшибалку, быстро продул семь копеек наличными и еще рубль в долг. Поверив чистосердечному раскаянию, дед помог мне вернуть долг чести, на том и кончилось мое знакомство с азартными играми.

Прижатый в угол, Митя сознался в доносе. Он оговорил меня, для моей же пользы, боясь, что дурные склонности вновь пробудятся во мне и погубят мою столь счастливо начавшуюся карьеру — он имел в виду пост санитаря. А затем со слезами Митя требовал вернуть ему былое доверие ради святой дружбы, что «больше нас самих», и пытался вlepить мне иудин поцелуй. Все это выглядело фальшиво, скверно, непорядочно, тем не менее я еще года два, если не больше, участвовал в недостойном фарсе, пока вдруг не понял, что у настоящей дружбы совсем иной адрес. Митя все же был привязан ко мне и тяжело переживал разрыв...

И вот настал в моей жизни Павлик. И у дворовых и у школьных ребят навсегда засело в памяти, что в нашей паре я был ведущим, а Павлик ведомым. Недоброжелатели считали, что Павлик какой-то принудительный ассортимент ко мне. Это осталось с той поры, когда я «вводил Павлика в свет» — сперва во дворе, потом в школе — он перешел в наш класс и вновь оказался на положении чужака. И тут действительно дело было поставлено строго: меня нельзя было пригласить на день рождения, Новый год или другой праздник, не пригласив Павлика. Я покинул футбольную дворовую команду, где считался лучшим бомбардиром, когда Павлика отказались взять хотя бы запасным, и вернулся лишь вместе с ним. Так возникла иллюзия нашего не-

равенства, которую не могла рассеять вся последующая жизнь. Общественное мнение не склонно к перемене даже перед лицом очевидности.

На самом деле ни один из нас не зависел от другого, но душевное превосходство было на стороне Павлика. Его нравственный кодекс был строже и чище моего. Долгое приятельство с Митей не могло пройти бесследно: я привык к известному моральному соглашательству. Прощение предательства немногим отличается от самого предательства. Павлик не признавал сделок с совестью, тут он становился беспощаден. Нам было лет по четырнадцать, когда я на своей шкуре испытал, насколько непримиримым может быть мягкий, покладистый Павлик.

На уроках немецкого я чувствовал себя принцем. Мать не зря надрывалась над пишущей машинкой, выколачивая рубли для оплаты фрейлейн Шульц, омрачившей мои детские годы. В мою довольно тупую к языкам голову вошло столько немецких слов, стихов и грамматических правил, не говоря уже об «эхт берлинер аусспрахе», что все наши часто менявшиеся школьные немки души во мне не чаяли. И задержавшаяся дольше других Елена Францевна не являла собой исключения, хотя я никак не соответствовал ее идеалу ученика.

Елена Францевна требовала в классе не просто тишины и внимания, а молитвенной сосредоточенности, как в храме. Худущая, изжелта-серая, напоминающая лемура громадными темными подглазьями на изможденном, в кулачок, личике, она казалась умирающей от какой-то страшной болезни. Но она была совершенно здорова, никогда не пропускала уроков, даже во время эпидемий гриппа, валивших всех учителей подряд. Она могла наорать на ученика за рассеянный взгляд или случайную улыбку. Куда хуже крика были ее вьедливые нотации, она

словно кусала тебя обидными словами. Конечно, за глаза ее звали Крысой — в каждой школе есть своя Крыса, а худая, востренькая, злая Елена Францевна казалась специально созданной для этой клички. Была ли она на самом деле такой злой? У ребят не существовало двух мнений на этот счет. Мне же она представлялась несчастным, издерганным человеком. Но я-то был принцем! Она вызывала меня читать вслух, и маленькое некрасивое ее лицо молодо розовело, когда я выдавал на-горá свое «истинно берлинское произношение».

Но настал и мой черед. Елена Францевна никогда не спрашивала у меня уроков. Мы и так разговаривали с ней по-немецки, чего же еще надо? Вдруг ни с того ни с сего она вызвала меня к доске, будто самого рядового ученика. Как раз перед этим я пропустил несколько дней — то ли болел, то ли прогуливал — и понятия не имел о домашнем задании. Наверное, она все-таки была злючкой и вызвала меня нарочно, чтоб подловить. Но поначалу все шло хорошо. Я проспрягал какой-то глагол, отбарабанил предлоги, требующие дательного падежа, прочел по учебнику тошнотворно-назидательную историйку и пересказал с берлинским акцентом содержание.

— Прекрасно, — поджала узкие, бледные губы Елена Францевна. — Теперь стихотворение.

— Какое стихотворение?

— То, которое задано! — отчеканила она ледяным тоном.

— А вы разве задавали?

— Привык на уроках ворон считать! — удивительно, как легко она заводилась — с пол-оборота. — Здоровенный парень, а дисциплина...

— Да я же не был в школе! Я болел.

Она уставилась на меня окольцованными синевой лемурыми глазами и стала листать классный журнал. Пальцы ее дрожали.

— Совершенно верно, ты отсутствовал. А спросить у товарищей, что задано, мозгов не хватило?

Взял бы да и сказал: не хватило. Ну что она могла мне сделать? Поставить «неуд»? Едва ли. И тут я нашел выход. О домашних заданиях я спрашивал у Павлика, а он ни словом не обмолвился о стихотворении. Забыл, наверное. Я так и сказал Елене Францевне с легкой усмешкой, призывая и ее отнестись к случившемуся юмористически.

— Встань! — приказала Павлику немка. — Это правда?

Он молча наклонил голову. И я тут же понял, что это неправда. Как раз о немецком я его не спрашивал. О математике, русском, истории, биологии спрашивал, а готовить немецкие уроки я считал ниже своего достоинства.

Елена Францевна перенесла свой гнев на Павлика. Он слушал ее, по обыкновению, молча, не оправдываясь и не огрызаясь, словно все это нисколько его не касалось. Спустив пары, немка угомонилась и предложила мне прочесть любое стихотворение на выбор... Я рванул шиллеровскую «Перчатку» и заработал жирное «отлично».

Вот так все и обошлось. Ан, не обошлось! Когда, довольный и счастливый, я вернулся на свое место, Павлика не оказалось рядом. Исчезли его учебники, тетрадки, вставочка с пером «рондо». Я оглянулся, он сидел за пустой партой, через проход, позади меня.

— Ты чего это?..

Он не ответил. У него были какие-то странные глаза: красные и налитые влагой. Я никогда не видел Павлика плачущим. Даже после самых жестоких, неравных и неудачных драк, когда и самые сильные ребята плачут — не от боли, от обиды, — он не плакал. Он и сейчас не давал слезам пролиться, но, конечно же, он плакал.

— Брось! — сказал я. — Стоит ли из-за Крысы?

Он молчал и глядел мимо меня. Какое ему дело до Крысы, он и думать о ней забыл. Его предал друг. Спокойно, обыденно и публично, среди бела дня, ради грошовой выгоды предал человек, за которого он, не раздумывая, пошел бы в огонь и в воду.

Никому не хочется признаваться в собственной низости. Я стал уговаривать себя, что поступил правильно. Как ни крути, он все-таки подвел меня, пусть и невольно, и мне пришлось защищаться. Ну покричала на него немка, подумаешь, несчастье, она на всех кричит! Стоит ли вообще придавать значение подобной чепухе?.. И все же, окажись Павлик на моем месте, назвал бы он меня? Нет! Он скорее проглотил бы собственный язык. И вдруг каким-то холодком по хребту я понял, что это не пустые слова. Недавно я прочел книжку про Джордано Бруно «Псы Господни». Из всех людей, каких я знал, только Павлик мог бы, как Джордано Бруно... Ради своей правды... А ведь так оно и случилось: подобно Джордано, Павлик кончил жизнь в огне. Он мог спастись, для этого ему достаточно было всего лишь поднять руки...

Когда прозвучал звонок, я подавил желание броситься к нему, признавая тем самым свою вину и готовность принять кару.

Почти год держал он меня в отчуждении. Все мои попытки помириться так, «между прочим», успеха не имели. А возможности были — мы по-прежнему учились в одном классе, жили в одном подъезде, наши пути все время пересекались. Надо отдать должное чуткости класса: уважая нашу ссору, как раньше уважали дружбу, ребята деликатно охраняли нашу разобщенность, помогая избегать ложных положений, разных неловкостей.

Учителя и другие взрослые люди, не ведавшие о нашем разрыве, то и дело совершали невольные промахи, по привычке считая нас с Павликом неразлучниками. Будь то опыты на уроке химии, занятия в физическом кружке, воскресники, дежурства в учительской, нас обязательно зачисляли в одну группу, звено или пару. Ребята неприметно помогали нам разъединиться.

В глубине души я вовсе не испытывал к ним благодарности. Они мешали моему тайному стремлению помириться с Павликом невзначай. Но все равно выпадало немало случаев, когда при обоюдной доброй воле мы могли начать хотя бы суховатое общение, чтобы затем без выяснения отношений и всякой «достоевщины», столь любезной Мите Гребенникову, вернуться к прежней дружбе. Ничего не получалось — Павлик не хотел этого. Не только потому, что презирал всякие обходные пути, мелкие уловки и хитрости, все скользкое, уклончивое, двусмысленное — прибежище слабых душ, но и потому, что ему не нужен был тот человек, каким я вдруг раскрылся на уроке немецкого.

Когда же через год я послал ему записку с просьбой о встрече, он без всяких церемоний сразу поднялся ко мне, как делал это прежде. С некоторым смущением я обнаружил, что не должен извиняться, ни даже словом касаться прошлого. Павлик не хотел, чтобы я нес ответственность за себя прежнего. Он понял, что во мне стала другая кровь, вот и пришел.

Поль Валери¹ сказал: «Писатель вознаграждает себя как умеет за какую-то несправедливость судьбы». Сейчас я вознаграждаю себя за несправедливость судьбы к Павлику. Когда мы недавно собирались в нашем старом дворе, я тщетно ждал, что наконец-то услышу о нем добрые и вы-

¹ Валери Поль (1871—1945) — французский поэт.

сокие слова. Вспоминали Ивана, вспоминали Арсенова, Толю Симакова, Борьку Соломатина, но хоть бы кто сказал о Павлике. Только письмо его родным отправили, но ведь это не более чем формальность, пусть и благородная...

Его не знали. Редкое душевное целомудрие заставляло его держать на запоре свой внутренний мир. Он не считал себя вправе навязывать людям свои мысли и соображения, взгляды и оценки, не говоря уже о сомнениях и надеждах. Посторонним людям он казался апатичным, вялым, безучастно пропускающим бытие мимо себя. Но я-то знаю, как мощно заряжен на жизнь был Павлик, каким сильным, страстным, целенаправленным характером он обладал. Ему так и не пришлось выйти на суд людской. Все, что в нем развивалось, зрело, строилось, не успело обрести форму...

Природа у дружбы иная, чем у любви. Легко любить ни за что, и очень трудно — за что-нибудь. Дружба не столь безотчетное чувство, хотя и в ней есть своя мистика. Я знаю, что привлекало Павлика во мне и чем явился для меня он в начале наших отношений. Потом годы окутали нас таким добрым теплом, что не осталось места головному рассуждению.

Павлик был мальчик «умственный». Из всех литературных героев он больше всего походил на Джуда Незаметного¹ с его неодолимой тягой к образованию, книгам, с вечным интеллектуальным голодом. В своей семье Павлик не имел питательной среды. Его отец был часовщиком, с постоянно расширенным и слезящимся от лупы левым глазом. Кроме часов, его ничего на свете не интересовало. Это только в сказках часовщик овеян дыханием романтики и доброго чудаче-

¹ Джуд Незаметный — герой одноименного романа английского писателя Томаса Гарди (1840—1928).

ства. Считается, что причастность к таинственной стихии времени выделяет человека из обыденности. Отец Павлика ремонтировал секунды, минуты и часы, но сам жил вне времени, безразличным к его интересам, страстям и борениям. Правда, в иную добрую минуту он с удовольствием вспоминал, что смотрел однажды замечательный спектакль «Коварский и любовь». У Павлика мертвело лицо, когда отец посягал на подобного рода разговоры.

Его мать производила впечатление женщины, не ведавшей, что изобретено книгопечатание. И это казалось тем более странным, что ее братья были крупными учеными: химик и биолог. Она не поддерживала с ними родственных отношений, а может, они с ней. Мать Павлика явилась в мир, так и не очнувшись до конца от темного сна предбытия: тихий голос, отсутствующий взгляд, замедленные жесты, неконтактность с окружающими. Она свела свою жизнь к минимуму забот. Павлик сделал все от него зависящее, чтобы не попасть в этот малый круг, уступив младшему брату скупое материнское внимание. Но и на нее иной раз находило: она подвигала к пианино вращающуюся табуретку и слабо беспокоила клавиши вялыми пальцами, закрыв глаза бледными, тонкими веками, похожими на птичью пленку. Лицо Павлика мертвело, как и во время культурных диверсий отца.

В нашей семье все думали. Быть может, больше, чем надо. У нас существовал культ книг: дед собирал научную библиотеку, отец — техническую, мы с матерью — художественную литературу и мемуары. О литературе говорили все время, пренебрегая известным утверждением, что литературой можно заниматься, но Боже упаси о ней говорить. И конечно, вскормленный такой средой, я был очень книжным мальчиком. Зловещему обаянию двора и акуловской дачи я обя-

зан тем, что не стал книжным червем. Павлику наша настроенность на культуру была необходима как воздух.

Мне же общение с ним давало нечто большее. Он был не только Атосом наших детских игр в мушкетеры, он обладал характером Атоса: безупречным и благородным всегда и во всем, вопреки всему.

С каждым годом мы становились все ближе и дороже друг другу. На пороге юности нас поразил общий недуг — невыясненность наших устремлений. Вопрос, кем быть, возник в наших душах куда раньше, нежели его продиктовала жизненная необходимость. Мы оба хотели играть, а не присутствовать безмолвными статистами на сцене жизни. Иные ребята, одаренные Богом, уже знали свой путь. Математика сама нашла Славу Зубкова, музыка — Тольку Симакова, живопись — Сережу Лепковского, спорт — Арсенова. Другие ребята, не подчиненные рано проснувшемуся дару, знали хотя бы примерное направление своего будущего: техника, медицина, педагогика, строительство. Многие наши сверстники, не мучась понапрасну, жили изо дня в день: школа, футбол, кино, девочки, а там видно будет.

Мы не могли принять такую ползучую жизнь. Неизвестность томила нас. Мы оба хорошо и ровно учились по всем предметам, но у нас не было ведущей страсти; чтение — страсть пассивная, нельзя стать просто читателем, так же как и театральным зрителем или посетителем музеев. У нас не было и ярко выраженных способностей, нас интересовало все. Теперь я понимаю, что мы уже тогда числились по ведомству Аполлона, а не иных серьезных богов, но сами мы охотнее посещали лекции академиков Лазарева и Вавилова, чем спектакли и концерты. Мы искали себя. Застрельщиком поисков был Павлик. Это его осенило, что мы должны варить гуталин. Знаме-

нитый дядя-химик начинал с варки гуталина и однажды сварил такой замечательный гуталин, что сразу вошел в славу. Нам такого гуталина сварить не удалось, хотя мы продушили всю квартиру вьедливым запахом ваксы. Чтобы жильцы не ругались, мы всем чистили ботинки, а Фоме Зубцову — сапоги. Отец, смеясь, говорил, что так начинал не Лавуазье¹, а Рокфеллер². Но из нас даже рокфеллеров не вышло. Наш гуталин не давал блеска, хотя здорово пачкался, и Фома Зубцов всякий раз «перечищал» свои хромовые сапоги у айсоров на углу Кривоколенного переулка.

Затем мы пытались создать красную тушь. Жидкость оставляла несмываемые пятна на руках, одежде, стенах и грязно-белой шерсти моего пса Джека, но, нанесенная пером на бумагу, обнаруживала непонятную водянистость. Строки бледнели, таяли, и мы уже готовы были поверить, что ненароком создали «симпатическую тушь», но ядовитый цвет не исчезал совсем.

Блистательный пример дяди-химика заставлял нас упорно цепляться за чуждую нам науку. Мы беспощадно били пробирки, переводили химикалии, колбы лопались над спиртовкой как бомбы, вызывая панику среди соседей, и наконец у Павлика достало мужества сказать: «Хватит добывать стекло из пробирок!» На химии был поставлен крест.

Пришел черед физики, науки будущего. Мы изнуряли себя на лекциях знаменитых ученых, пытались постигнуть теорию относительности, для бодрости повесив на стенке портрет Альберта Эйнштейна³, спорили о квантовой теории, не по-

¹ Лавуазье А. (1743—1794) — выдающийся французский физик.

² Рокфеллер — династия крупнейших финансовых магнатов США. Основатель — Рокфеллер Джон (1839—1937).

³ Эйнштейн Альберт (1879—1955) — выдающийся физик-теоретик, создатель теории относительности.

нимая в ней ни шиша, ломали головы над книгами... Эддингтона, Брэгга¹, но едва справлялись даже со школьной физикой, потому что оба были бездарны в математике. Нас выручил... Пастернак. В «Охранной грамоте» я прочел о муках будущего поэта, мечтавшего стать композитором, но не обладавшего абсолютным слухом. Он отказался от музыки, узнав, что его кумир, гениальный Скрябин², скрывает как нечто постыдное несовершенство своего слуха. Павлик не сразу понял, куда я гну, и мне пришлось пояснить: «Для современного физика математика все равно что абсолютный слух для композитора».

— Правильно! — сказал он и оборвал провода на мостике Уитстона³, который начинал собирать. — К черту! — А потом добавил задумчиво: — А все-таки Скрябин стал Скрябиным и без абсолютного слуха.

Но Скрябин не мог без музыки, а Пастернак мог и отступился. Мы тоже могли без физики...

Миновала, поглотив уйму времени и сил, но не захватив душу, география с картами, атласами, глобусами, с книгами о Ливингстоне, Стэнли, Миклухо-Маклае и Пржевальском⁴, с новыми странствиями по Москве, но теперь уже для того, чтобы всему узнать имя; ботаника с гербариями, с тонким, волнующим ароматом засушенных цветов, трав, листьев, с приобретением в складчину слабенького микроскопа; электротехника, отмеченная серией коротких замыканий и одним серьезным пожаром, — была красная машина, и тревожный звон колокола, и сперва

¹ Эддингтон А.-С. (1882—1944), Брэгг Г. (1862—1942) — английские физики.

² Скрябин А. Н. (1871—1915) — выдающийся русский композитор и пианист.

³ Уитстон Ч. (1802—1875) — английский физик и изобретатель.

⁴ Ливингстон Д. (1813—1874), Стэнли Г. (1841—1904), Миклухо-Маклай Н. Н. (1846—1888), Пржевальский Н. М. (1839—1888) — знаменитые путешественники и ученые.

плоское, затем по-удавьи округлившееся, долгое тело шланга, и бравые, расторопные пожарные в сияющих золотых касках...

Наш отдых от трудов праведных был не менее изнурителен и целенаправлен. «Перерыв!» — объявлял Павлик и ставил на нос кий от настольного бильярда, или стул, или половую щетку, или цветок, если дело происходило летом. Я немедленно следовал его примеру.

Мы увлеклись балансированием, посмотрев в мюзик-холле номер австрийского гастролера, мага и волшебника. Он балансировал на слабо натянутом канате, держа на кончике раскляпанного носа полутораметровый стальной штырь с подносом, на котором стояли кипящий самовар и чайный сервиз. «Этому можно научиться», — задумчиво сказал Павлик, заставив меня поежиться.

Я хорошо знал, что у Павлика слово не расходится с делом. Знал боками и легким сотрясением мозга. Когда награждали первых девушек-парашютисток, Павлик решил, что ради поддержания мужской чести мы тоже должны совершить прыжок с двумя зонтиками из окна его кухни во двор. Хорошо еще, что мужская честь удовлетворялась прыжком из его кухни, а не из моей, находившейся этажом выше.

Мы раздобыли зонтики и кинули жребий, кому прыгать первым. Выпало мне. Я не особенно волновался: несколько пробных прыжков с платяного шкафа убедили нас, что зонтики держат не хуже парашюта. Я влез на подоконник, затем стал на карниз. Внизу подо мной светлела полоска асфальта, дальше двор был вымощен булыжником. Я видел круглые картузы возчиков, плешь дворника Валида, макушки играющих в «классы» девчонок, спины лошадей. И я шагнул туда, к ним, вниз. На мгновение показалось, что плотная струя воздуха подхватила меня, вслед за

Худ. И. Пчелко. «Мой первый друг, мой друг бесценный...»

тем двор со всем, что его населяло, подскочил вверх и ударил меня в пятки. Что-то взболтнулось в голове, и я потерял сознание.

Вокруг меня хлопотали люди, когда сверху примчался Павлик. Поразив всех своим чудовищным бессердечием, он даже не глянул на поверженного друга, схватил зонтики и, убедившись, что они не пострадали, пульей взлетел наверх. Через секунду он распластался рядом со мной, его приземление оказалось удачнее, он отделался потерей половинки переднего зуба...

Поэтому не стоило рассчитывать, что балансирование, когда им занимаешься на пару с Павликом, — невинная забава. Вот как все это выглядело в ту пору, когда после долгих беспощадных тренировок мы сравнялись с австрийским виртуозом.

По команде мы разом вскидываем на нос, лоб или подбородок какой-нибудь предмет. Миг-другой, обретен центр равновесия — и предмет застывает в совершенной неподвижности. Проходят десять, пятнадцать, двадцать минут, полчаса. Голова, откинутаая назад, затекает, пора кончать, но никому не хочется сдаваться.

Приходит из города мать с покупками. Мы здороваемся, не меняя позы. Мать идет в темную комнату, переодевается там, достает коробку с работой, что-то штопает, подшивает, тихонько напевая про себя. Затем прячет коробку в шкаф, выходит и застает нас в той же позе.

— Какой кошмар! — больным голосом говорит мать и идет на кухню.

Через некоторое время возвращается с кофейником в руке — ничего не изменилось.

— Господи! Вы посмотрели бы на себя со стороны — законченные идиоты!.. Вас же удар хватит!..

Мать не далека от истины: в затылке тяжесть, видно, вся кровь скопилась там. Пробую заговорить Павлику зубы: уроки, мол, не сделаны, надо прочесть пьесу Жироду «Троянской войны не будет», которую мне дали на один вечер, — ни ответа, ни привета. Проходит еще минут двадцать. Смерть начинает казаться избавлением, но я еще цепляюсь за жизнь.

— Давай так, — предлагаю я, — считаем до трех — и все!

— Как хочешь, — равнодушно отзывается Павлик.

— Раз, два, три!

Мы враз обретаем свободу, Павлик никогда не мешкает, он не нуждается в такой мелкой победе, но ему хочется, чтобы я тоже научился терпению...

Поиски своего лица продолжались... Между тем я начал писать рассказы, а Павлик — пробовать силы на подмостках любительской сцены, но почему-то в этих своих занятиях мы уже не стремились к объединению. Я не предлагал Павлику соавторство, а он не уговаривал меня стать его партнером. Наверное, потому, что тут каждый столкнулся со своей судьбой, с единственным делом, которому должен был служить. Но мы даже самим себе не признавались, что выбор сделан. Мы обманывали себя так искренне, что по окончании школы оба подали заявление в медицинский институт — обычное прибежище тех, кто не ладит с математикой и не верит в себя на гуманитарном поприще. Лишь убедившись в тщете своего жестокого благоразумия, лишённые в непосильной зубрежке возможности заниматься тем, без чего жизнь нам была не в жизнь, мы среди года ринулись на вновь открывшиеся факультеты киноинститута. Я с грехом пополам поступил на сценарный. Павлик провалился на режиссерском. Зато через полгода он блестяще сдал экзамены сразу в три института: в ГИТИС, куда и пошел, в тот же ВГИК, чтоб доказать себе и другим, что может туда поступить, и для спокойствия родителей в историко-архивный. «Что ж, — рассуждал его отец, — Павлик не стал врачом, но, может быть, я увижу его в постановке „Коварский и любовь“».

Он этого не дождался. В первый день войны ребята Армянского переуллка явились в военкомат. Нас с Толей Симаковым забраковали — поначалу война была разборчивой. Павлику повезло. В сентябре я получил от него кое-как

нацарапанную открытку: «Эти мерзавцы здорово бомбят, но ничего — живем».

А жить ему оставалось совсем немного. Он погиб под Сухиничами. Немцы предлагали советским солдатам, захваченным врасплох в здании сельсовета, сохранить им жизнь, если они положат оружие на деревянный, изрешеченный пулями пол и выйдут по одному с поднятыми руками. Но вот этого-то как раз и не могли сделать бойцы поредевшего отделения, которым командовал Павлик. Потеряв многих своих людей, немцы подожгли сельсовет, но из пламени и дыма еще раздавались выстрелы. Ни один человек не вышел. Так рассказывали местные жители, когда вернулись наши. К тому времени от всей деревни остались лишь зола да угли.

...Четверть века прошло с окончания войны, прожита лучшая, главная часть жизни, а мне до сих пор то чаще, то реже каждый год снится Павлик. Сон — счастливый художник, ему не нужно заботиться о цельности сюжетной ткани, о правдоподобии, достоверности, мотивировках, он владеет тайной, заставляющей безотчетно верить ему, прощать нескладицу и даже явную нелепость. Мне всегда снится одно и то же, разнятся лишь второстепенные подробности, улетучивающиеся по пробуждении и ничего не меняющие в существе сна: Павлик жив и вернулся. Непонятно, где он был все эти годы, почему не давал о себе знать. Во всяком случае, тут нет ничего зазорного для него. Подразумевается долгая утрата памяти, летаргия забывшей себя личности — сон пренебрегает точным объяснением. Довольно того, что Павлик жив и вернулся. И хотя меня тревожит и томит невнятность судьбы чудом воскресшего, все меркнет перед громадным счастьем — Павлик жив, жив!.. А затем начинается нечто смутное и безмерно печальное. Павлик

не идет ко мне. Я ему не нужен. Возле него как-то дискретно реет его молчаливая мать, равно призрачная и во сне и в жизни, и все же более необходимая вернувшемуся Павлику, чем я, единственный друг; их осеняет какая-то общая забота, которую мне не дано разделить. Но ведь должны мы отговориться, отплакаться за все эти годы. Неужели Павлик не понимает этого, неужели он совсем забыл меня? Нет, он все понимает и ничего не забыл. Он сознательно не идет ко мне, исключает меня из своего нового бытия. За что? Я ни в чем не виноват перед ним, я не сделал ничего плохого, ему не в чем упрекнуть меня. Во сне я объясняю все это кому-то: то ли его матери в тщетной надежде, что она поможет мне, то ли самому Павлику, но не вслух, а на не слышном наяву языке. Но он-то слышит меня и не отзывается. Вдруг он возникает совсем рядом со мной, холодно кивает и молча проходит мимо.

Я просыпаюсь с мокрым лицом и долго думаю об этом сне, испытывая острую душевную боль. Я перебираю свою жизнь, поступки, отношения с людьми, все наработанное и не нахожу за собой вины, заслуживающей такого наказания. Но, может быть, там, откуда пришел Павлик, иные мерки, быть может, мы сами некогда иначе мерили себя?..

Минувшим летом грибная страсть занесла меня на край Калужской области. Приятель, купивший там за бесценок брошенный дом в полупустой деревне, обещал мне настоящий грибной рай. Как полагается новоселу, он плохо знал дорогу, и мы долго плутали по каким-то новым шоссе и старым проселкам. И однажды мелькнула, царапнув по сердцу, надпись на дорожном указателе: «До Сухиничей...» — я не разобрал, сколько километров. Наконец мы оказались в молодом смешанном леске — березы, осины, не-

высокие елочки, и приятель неуверенно, будто советуясь, сказал: «Кажется, здесь...»

Может, мы и не туда приехали, но после искоженных, с примятой, а то и вовсе вытоптанной травой редких подмосковных лесов тут нам и впрямь привиделся рай... Грибы попадались разные и все больше не особо ценные: сыроежки, моховики, лисички, но случались и подберезовики, и даже белые. И какой-то особый был этот лесок: чистый, нехоженный, неломаный, просквоженный солнцем, без паутины и прилипчивых мух. По нему легко ходилось: ни чащобы, ни валежника, ни потных, вязких мест, где нога вдруг по колено проваливается в торф, — никаких подвохов не таил молодой, приветливый реднячок. Может, потому я почувствовал скорее обиду, нежели боль, напорвшись на что-то острое, скрытое в траве. Инстинктивно я рванулся вперед и чудом удержал равновесие: мои ноги запутались в колючей проволоке. Я увидел свой капкан, на миг приподняв его над травой. Приятель поспешил мне на помощь. Вдвоем мы освободили мои матерчатые туфли и брючины от шипов, а затем извлекли на свет Божий тяжелый моток колючей проволоки, той самой, без которой немислим передний край.

Она лежала у наших ног, частью сухая и красно-рыжая, частью мокрая, черная, в налете какой-то плесени, безобразная, давно мертвая, но еще способная ужалить...

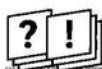
Я никак не был настроен на встречу с войной. Молодой лес вырос там, где некогда были землянки, окопы, ходы сообщений, пулеметные гнезда, колючая проволока, минные поля и погорелья деревень.

И тут-то меня нагнала и пронзила стрела дорожного знака: «До Сухиничей...» Вот на этой земле, где-то поблизости, а может быть, прямо здесь Павлик доживал свою короткую жизнь.

Почему-то мне впервые представилось, что в окруженном неприятелем сельсовете творилась не смерть, а последняя жизнь Павлика. Пока все не стало огнем, он жил жизнью мысли и всех чувств, памяти, слов и маленьких желаний: попить воды, покурить, утереть пот со лба. Он жил и, как всякий живой, обладал своим прошлым, ему являлись лица людей, которых он успел полюбить, и лица тех, кого он не успел возненавидеть; фоном им служили бульвары, переулки, театральные залы, аудитории, казармы. И что-то он задерживал, оставлял с собой, что-то отмахивал как ненужное, мешающее...

И уж в который раз пришло ко мне: если мерить мою жизнь последним поступком Павлика, разве могу я считать, что ни в чем не виноват? Нет. Виноват во многом: в том, что не отдал своей жизни за друга, не спас, не защитил миллионы погибших, виноват в тюрьмах и лагерях, в убийствах президентов и проповедников, в том, что в мире не затихают выстрелы, не затухают пожарища, гибнут дети и не счесть обездоленных...

Каждый погибший откупает у гибели другого. Павлик дал себя сжечь, чтобы жил я. А я плохо распорядился его подарком. Надо все время помнить о подвиге ушедших; быть может, тогда исчезнет зло и исполнится самая заветная человеческая мечта — вернуть к жизни погибших...

Вопросы и задания:

1. Какое впечатление произвел Павлик на рассказчика, когда он впервые увидел его? Опишите его портрет.
2. «Нам было лет по четырнадцать, когда я на своей шкуре испытал, каким непримиримым может быть мягкий, покладистый Павлик». Из-за чего возник конфликт между друзьями? Как он их характеризует? Почему через год возобновилась их дружба?
3. «...Ни один из нас не зависел от другого, но душевное превосходство было на стороне Павлика». Что такое

«душевное превосходство»? Какое основание имел рассказчик так сказать о своем друге? Докажите это на конкретном примере.

4. «Я знаю, что привлекло Павлика во мне и чем явился для меня он в начале наших отношений».

Найдите и прочитайте в рассказе ответы на эти вопросы.

5. Как осуществлялись друзьями «поиски своего лица»? Сопоставьте эти факты с биографией писателя. Чем они дополняют друг друга?
6. Как погиб Павлик? Как рассказчик связывает смерть Павлика со всей его жизнью?
7. «Если мерить мою жизнь последним поступком Павлика, разве могу я считать, что ни в чем не виноват? Нет. Виноват». О какой вине говорит писатель? Как вы понимаете смысл этих слов?
8. Вспомните стихотворение А. С. Пушкина, начинающееся строчкой: «Мой первый друг, мой друг бесценный». Кому оно посвящено? Как вы думаете, почему Ю. Нагибин так же назвал свой рассказ?
9. Как связан рассказ Ю. Нагибина с нашим временем? Какие чувства волновали вас при его чтении?

Самостоятельная работа

Напишите рассказ о своем друге.

Будьте внимательны к слову

1. Объясните слова и словосочетания с помощью словарей. Постарайтесь использовать их в своих ответах:

«под школьным стягом» —

«снежные баталии» —

«велеречие» —

«летаргия» —

«индивидуальность» —

«фарс» —

«целомудрие» —

2. Как вы понимаете следующие выражения? К кому из героев они относятся: «душевное превосходство», «его нравственный кодекс был строже и чище моего», «привык к известному моральному соглашательству», «не признавал

сделок с совестью», «мы уже тогда числились по ведомству Аполлона»?

За страницами вашего учебника

(Внеклассное чтение)

В рассказе Ю. М. Нагибина есть строки: «Когда мы недавно собирались в нашем старом дворе... вспоминали Ивана, вспоминали Арсенова, Толю Симакова, Борьку Соломатина...» О судьбе этих и других ребят, с кем прошло детство писателя, вы можете прочесть в «Книге детства» Ю. М. Нагибина — это рассказы: «Дом № 7», «Иван», «Непобедимый Арсенов», «Ливень».

Виктор Петрович Астафьев

1924—2001

О ПИСАТЕЛЕ

Прочитайте и перескажите статью. Что нового вы узнали о писателе?

В. П. Астафьев — известный современный писатель. Большинство рассказов, написанных им для детей, вошло в сборник «Конь с розовой гривой».

«В этой книжке, — вспоминает писатель, — есть рассказ „Васюткино озеро“. Судьба его любопытна. В городе Игарке преподавал когда-то русский язык и литературу Игнатий Дмитриевич Рождественский, известный потом сибирский поэт... Он однажды предложил написать нам, пятиклассникам, о том, как прошло лето. А я летом заблудился в тайге, много дней провел один и вот об этом обо всем и написал. Сочине-

ние мое было напечатано в рукописном школьном журнале под названием „Жив“. Много лет спустя я вспомнил о нем, попробовал восстановить в памяти. Так вот и получилось „Васюткино озеро“ — мой первый рассказ для детей».

«КОНЬ С РОЗОВОЙ ГРИВОЙ»

Ответьте на вопросы:

1. «Бабушка еще долго поносила Левонтьиху, самого Левонтия, била себя руками по бедрам, плевалась, а я подсаживался к окну и с тоской глядел на соседний дом».

Чем было вызвано такое состояние рассказчика?

2. «Весною левонтьевское семейство ковыряло маленько землю вокруг дома, возводило изгородь из жердей, хворостин, старых досок. Но зимой все это постепенно исчезало в утробе русской печки, раскорячившейся посреди избы».

Какая художественная деталь дает представление о неустроенности семьи Левонтьевых?

3. Прочитайте отрывок от слов: «Попало и Саньке...» до слов: «...всю землянику раздавили». Выпишите глаголы. Подумайте, почему писателю потребовалось так много глаголов. Найдите к ним синонимы.
4. Почему из всей истории рассказчик особенно запомнил «того дивного коня с розовой гривой»? Чем особенно дорог ему этот подарок?
5. В чем, по-вашему, состоит главный смысл этого рассказа? Найдите в произведении нужные строки.

Самостоятельная работа

1. Передайте сюжет рассказа от лица Саньки Левонтьева или бабушки (на выбор).

Сюжет — событие или ряд событий, изображенных в произведении.

2. Подготовьте рассказ об одном дне из жизни главного героя. Предварительно подберите цитаты и продумайте план.

Прочитайте рассказ В. П. Астафьева «Белогрудка» и перескажите его сюжет.

БЕЛОГРУДКА

Деревня Вереино стоит на горе. Под горою два озера, и на берегу их, отголоском крупного села, уютится маленькая деревенька в три дома — Зуяты.

Между Зуятами и Вереино огромный крутой косогор, видный за много десятков верст темным горбатым островом. Весь этот косогор так зарос густолесьем, что люди почти и не суются туда. Да и как сунешься? Стоит отойти несколько шагов от клеверного поля, которое на горе, — и сразу покатишься кубарем вниз, ухнешь в накрест лежащий валежник, затянутый мхом, бузиною и малинником.

Глухо на косогоре, сыро и сумеречно. Еловая и пихтовая крепь надежно хоронит от худого глаза и загребущих рук жильцов своих — птиц, барсуков, белок, горностаев. Держатся здесь рябчик и глухарь, очень хитрый и осторожный.

А однажды поселилась в чащобе косогора, пожалуй, одна из самых скрытных зверушек — белогрудая куница. Два или три лета прожила она в одиночестве, изредка появляясь на опушке. Белогрудка вздрагивала чуткими ноздрями, ловила противные запахи деревни и, если приближался человек, пулей вонзалась в лесную глухомань.

На третье или четвертое лето Белогрудка родила котят, маленьких, как бобовые стручки. Мать грела их своим теплом, облизывала каждого до блеска и, когда котята чуть подросли, стала добывать для них еду. Она очень хорошо знала этот косогор. Кроме того, была она старательная мать и в досталь снабжала едой котят.

Но как-то Белогородку выследили верейские мальчишки, спустились за нею по косогору, притаились. Белогородка долго петляла по лесу, махая с дерева на дерево, потом решила, что люди уже ушли — они ведь часто мимо косогора проходят, — вернулась к гнезду.

За ней следило несколько человеческих глаз. Белогородка не почувствовала их, потому что вся трепетала, прильнув к котяткам, и ни на что не могла обращать внимания. Белогородка лизнула каждого из детенышей в мордочку: дескать, я сейчас, мигом, — и вымахнула из гнезда.

Корм добывать становилось день ото дня трудней и трудней. Вблизи гнезда его уже не было, и куница пошла с елки на елку, с пихты на пихту, к озерам, потом к болоту, к большому болоту за озером. Там она напала на простофилю сойку и, радостная, помчалась к своему гнезду, неся в зубах рыжую птицу с распущенным голубым крылом.

Гнездо было пустое. Белогородка выронила из зубов добычу, метнулась вверх по ели, потом вниз, потом опять вверх, к гнезду, хитро упрятанному в густом еловом лапнике.

Котят не было. Если бы Белогородка умела кричать — закричала бы.

Пропали котятки, исчезли.

Белогородка обследовала все по порядку. И обнаружила, что вокруг ели топтались люди и на дерево неловко лез человек, сдирая кожу, обламывая сучья, оставляя разящий запах пота и грязи в складках коры.

К вечеру Белогородка точно выследила, что ее детенышей унесли в деревню. Ночью она нашла дом, в который их унесли.

До рассвета металась возле дома: с крыши на забор, с забора на крышу. Часами сидела на черемухе, под окном, слушала, не запищат ли котятки.

Но во дворе гремела цепью и хрипло лаяла собака. Хозяин несколько раз выходил из дому, сердито кричал на нее. Белогрудка комочком сжималась на черемухе.

Теперь каждую ночь она подкрадывалась к дому, следила, следила, и все гремел и бесновался пес во дворе.

Как-то Белогрудка прокралась на сеновал и осталась там до света, а днем не решилась уйти в лес. Днем-то она и увидела своих котят. Мальчишка вынес их в старой шапке на крыльцо и стал играть с ними, переворачивая кверху брюшками, щелкая их по носу. Пришли еще мальчишки, стали кормить котят сырым мясом. Потом явился хозяин и, показывая на кунят, сказал:

— Зачем мучаете зверушек? Отнесите в гнездо. Пропадут.

Потом был тот страшный день, когда Белогрудка снова затаилась на сарае и снова ждала мальчишек. Они появились на крыльце и о чем-то спорили. Один из них вынес старую шапку, заглянул в нее.

— Э, подох один...

Мальчишка взял котенка за лапку и кинул собаке. Вислоухий дворовый пес, всю жизнь сидевший на цепи и привыкший есть что дают, обнюхал котенка, перевернул лапой и стал неторопливо пожирать его с головы.

В ту же ночь на селе было придушено множество цыплят и кур, на высоком заплоте задавился старый пес, съевший котенка. Белогрудка бегала по забору и до того раздражила дураковатую дворнягу, что та ринулась за ней, перепрыгнула через забор, сорвалась и повисла.

Утят, гусят находили в огородах и на улице задавленными. В крайних домах, что ближе к лесу, птица вовсе вывелась.

И долго не могли узнать люди, кто это разбойничает ночами в селе. Но Белогрудка совсем

освирепела и стала появляться у домов даже днем и расправляться со всем, что было ей под силу. Бабы ахали, старухи крестились, мужики ругались:

— Это ж сатана! Накликали напасть!

Белогрудку подкараулили, сшибли дробью с тополя возле старой церкви. Но Белогрудка не погибла. Лишь две дробинки попали ей под кожу, и она несколько дней таилась в гнезде, зализывала ранки.

Когда она вылечила себя, то снова пришла к тому дому, куда ее будто на поводе тянули.

Белогрудка еще не знала, что мальчишку, взявшего кунят, пороли ремнем и приказали отнести их обратно в гнездо. Но беззаботный мальчишка поленился лезть в лесную крепь, бросил кунят в овражке возле леса и ушел. Здесь их нашла и прикончила лиса.

Белогрудка осиротела. Она стала давить на пропалую голубей, утят не только на горе, в Береино, но и в Зуятах тоже.

Попалась она в погребе. Отрыв западню погреба, хозяйка крайней в Зуятах избы увидела Белогрудку.

— Так вот ты где, сатана! — всплеснула она руками и бросилась ловить куницу.

Все банки, кринки, чашки были опрокинуты и побиты, прежде чем женщина сцапала куницу.

Белогрудку заключили в ящике. Она свирепо грызла доски, крошила щепу.

Пришел хозяин, он был охотник, и когда жена рассказала, что изловила куницу, заявил:

— Ну и зря. Она не виновата. Ее обидели, осиротили, — и выпустил куницу на волю, думая, что больше она в Зуятах не появится.

Но Белогрудка принялась разбойничать пуще прежнего. Пришлось охотнику задолго до сезона убить куницу.

На огороде возле парника он увидел ее однажды, загнал на одинокий куст и выстрелил. Куница упала в крапиву и увидела бегущую к ней собаку с мокрым гавкающим ртом. Белогрудка змейкой взвилась из крапивы, вцепилась в горло собаке и умерла.

Собака каталась по крапиве, дико выла. Охотник разжимал зубы Белогрудки ножом и сломал два пронзительно острых клыка.

До сих пор помнят в Вереино и в Зуятах Белогрудку. До сих пор здесь строго наказывают ребятам, чтобы не смели трогать детенышей зверушек и птиц.

Спокойно живут и плодятся теперь меж двух сел, вблизи от жилья, на крутом лесистом косогоре белки, лисы, разные птицы и зверушки. И когда я бываю в этом селе и слышу густоголосый утренний гомон птиц, думаю одно и то же: «Вот если бы таких косогоров было побольше возле наших сел и городов!»

Валентин Григорьевич Распутин

Родился в 1937 году

«УРОКИ ФРАНЦУЗСКОГО»

ВИКТОРИНА

1. Сколько лет было герою рассказа, когда началась его самостоятельная жизнь?

2. «Но самое страшное начиналось, когда я приходил из школы». Что же это было? Расскажите подробнее.

3. «Голод здесь совсем не походил на голод в деревне». Почему рассказчик пришел к такому выводу?

4. «Хозяйничал здесь он, это я понял сразу». О ком здесь говорится и как он «хозяйничал»?

5. «Теперь каждый день после школы я прибежал сюда». Куда и зачем прибегал рассказчик?

6. «Откуда мне было знать, что никогда и никому еще не прощалось, если в своем деле он вырывался вперед». Когда герой рассказа пришел к такому выводу и с чем это было связано?

7. «Не было в тот день и не могло быть во всем белом свете человека несчастнее меня». Когда герой рассказа испытал эти чувства?

8. «Так начались для меня мучительные и неловкие дни». О каких днях говорит герой?

9. «Ни в одном сне не могло такое присниться, ни в одной дурной мысли подуматься». По какому поводу были сказаны эти слова?

10. «Мы кричали, перебивая друг друга, когда до нас донесся удивленный, если не сказать пораженный, но твердый, звенящий голос...» Чей это был голос? Что последовало за этим?

Вопросы и задание:

1. Почему рассказчик не сдержал слово, данное учительнице, и вернулся к играющим на деньги ребятам, избившим его?

Прочитайте приведенные ниже отрывки:

2. «...постепенно я стал довольно сносно выговаривать французские слова, они уже не обрывались у моих ног тяжелыми булыжниками, а, позванивая, пытались куда-то лететь».

Какие художественные средства использованы в этом предложении?

Какую роль они играют?

3. «...я хорошо помню ее правильное и потому не слишком живое лицо с прищуренными, чтобы скрыть в них косинку, глазами; тугую, редко раскрывающуюся до

конца улыбку и совсем черные, коротко остриженные волосы...»

Выделите эпитеты. Какую роль они играют в создании портрета?

4. «...директор задыхался, ему не хватало воздуха. — Я теряюсь сразу назвать ваш поступок... Это преступление. Растление. Сокращение».

Согласны ли вы с такой оценкой поступка Лидии Михайловны?

5. Почему рассказ назван «Уроки французского»? В чем его главный смысл?

Самостоятельная работа

1. Подготовьте небольшой рассказ о жизни героя в родном доме до отъезда в райцентр. Предварительно найдите необходимые цитаты.

2. Выделите самую важную, на ваш взгляд, сцену в рассказе «Уроки французского», постарайтесь обосновать ваш выбор. Подготовьте ее выразительное чтение (или исполнение в лицах). Подумайте, какие интонации требуются для чтения слов и реплик каждого из героев.

3. Объясните значение приведенных ниже слов и выражений и постарайтесь понять, для чего писатель использовал их в своем рассказе: «счастливый глаз», «башковитый парень», «пошвырнув гольного кипяточку», «снова подсаживая зубы на полку», «продать с потрохами», «меня все подстегивало самолюбие», «из другого я теста, что ли».

Подберите к ним синонимы.

Литература и другие виды искусства

1. Рассмотрите иллюстрации к рассказу «Уроки французского» в учебнике. Выделите эпизоды, которые, на ваш взгляд, тоже можно было бы проиллюстрировать. Расскажите, как вы представляете себе одну из этих иллюстраций.

2. Подготовьте сценарий диафильма на основе текста с помощью иллюстраций к этому рассказу.

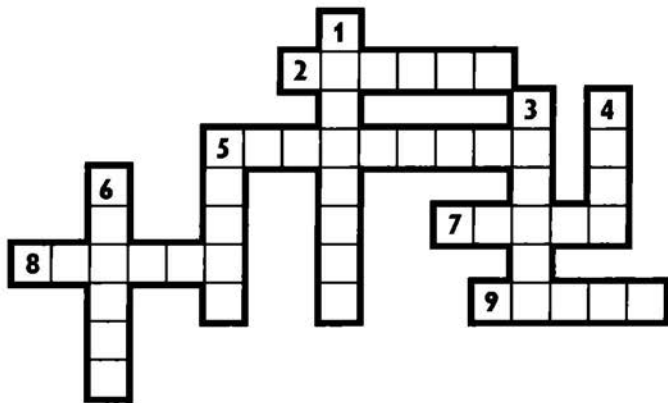

Интересные книги о жизни ваших сверстников создали Ю. Нагибин («Эхо»), Р. Погодин («Сколько стоит долг»), В. Железников («Путешественник с багажом», «Чучело»), А. Алексин («Звоните и приезжайте»), В. Крапивин («Валькины друзья и паруса», «Брат, которому семь») и другие писатели. Прочитайте одну из названных книг и напишите аннотацию.

Аннотация — краткое изложение содержания книги, статьи.

■ ■ ■ Кроссворд ■ ■ ■

«В. Г. Распутин. „Уроки французского“»

1. Что прислала учительница в обеих посылках?
2. Из чего были перешиты штаны героя?
3. Река, рядом с которой жил мальчик.
4. Название игры.
5. Что помогло узнать отправителя первой посылки? (По горизонтали.)
5. Какое чувство постоянно испытывал герой? (По вертикали.)
6. Что было во второй посылке?
7. Кто нанес первый удар мальчику?
8. Что покупал герой на выигранные деньги?
9. Главный игрок на деньги.

■ **Слова для справок:** Ангара. Вадик. Галифе. Гематоген. Голод. Макароны. Молоко. Птаха. Чика. Яблоко.

Фазиль Искандер

Родился в 1929 году

О ПИСАТЕЛЕ

Прочитайте и перескажите отрывок из автобиографического рассказа Фазиля Искандера «Начало».

НАЧАЛО

Одно из забавных свойств человеческой природы заключается в том, что каждый человек стремится доигрывать собственный образ, навязанный ему окружающими людьми. Иной пищит, а доигрывает...

Однажды, когда я учился в школе, мы всем классом работали на одном приморском пустыре, стараясь превратить его в место для культурного отдыха. Как это ни странно, в самом деле превратили...

Но дело не в этом. Дело в том, что в тот давний день, когда мы возделывали пустырь, один из ребят обратил внимание остальных на то, как я держу носилки, на которых мы перетаскивали землю. Военрук, присматривавший за нами, тоже обратил внимание на то, как я держу носилки. Все обратили внимание на то, как я держу носилки. Надо было найти повод для веселья, и повод был найден. Оказалось, что я держу носилки как отъявленный Лентяй...

Теперь все работало на образ. Если я на контрольной по математике сидел, никому не мешая, спокойно дожидаясь, покамест мой товарищ решит задачу, то все приписывали это моей лени, а не тупости. Естественно, я не пытался в этом кого-нибудь разуверить. Когда же я по русскому письменному писал прямо из головы, не пользуясь

учебниками и шпаргалками, это тем более служило доказательством моей неисправимой лени...

Развитие образа привело к тому, что я вынужден был перестать делать домашние уроки. При этом, чтобы сохранить остроту положения, я должен был достаточно хорошо учиться.

По этой причине я каждый день, как только начиналось объяснение материала по гуманитарным предметам, ложился на парту и делал вид, что дремлю. Если учителя возмущались моей позой, я говорил, что заболел, но не хочу пропускать занятий, чтобы не отстать. Лежа на парте, я внимательно слушал голос учителя, не отвлекаясь на обычные шалости и стараясь запомнить все, что он говорит. После объяснения нового материала, если оставалось время, я вызывался отвечать в счет будущего урока...

Учитель ставил мне в журнал хорошую оценку, звенел звонок, и все были довольны. И никто, кроме меня, не знал, что только что зафиксированные знания рушатся из моей головы, как рушится штанга из рук штангиста после того, как прозвучит судейское: «Вес взят!..»

Тогда ко мне решили применить метод массажного воспитания, модный в те годы. Суть его заключалась в том, что все учителя неожиданно наваливались на одного нерадивого ученика и, пользуясь его растерянностью, доводили его успеваемость до образцово-показательного блеска.

Кончилось все это тем, что я вместо запланированной на меня серебряной медали получил золотую.

И вот с аттестатом, зашитым в кармане вместе с деньгами, я сел в поезд и поехал в Москву...

Москва, увиденная впервые, оказалась очень похожей на свои бесчисленные снимки и киножурналы. Окрестности города я нашел красивыми, только полное отсутствие гор создавало порой ощущение незащитности. От обилия

плоского пространства почему-то уставала спина. Иногда хотелось прислониться к какой-нибудь горе или даже спрятаться за нее.

Москвичи обрадовали меня своей добротой и наивностью. Как потом выяснилось, я им тоже показался наивным. Поэтому мы легко и быстро сошлись характерами. Людям нравятся наивные люди...

Единственная особенность москвичей, которая до сих пор осталась мной не разгаданной, — это их постоянный, таинственный интерес к погоде. Бывало, сидишь у знакомой за чаем, слушаешь уютные московские разговоры, тикают стенные часы, лопочет репродуктор, но его никто не слушает, хотя почему-то и не выключают.

— Тише! — встряхивается вдруг кто-нибудь и подымает голову к репродуктору. — Погоду передают.

Все, затаив дыхание, слушают передачу, чтобы на следующий день уличить ее в неточности...

Именно с целью изучения глубинной причины интереса москвичей к погоде я несколько лет назад переселился в Москву. Ведь мое истинное призвание — это открывать и изобретать.

Чтобы не вызывать у москвичей никакого подозрения, чтобы давать им в своем присутствии свободно проявлять свой таинственный интерес к погоде, я и сам делаю вид, что интересуюсь погодой.

— Ну как, — говорю я, — что там передают насчет погоды? Ветер с востока?

— Нет, — радостно отвечают москвичи, — ветер юго-западный до умеренного.

— Ну, если до умеренного, — говорю, — это еще терпимо.

И продолжаю наблюдать, ибо всякое открытие требует терпения и наблюдательности. Но, чтобы открывать и изобретать, надо зарабатывать на жизнь, и я пишу...

Каждый день, за исключением тех дней, когда меня не бывает дома, я закрываюсь у себя в комнате, закладываю бумагу в свою маленькую прожорливую «Колибри» и пишу.

Обычно машинка, несколько раз вяло потяв-кав, надолго замолкает. Домашние делают вид, что стараются создать условия для моей работы, я делаю вид, что работаю. На самом деле в это время я что-нибудь изобретаю или, склонившись над машинкой, прислушиваюсь к телефону в другой комнате. Так деревенские свиньи в наших краях, склонив головы, стоят под плодовыми деревьями, прислушиваясь, где стукнет упавший плод, чтобы вовремя к нему подбежать...

О многих своих открытиях, ввиду их закрытого характера, пока существует враждебный лагерь, я, естественно, не могу рассказать. Но у меня есть ряд ценных наблюдений, которыми я готов поделиться. Я полагаю, чтобы овладеть хорошим юмором, надо дойти до крайнего пессимизма¹, заглянуть в мрачную бездну, убедиться, что и там ничего нет, и потихоньку возвратиться обратно. След, оставляемый этим обратным путем, и будет настоящим юмором.

Смешное обладает одним, может быть, скромным, но бесспорным достоинством: оно всегда правдиво. Более того, смешное потому и смешно, что оно правдиво. Иначе говоря, не все правдивое смешно, но все смешное правдиво...

Ответьте на вопросы:

1. Что показалось вам интересным?
2. Что общего у героя этого произведения с рассказчиком из «Тринадцатого подвига Геракла»?
3. Как вы понимаете выражение: «Я полагаю, чтобы овладеть хорошим юмором, надо дойти до крайнего пессимизма, заглянуть в мрачную бездну, убедиться, что и

¹ Пессимизм — унылый, безнадежный взгляд на жизнь.

там ничего нет, и потихоньку возвратиться обратно. След, оставляемый этим обратным путем, и будет настоящим юмором?»

4. Как вы думаете, в какой степени эти слова относятся к рассказу «Тринадцатый подвиг Геракла»?

«ТРИНАДЦАТЫЙ ПОДВИГ ГЕРАКЛА»

Самостоятельная работа

1. По приведенным цитатам угадайте, о ком из героев рассказа идет речь. Подготовьте о каждом из них небольшое сообщение:

а) «[Ученик] встает и смотрит на Харлампию Диогеновича вопросительно. Он не понимает, зачем ему, отличнику, пересаживаться к Авдеенко, который плохо учится».

«— Как так решил? Ведь ответ неправильный?

— Правильный, — кивает он мне головой с такой противной уверенностью на умном, добросовестном лице, что я его в ту же минуту возненавидел за благополучие».

б) «Рядом со мной сидел тихий и скромный ученик... Я любил разговаривать, а он любил сидеть тихо. Нас посадили вместе, чтобы мы влияли друг на друга, но, по-моему, из этого ничего не получилось... Он сидел над своей раскрытой тетрадью, опрятный, худой и тихий, и оттого, что руки его лежали на промокашке, он казался еще тише...»

в) «Вот он и стоял у доски с яростным и угрюмым лицом, как будто раньше знал, а теперь никак не может припомнить своей мысли».

«[Он] подошел к столу, длинный, нескладный, и по лицу его было видно, что он так и не решил, что лучше: получить двойку или идти первым на укол».

2. Прочитайте цитаты, относящиеся к Харлампию Диогеновичу. Составьте его характеристику, используя также другой материал рассказа:

«Он был по происхождению грек».

«Он сразу установил в нашем классе образцовую дисциплину...»

«...Иногда он заставлял нас смеяться, но это был не стихийный смех, а веселье, организованное сверху, самим же учителем».

«Большоголовый, маленького роста, аккуратно одетый, тщательно выбритый, он властно и спокойно держал класс в руках... Я не помню, чтобы он на кого-нибудь кричал, или уговаривал заниматься, или грозил вызвать родителей в школу. Все эти штучки ему были ни к чему».

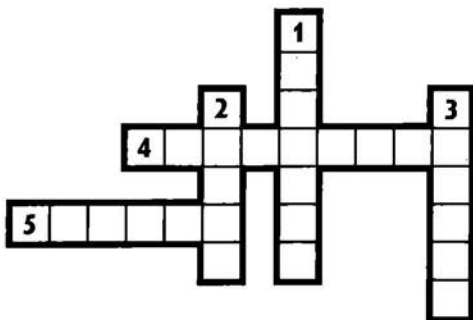
«Главное оружие Харлампия Диогеновича — это делать человека смешным. Ученик, отступающий от школьных правил, — не лентяй, не лоботряс, не хулиган, а просто смешной человек».

«Харлампий Диогенович не давал никому привилегии».

«Смехом он, разумеется, закалял наши лукавые детские души и приучал нас относиться к собственной персоне с достаточным чувством юмора».

■ ■ ■ Кроссворд ■ ■ ■

«Фазиль Искандер.
„Тринадцатый подвиг Геракла“»

1. Великий математик Древней Греции. 2. Титул, которым иногда «наделял» учитель нерадивого ученика. 3. Что поражало директора на уроках математики? 4. Учитель

математики. 5. Философ Древней Греции, давший отчество педагогу.

■ **Слова для справок:** Диоген. Пифагор. Принц. Тишина. Харлампы.

За страницами вашего учебника

(Внеклассное чтение)

1. Если вы прочитали сборник рассказов Фазиля Искандера «Первое дело», куда входят «Рассказ о море», «Первое дело», «Запретный плод», «Мученики сцены», «Вечерняя дорога» и другие рассказы, то выполните следующие задания:

а) напишите отзыв на один из прочитанных рассказов;

б) подготовьте инсценировку (или чтение по ролям) одного или двух рассказов;

в) ответьте на следующие вопросы:

Какое настроение создал у вас «Рассказ о море»?

Как вы понимаете слова его главного героя: «Так он ушел навсегда со своей девушкой, ушел, мимоходом вернув мне жизнь»?

В какой момент и почему мальчик рассказывает о «падении» сестры? В чем состояло это «падение»? Как вы оцениваете его поступок? («Запретный плод».)

Рассказ «Мученики сцены» заканчивается словами: «Но стоит ли говорить о том, что я потом испытал дома?» Расскажите о том, что было, по-вашему, дома по возвращении рассказчика. А как вы оцениваете его поведение?

В чем главный смысл рассказа «Правое дело»? Почему, по-вашему, писатель так назвал весь сборник рассказов?

Какие рассказы из этого сборника вам особенно понравились? Какие из них вы хотели бы еще раз перечитать?

2. Есть у Искандера герой, который как бы вобрал в себя все лучшее, что было в героях предшествующих произведений. Его зовут Чик. Когда вы прочтете повесть Искандера «День Чика», то можете подумать над такими вопросами:

Почему дети «выбирают» Чика предводителем двора?

Кого и почему взял с собой Чик в великий поход за мастикой?

Какие опасности ожидали Чика и его компанию?

Кто такие «рыжие волчата»? Почему Чик избегал встречи с ними?

Когда и в связи с чем пошатнулся авторитет Чика? Как он отнесся к этому?

Кого из героев прочитанных рассказов Ф. Искандера напоминает Чик? Что у них общего?

3. Ф. Искандер создал целый цикл повестей и рассказов о Чике, которые складываются в отдельную книгу, где повести и рассказы, как главы, продолжают и дополняют друг друга. Мы рекомендуем прочитать их: «Ночь и день Чика», «Возмездие», «Защита Чика», «Чаепитие и любовь к морю», «Животные в городе», «Чик на охоте», «Подвиг Чика».

Составьте аннотацию одного из этих произведений.

МИФЫ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

За страницами вашего учебника

(Внеклассное чтение)

Мифы — это огромная сокровищница художественных образов, прекрасных произведений искусства. Они помогут вам понять многие произведения мировой живописи, музыки, поэзию. Прочитайте главы «Герои» и «Боги» в книге «Легенды и мифы Древней Греции» (в переложении Н. Куна) и ответьте на вопросы литературной викторины.

ВИКТОРИНА

1. Какие пять родов или пять веков человеческих вы знаете? Чем один век отличался от другого? В какой век мы с вами живем? Какие богини покинули людей в этом веке? («Пять веков».)

2. Почему Зевс увеличил страдания прикованного к скале Прометея?

3. Кто оказался тем великим героем, которому было суждено освободить Прометея? («Прометей».)

4. Что обозначает имя «Пандора» и каково было ее предназначение? («Пандора».)

5. Каким образом удалось Персею избежать взгляда горгоны Медузы и победить ее? («Персей убивает горгону Медузу».)

6. Как Атлас превратился в гору, которая держит весь небесный свод со всеми его созвездиями? («Персей и Атлас».)

7. «У врага, сраженного мною, найду я помощь! Сами принудили вы меня искать у него защиты! Скорей отвернитесь все, кто мне друг!» Когда Персей произнес эти слова и по какому поводу? («Свадьба Персея».)

8. Какое наказание и за что несет Сизиф в загробной жизни? («Сизиф».)

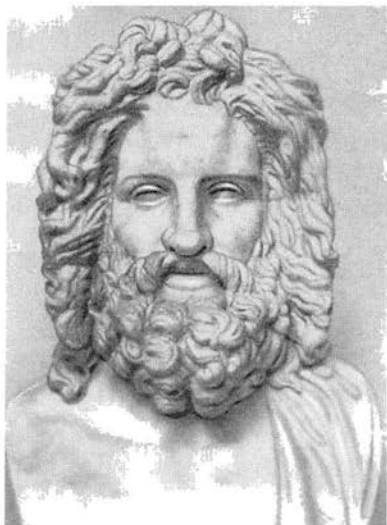
9. «У царя Тантала был избыток во всем. Он мог жить в счастье и довольстве до глубокой старости, но погубили его чрезмерная гордость и преступление». Чем навлек на себя Тантал кару богов? («Тантал».)

10. Какой сон приснился Европе и в чем его смысл?

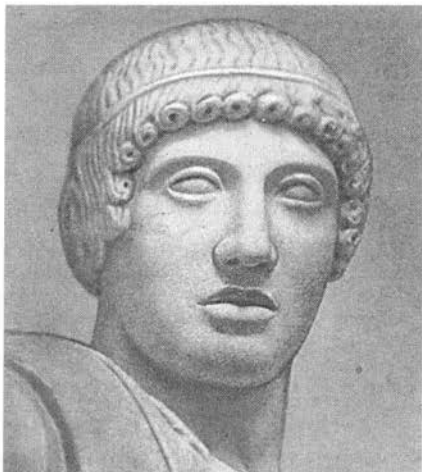
11. Как произошло похищение Европы Зевсом? («Европа».)

12. Кто был одним из первых правителей в мире и чем кончился его конфликт с детьми?

13. Каким образом Крон (Время) низверг своего отца Урана и отнял у него власть? («Происхождение мира и богов».)

Зевс из Отриколи.
Мрамор. IV в. до н. э. Рим.
Ватиканские музеи

Голова Аполлона
с западного фронтона
храма Зевса в Олимпии.
Мрамор. Ок. 460 г. до н. э.
Олимпия. Музей

14. Чем закончилась борьба богов-олимпийцев с титанами за власть над миром? Что помогло Зевсу в этой борьбе?

15. Как распределили боги-олимпийцы свою власть над миром после окончательной победы над Тифоном? («Борьба Зевса с Тифоном».)

16. За что Посейдон поместил дельфина в число небесных созвездий? («Посейдон и боже-ства моря».)

17. Какие реки текут в подземном царстве? Что делает в подземном царстве Аида трехгла-вый пес Кербер? Кто из богов самый могучий в этом царстве?

18. Кем, когда и в связи с чем было произне-сено заклинание: «Пусть же венки из твоей зеле-ни украшают мою голову, пусть отныне украша-ешь ты своими листьями и мою кифару, и мой колчан. Пусть никогда не вянет, лавр, твоя зе-лень! Стой же вечно зеленым!»? («Дафна».)

19. «...Боги забывают раздоры, мир и тиши-на воцаряются на Олимпе». Когда это происхо-дит?

20. Покровителем чего считался бог Гермес и как называли его римляне? Почему в Древней Греции у дорог, на перекрестках, у входов в дома стояли посвященные ему термы? («Гермес».)

21. Кто из богов Греции пользовался мень-шим почетом, чем остальные?

22. Благодаря чему Афродита царит над всем миром?

23. «Однажды весной во время охоты Нар-цисс подошел к ручью и захотел напиться студен-ной воды». Что произошло после этого? («Нар-цисс».)

24. Кто научил людей великому дару Демет-ры — земледелию? («Триптолем».)

25. Почему Луна всегда печальна и печален ее свет, который льет она на Землю? («Ночь, Лу-на, Заря и Солнце».)

26. Когда и при каких обстоятельствах был нарушен заведенный в мире порядок и не въезжал бог Солнца, чтобы светить людям?

27. «Это тебе не по силам. Ты же смертный, а разве это дело смертного? Даже бессмертные боги не в силах устоять на моей колеснице». Чьи это слова и к кому они обращены? («Фаэтон».)

28. «С веселой толпой, украшенной венками менад и сатиров¹, ходит Дионис по всему свету...» С какой целью он это делает? («Дионис».)

Составьте сами несколько вопросов для литературной викторины по главам «Герой» и «Боги».

Венера из Капуи.
Мрамор, II—III вв.
до н. э. Неаполь.
Национальный музей

Самостоятельная работа

В течение тысячелетий мифы существовали в форме устных рассказов и потому имели множество вариантов. Записанные разными авторами, они нередко продолжают и дополняют друг друга, а иногда и противоречат один другому.

Прочитайте и сравните, как излагается один и тот же мифологический сюжет о спасении Гесионы Гераклом двумя авторами: Н. А. Куном — русским историком древнегреческой культуры и Робертом Грейвсом — английским поэтом и мифологом, который использовал более двадцати древних литературных источников.

¹ Менады, сатиры, вакханки — спутники Диониса.

ГЕРАКЛ СПАСАЕТ ГЕСИОНУ, ДОЧЬ ЛАОМЕДОНТА

На обратном пути в Тиринф из страны амазонок Геракл прибыл на кораблях со своим войском к Трое. Тяжелое зрелище предстало перед глазами героев, когда они причалили к берегу недалеко от Трои. Они увидели прекрасную дочь царя Трои Лаомедонта, Гесиону, прикованную к скале у самого берега моря. Она была обречена, подобно Андромеде, на растерзание чудовищу, выходявшему из моря. Это чудовище послал в наказание Лаомедонту Посейдон за отказ уплатить ему и Аполлону плату за постройку стен Трои. Гордый царь, которому, по приговору Зевса, должны были служить оба бога, грозил даже обрезать им уши, если они будут требовать платы. Тогда разгневанный Аполлон наслал на все владения Лаомедонта ужасный мор, а Посейдон — чудовище, которое опустошало, никого не щадя, окрестности Трои. Только пожертвовав жизнью дочери, мог Лаомедонт спасти свою страну от ужасного бедствия. Против воли пришлось ему приковать к скале у моря свою дочь Гесиону.

Увидев несчастную девушку, Геракл вызвался спасти ее, а за спасение Гесионы потребовал он у Лаомедонта в награду тех коней, которых дал царю Трои громовержец Зевс как выкуп за его сына Ганимеда. Его некогда похитил орел Зевса и унес на Олимп. Лаомедонт согласился на требование Геракла. Великий герой велел троянцам насыпать на берегу моря вал и спрятался за ним. Едва Геракл укрылся за валом, как из моря выплыло чудовище и, разинув огромную пасть, бросилось на Гесиону. С громким криком выбежал из-за вала Геракл, бросился на чудовище,

вонзил ему в грудь свой обоюдоострый меч. Геракл спас Гесиону.

Когда же сын Зевса потребовал у Лаомедонта обещанную награду, то жалко стало царю расстаться с дивными конями, он не отдал их Гераклу и даже прогнал его с угрозами из Трои.

Р. Трайвс

ГЕРАКЛ СПАСАЕТ ГЕСИОНУ, ДОЧЬ ЛАОМЕДОНТА

Когда рабство Геракла у царицы Омфалы закончилось, он, уже не терзаемый безумием, вернулся в Тиринф и сразу же стал собираться в поход против Трои по следующим причинам. Он и Теламон (то ли по дороге из страны амазонок, то ли когда аргонавты сошли на берег у Сигейского мыса) были поражены, увидев дочь Лаомедонта Гесиону, прикованную к скале у троянского берега, совсем нагую, если не считать нескольких украшений. Оказалось, что Посейдон наслал морское чудовище, чтобы покарать Лаомедонта за неуплату денег ему и Аполлону за то, что они построили городские стены и пасли его стада. Некоторые, правда, говорят, что Лаомедонт обязался принести им в жертву всех коров, родившихся в тот год в его царстве. Другие утверждают, что он обещал им жалкую плату как поденщикам, но и ту заплатил не полностью, а присвоил себе тридцать троянских драхм. В отместку Аполлон наслал чуму, а Посейдон приказал морскому чудовищу пожрать людей, живших в долине, и разрушить их поля морскими волнами. По другому свидетельству, Лаомедонт выполнил свои обязательства перед Аполлоном,

но не перед Посейдоном, который и наслал на его царство чуму и чудовище.

Лаомедонт посетил оракула Зевса Аммона, где услышал, что должен выставить Гесиону на морском берегу, чтобы чудовище пожрало ее. Но он упрямо отказывался сделать это до тех пор, пока все троянские знатные семейства не принесут в жертву своих дочерей. В отчаянии они обратились к Аполлону, который, будучи разгневан не меньше Посейдона, не стал их успокаивать. Тогда родители отправили своих детей в безопасные места за пределы страны, но Лаомедонт попытался заставить некоего Фенодама, оставившего трех своих дочерей дома, отдать одну из них на растерзание чудовищу. Фенодам произнес пламенную речь перед собранием, утверждая, что только один Лаомедонт виновен в нынешних несчастьях и должен пострадать, пожертвовав своей дочерью. В конце концов пришлось бросить жребий, в соответствии с которым Гесиону приковали к скале, где ее и обнаружил Геракл.

Геракл тем временем разорвал ее путы, поднялся в город и предложил расправиться с чудовищем в обмен на двух несравненных бессмертных белоснежных коней или кобылиц, которые могли мчаться над водой или хлебным полем, как ветер, и которых Зевс вручил Лаомедонту как возмещение за похищенного им Ганимеда. Лаомедонт тут же согласился на это условие.

Затем троянцы с помощью Афины построили Гераклу высокий насыпной вал, который должен был защитить его от чудовища, когда оно высунет свою голову из воды и направится к долине. Когда чудовище достигло стены и широко раскрыло пасть, Геракл во всеоружии прыгнул ему в глотку.

Целых три дня он провел в желудке чудовища, но тем не менее стал победителем, хотя этот бой стоил ему потери всех волос на голове.

О том, что случилось дальше, спорят до сих пор. Одни говорят, что Лаомедонт отдал Гесиону Гераклу в жены, но в то же время убедил оставить ее и кобылиц в Трое на время плавания с аргонавтами, но, когда золотое руно было добыто, жадность взяла верх и он отказался отдать Гераклу Гесиону и кобылиц. Другие считают, что он объявил о своем отказе месяцем или двумя раньше — когда Геракл явился в Трои, разыскивая Гиласа.

Наиболее правдоподобный рассказ гласит, что Лаомедонт обманул Геракла, подменив бессмертных лошадей обычными, после чего Геракл пригрозил Трое войной и, разъяренный, отправился через море. Сначала он посетил остров Парос, где воздвиг алтарь Зевсу и Аполлону, затем коринфский Истм, где предсказал Лаомедонту конец, и уже в своем родном Тиринфе набрал себе войско.

Ответьте на вопросы:

1. Как изображен Геракл двумя разными авторами?
2. Чем отличаются сюжет и своеобразие манеры изложения каждого?

Литература и другие виды искусства

1. Рассмотрите иллюстрации с изображениями богов и героев. Кого из них вы узнали? Расскажите подробнее, в какой момент и как они изображены. Что особо выделяет художник (скульптор)?

2. Нарисуйте свои иллюстрации на темы мифов Древней Греции. Проведите конкурс лучших рисунков. Вот примерные темы:

1. Прометей, прикованный к скале.
2. Персей убивает горгону Медузу.
3. Сизиф в подземном царстве.
4. Трехглавый пес Кербер.
5. Покровитель торговли и ремесла бог Гермес.

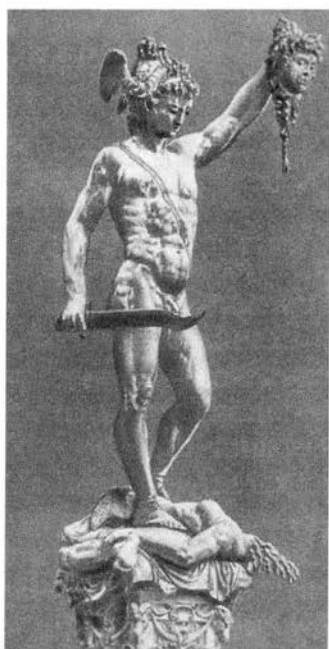
Артемида с ланью.
Мрамор. Конец IV в. до н. э.
Париж. Лувр

Худ. Я. Йорданс.
Прикованный Прометей.
1618—1620. Кельн. Музей

Скульпт. Дж. Маццуола.
Смерть Адониса.
Мрамор. Санкт-Петербург.
Эрмитаж

Скульпт. Б. Челлини.
Персей. Бронза. 1545—1554.
Флоренция

6. Влюбленный Нарцисс.
7. Геракл побеждает Антея.
8. Полет Фазтона к Солнцу.

Придумайте также свои названия и рисунки.

Для любознательных

Атлánt (Атлás), греч. — титан, державший на своих плечах небесный свод, сын Япета и Климены, брат Прометея и Эпиметея, отец плеяд, гиад и гесперид. Согласно мифу, Атлант должен был держать небо в наказание за участие в борьбе титанов против богов. Один из подвигов Геракла связан с мифом об Атланте. По позднейшему мифу, Атлант — африканский царь, отказавший Персею в гостеприимстве и обращенный последним с помощью головы Медузы в гору Атлас. Местопребыванием Атланта древние считали крайний запад. Позднее отсюда возникло название Атлантический океан. От изображения Атланта на первых сборниках карт возникло название атлас (географический и др.)¹.

Атлас — название введено в 1595 году фламандским математиком и картографом Меркатором в честь Атласа — мифического короля Ливии, якобы впервые изготовившего небесный глобус².

Горгóна, греч. — женское чудовище, голова которого всех смотревших на нее обращала в камень. Гомер знал одну горгону, у Гесиода их три: Стено, Евриала, Медуза, считавшиеся дочерьми Форкия и сестрами Кето. Горгоны обитали на крайнем западе. Из трех сестер-горгон только Медуза была смертной (убита Персеем). Подобно сестрам, Медуза обладала взглядом, обращающим все в камень; на голове у нее вместо волос извивались змеи. В позднейших мифах Медуза являлась прекрасной

¹ Мифологический словарь. — Л., 1959. — С. 29.

² Словарь иностранных слов. — М., 1980. — С. 62.

девушкой — возлюбленной Посейдона, которому она родила Хрисаора, Пегаса. Медуза, по-видимому, древний демон подземного мира, о чем говорят ее союз с Посейдоном, обитание в Тартаре, змеи вместо волос и т. д. Позднее имя Медуза, утратив свое прежнее значение, превращается в одно из прозвищ Афины (миф рассказывает, что отрубленная Персеем голова Медузы была прикреплена к эгиде¹ Афины). В искусстве часто изображалась голова Медузы с высунутым языком, оскаленными зубами и волосами-змеями. Такие изображения встречались на щитах, помещались у входа в здание как талисман, отвращающий опасность².

Гомер

ОДИССЕЯ

Плавание Одиссея мимо острова сирен и мимо Сциллы и Харибды

После долгого плавания по безбрежному морю Одиссей и его спутники оказались на острове Эея³, где жила волшебница Цирцея (дочь бога Гелиоса). Она рассказала Одиссею, какие опасности предстоят ему в пути, и научила, как их избежать.

Светлая так напоследок сама мне сказала
богиня:
«Дело одно совершил ты успешно; теперь со
вниманьем

¹ Эгида — щит. Афина иногда пользовалась эгидой своего отца. (У Гомера эгида — сделанный Гефестом щит Зевса, потрясая которым он навел страх на врагов. Отсюда эпитет Зевса — эгидодержавный.) В переносном значении эгида — покровительство, защита («быть под эгидой»).

² Мифологический словарь. — Л., 1959. — С. 60.

³ Мифический остров, по представлению греков, находился на краю моря, на дальнем западе.

Выслушай то, что скажу, что потом и от бога
услышишь.
Прежде всего ты увидишь сирен;
неизбежною чарой
40 Ловят они подходящих к ним близко людей
мореходных.
Кто, по незнанию, к тем двум чародейкам
приблизась, их сладкий
Голос услышит, тому ни жены, ни детей
малолетних
В доме своем никогда не утешить желанным
возвратом:
Пением сладким сирены его очаруют,
на светлом
45 Сидя лугу; а на этом лугу человеческих
белеет
Много костей, и разбросаны тлеющих кож
там лохмотья.
Ты ж, заклеивши товарищам уши
смягченным медвяным
Воском, чтоб слышать они не могли,
проплыви без оглядки
Мимо; но ежели сам роковой пожелаешь
услышать
50 Голос, вели, чтоб тебя по рукам и ногам
привязали
К мачте твоей корабельной крепчайшей
веревкой; тогда ты
Можешь свой слух без вреда удовольствовать
гибельным пеньем.
Если ж просить ты начнешь иль приказывать
станешь, чтоб сняли
Узы твои, то двойными тебя пусть
немедленно свяжут...
После ты две повстречаешь скалы:
до широкого неба
Острой вершиной восходит одна, облака
окружают

- 75 Темногущенные ту высоту, никогда
не редая.
Там никогда не бывает ни летом,
ни осенью светел
Воздух; туда не взойдет и оттоль не сойдет
ни единый
Смертный, хотя б с двадцатью был руками
и двадцать
Ног бы имел, — столь ужасно, как будто
обтесанный, гладок
- 80 Камень скалы; и на самой ее середине
пещера,
Темным жерлом обращенная к мраку Эреба
на запад;
Мимо ее ты пройдешь с кораблем, Одиссей
многославный;
Даже и сильный стрелок не достигнет
направленной с моря
Быстролетающей стрелою до входа высокой
пещеры;
- 85 Страшная Скилла живет искони там.
Без умолку лая,
Визгом пронзительным, визгу щенка
молодого подобным,
Всю оглашает окрестность чудовище. К ней
приближаться
Страшно не людям одним, но и самым
бессмертным. Двенадцать
Двигается спереди лап у нее; на плечах
же косматых
- 90 Шесть подымается длинных, изгибистых
шей; и на каждой
Шее торчит голова, а на челюстях в три ряда
зубы,
Частые, острые, полные черною смертью,
сверкают;
Вдвинувшись задом в пещеру и выдвинув
грудь из пещеры,

Всеми глядит головами из лога ужасная
Скилла.

95 Лапами шаря кругом по скале, обливаемой
морем,
Ловит дельфинов она, тюленей и могучих
подводных
Чуд, без числа населяющих хладную зыбь
Амфитриты.

Мимо ее ни один мореходец не мог невредимо
С легким пройти кораблем: все зубастые
пасти разинув,

100 Разом она по шести человек с корабля
похищает.

Близко увидишь другую скалу, Одиссей
многославный:

Ниже она; отстоит же от первой на выстрел
из лука.

Дико растет на скале той смоковница
с сенью широкой.

Страшно все море под тою скалою тревожит
Харибда,

105 Три раза в день поглощая и три раза в день
извергая

Черную влагу. Не смей приближаться, когда
поглощает:

Сам Посейдон от гибели верной тогда не
избавит.

К Скиллиной ближе держася скале, проводи
без оглядки

Мимо корабль быстроходный: отраднее
шесть потерять вам

110 Спутников, нежели вдруг и корабль
потопить, и погибнуть

Всем». Тут умолкла богиня; а я, отвечая,
сказал ей:

«Будь откровенна, богиня, чтоб мог я всю
истину ведать:

Если избегнуть удастся Харибды, могу ли
отбиться

- Силой, когда на спутников бросится
жадная Скилла?»
- 115 Так я спросил, и, ответствуя, так мне
сказала богиня:
«О необузданный, снова о подвигах бранных
замыслил;
Снова о бое мечтаешь; ты рад и с богами
сразиться.
Знай же: не смертное зло, а бессмертное
Скилла. Свирепа,
Дико сильна, ненасытна, сражение с ней
невозможно.
- 120 Мужество здесь не поможет; одно здесь
спасение — бегство.
Горе, когда ты хоть миг там для тщетного
боя промедлишь:
Высунет снова она из своей недоступной
пещеры
Все шесть голов и опять с корабля шестерых
на пожранье
Схватит; не медли ж; поспешно пройди;
призови лишь Кратейю:
- 125 Скиллу она родила на погибель людей,
и одна лишь
Дочь воздержать от второго на вас
нападения может».
- <...>
- Так говорила она. Златотронная Эос
явилась
На небе; в дом свой богиня пошла,
разлучившись со мною,
Я ж, к своему кораблю возвратясь, повелел,
чтоб немедля
- 145 Спутники все на него собрались и канат
отвязали;
Все на него собрались и, севши на лавках
у весел,
Разом могучими веслами вспенили темные
воды.

- Был нам на темных водах провожатым
надежным попутный
Ветер, пловцам благовеющий друг, парусов
надуватель,
150 Послан приветноречивою, светлокудрявой
богиней,
Все корабельные снасти порядком убрав, мы
спокойно
Плыли; корабль наш бежал, повинуюсь
кормилу и ветру.
Я ж, обратясь к спутникам, так им сказал,
сокрушенный:
«Должно не мне одному и не двум лишь,
товарищи, ведать
155 То, что нам всем благосклонно богиня
богинь предсказала:
Все вам открою, чтоб, зная свой жребий,
могли вы бесстрашно
Или погибнуть, иль смерти и Керы могучей
избегнуть.
Прежде всего от волшебного пенья сирен
и от луга
Их цветоносного нам уклониться велела
богиня;
160 Мне же их голос услышать позволила;
прежде, однако,
К мачте меня корабельной веревкой
надежною плотно
Вы привяжите, чтоб был я совсем
неподвижен; когда же
Стану просить иль приказывать строго, чтоб
сняли с меня вы
Узы, — двойными скрутите мне узами руки
и ноги».
165 Так говорил я, лишь нужное людям моим
открывая.
Тою порой крепкозданный корабль наш,
плывя, приближался

Весла б они побросали от страха и, греть
 переставши,
 225 Праздно б столпились внутри корабля в
 ожиданье напасти.
 Сам же я, вовсе забыв повеление строгой
 Цирцеи,
 Мне запретившей оружие брать для
 напрасного боя,
 Славные латы на плечи накинул и, два
 медноострых
 В руки схвативши копья, подошел
 к корабельному носу
 230 В мыслях, что прежде туда из глубокого
 жадная Скилла
 Бросится лога и там ей попавшихся первых
 похитит.
 Тщетно искал я очами ее, утомил лишь
 напрасно
 Очи, стараясь проникнуть в глубокое недра
 утеса.
 В страхе великом тогда проходили мы
 тесным проливом;
 235 Скилла грозила с одной стороны, а с другой
 пожирала
 Жадно Харибда соленую влагу; когда
 извергались
 Воды из чрева ее, как в котле, на огне
 раскаленном,
 С свистом кипели они, клокоча и буровясь;
 и пена
 Вихрем взлетала на обе вершины утесов;
 когда же
 240 Волны соленого моря обратно глотала
 Харибда,
 Внутренность вся открывалась ее: перед
 зевом ужасно
 Волны сшибались, а в недра утробы
 открытом кипели

- Тина и черный песок. Мы, объятые ужасом
 бледным,
 В трепете очи свои на грозящую гибель
 вперяли.
- 245 Тою порой с корабля шестерых,
 отличавшихся бодрой
 Силой товарищей, разом схватя их,
 похитила Скилла;
 Взор на корабль и на схваченных вдруг
 обративши, успел я
 Только их руки и ноги вверху над своей
 головою
 Мельком приметить: они в высоте
 призывающим гласом
- 250 Имя мое прокричали с последнею скорбью
 сердца.
 Так рыболов, с каменистого берега
 длинносогбенной
 Удой кидаящий в воду коварную рыбам
 приманку,
 Рогом быка лугового их ловит, потом,
 из воды их
 Выхватив, на берег жалко трепещущих
 быстро бросает:
- 255 Так трепетали они в высоте, унесенные
 жадною Скиллой.
 Там перед входом пещеры она сожрала их,
 кричащих
 Громко и руки ко мне простирающих
 в лютом терзанье.
 Страшное тут я очами узрел, и страшней
 ничего мне
 Зреть никогда в продолжение странствий
 моих не случилось.
- 260 Скиллин утес миновав и избегнув свирепой
 Харибды,
 Прибыли к острову мы наконец светоносного
 бога.

Вопросы и задания:

1. Страшные бедствия подстерегали Одиссея в пути. Как вы думаете, о каких явлениях природы здесь идет речь?
2. Какое душевное состояние Одиссея изображает Гомер?
3. Найдите эпитеты, сравнения и определите их роль.
4. Составьте рассказ об Одиссее. Обратите внимание на его речь.
5. «Гомер создает образы столь рельефные, что их можно рассматривать как скульптуры...»¹ Найдите в поэме те места, которые соответствуют этому утверждению. Прочитайте и перескажите их.

Для любознательных

Прочитайте рассказ К. Г. Паустовского «Умолкнувший звук» и ответьте на вопросы.

К. Г. Паустовский

УМОЛКНУВШИЙ ЗВУК

(В сокращении)

В Крыму около мыса Карадаг есть маленькая бухта. Называется она Разбойничьей...

Как-то я лежал на пляже в этой бухте и, закрыв глаза, прислушивался к морскому шуму. Он состоял из равномерного чередования звуков. Сначала был слышен набегающий гул. Потом наступало короткое затишье, когда волна останавливалась у края намытой гальки. И наконец, волна с шорохом уходила обратно...

Невдалеке от меня сидела на пляже незнакомая девочка лет пятнадцати, должно быть школьница, и учила вслух стихи Пушкина.

¹ Сахарный Н. Гомеровский эпос. — М., 1976.

Я сел на песке, пораженный тем, что мне сейчас открылось в шуме волн.

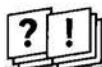
Гомер создал гекзаметр.

И вдруг мне стало ясно, что слепой Гомер, сидя у моря, слагал стихи, подчиняя их размеренному шуму прибоя. Самым веским доказательством, что это было действительно так, служила цезура посередине строки. По существу, она была не нужна. Гомер ввел ее, точно следуя той остановке, какую волна делает на половине своего наката.

Гомер взял гекзаметр у моря. Он воспел осаду Трои и поход Одиссея торжественным напевом невидимых ему морских пространств.

Голос моря вошел в поэзию плавными подъемами и падениями, — голос того моря, что гнало, шумя и сверкая, веселые волны к ногам слепого рапсода.

Нашел ли я загадку гекзаметра? Не знаю.

Вопросы и задание:

1. Какое «открытие» сделал К. Г. Паустовский, прислушиваясь к шуму волн?
2. Как вы понимаете выражения:
«Гомер взял гекзаметр у моря»;
«Голос моря вошел в поэзию плавными подъемами и падениями»?
3. Выберите отрывок из поэмы Гомера и прочитайте его вслух, представляя себе шум морской волны.

Мигель де Сервантес Сааведра

1547—1616

О ПИСАТЕЛЕ

Сервантес, по отцу Родриго де Сервантес, принадлежал к старинной, но пришедшей в упадок дворянской семье, на примере которой можно

проследить историю обеднения испанского дворянства и роста идальгии — дворянства, лишённого состояния и общественных постов. Отец писателя был вольнопрактикующим врачом.

К концу 1560-х годов, когда семья вступила в полосу окончательного разорения и Сервантесу пришлось думать о том, как самому зарабатывать на хлеб, он вступает в ряды испанских войск, расквартированных в Италии, и принимает участие в отражении наступления турецкой армии, которая все шире развёртывалась в Средиземном море.

7 октября 1571 года при Лепанто произошла знаменитая морская битва, окончившаяся поражением Турции. В тот день Сервантес был болен, но потребовал, чтобы ему разрешили участвовать в бою. До нас дошли, благодаря свидетельству одного из его товарищей, слова: «Предпочитаю, даже будучи больным и в жару, сражаться, как это подобает доброму солдату... а не прятаться под защитой палубы». В этой битве Сервантес получил три огнестрельных ранения и тяжёлое увечье левой руки. Однако военную службу он не оставил.

20 сентября 1575 года Сервантес вместе со своим братом Родриго, служившим также в армии, отбыл из Неаполя в Испанию. Корабль, на котором они плыли, был захвачен алжирскими пиратами, и Сервантес вместе с братом попал в плен.

Правитель Алжира Гассан Паша назначил непомерно большой выкуп за Сервантеса — 500 золотых эскудо, содержал писателя в невыносимых условиях — с железным кольцом на шее и в цепях.

За пять лет, проведенных Сервантесом в плену, проявились такие качества его характера, как свободолюбие, умение смотреть опасности в глаза, огромная сила воли, доброта, благородство, чувство товарищества. Организатор трех неудачных попыток к бегству, Сервантес всегда

принимал на себя всю ответственность за это, хотя он мог и погибнуть.

Своей смелостью он внушил уважение к себе даже такому палачу, как Гассан Паша, который говорил, что «его пленники, корабли и даже весь город будут целы лишь до тех пор, пока этот калека будет сидеть в заключении».

Наконец, 19 сентября 1580 года Сервантес был освобожден за выкуп, собранный его семьей ценой невероятных жертв.

Возвращение в Испанию не принесло благополучия Сервантесу. Дома его ждала разоренная семья, а о военных заслугах писателя все уже забыли. В поисках заработка Сервантес пишет пьесы для театра, а также стихотворения, за которые, подарив их какому-нибудь знатному лицу, можно было получить небольшую сумму денег. Кроме того, он работает над романом «Галатея», который был издан в 1585 году.

Скудность и ненадежность литературного заработка заставляют Сервантеса принять должности сначала сборщика зерна для армии, затем сборщика недоимок. Доверив казенные деньги одному банкиру, сбжавшему с ними, Сервантес в 1597 году попадает в тюрьму по обвинению в растрате. Пять лет спустя он снова подвергается тюремному заключению по ложному обвинению в денежных злоупотреблениях.

Последние пятнадцать лет жизни Сервантес провел в большой нужде. Тем не менее это был период высшего расцвета его творчества.

В 1605 году вышла в свет первая часть романа «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский», начатого или, по крайней мере, задуманного им во время второго тюремного заключения. В 1615 году вышла в свет вторая часть этого романа.

Произведение это принесло его автору посмертную славу и является одним из величайших созданий человеческой мысли.

ДОН КИХОТ

Главы из романа

Глава IV

*О том, что случилось с рыцарем нашим,
когда он выехал с постоялого двора*

Уже занималась заря, когда Дон Кихот, ликующий, счастливый и гордый сознанием, что его посвятили в рыцари, от радости подскакивая в седле, выехал с постоялого двора. Но как скоро пришли ему на память наставления хозяина, порешил он возвратиться домой, чтобы запастись всем необходимым, главное — деньгами и сорочками; в оруженосцы же себе прочил он одного хлебопашца, своего односельчанина, бедного, многодетного, однако ж для исполнения таковых обязанностей как нельзя более подходившего. С этою целью он поворотил Росинанта в сторону своей деревни, и Росинант, словно почуяв родное стойло, обнаружил такую резвость, что казалось, будто копыта его не касаются земли.

Только успел Дон Кихот немного отъехать, как вдруг справа, из чаши леса, до него донеслись тихие жалобы, точно кто-то стонал, и, едва заслышав их, он тотчас воскликнул:

— Хвала небесам за ту милость, какую они мне явили, — за то, что так скоро предоставили они мне возможность исполнить мой рыцарский долг и пожать плоды моих благих желаний! Не подлежит сомнению, что это стонет какой-нибудь беззащитный или же беззащитная, нуждающаяся в помощи моей и защите.

С этими словами он дернул поводья и устремился туда, откуда долетали стоны. Проехав несколько шагов по лесу, увидел он лошадь, привязанную к дубу, а рядом, к другому дубу, привязан был голый до пояса мальчуган лет пятнадцати, и вот этот-то мальчуган и стонал, и стонал не зря, ибо некий дюжий сельчанин нещадно

стегал его ремнем, сопровождая каждый удар попреками и нравочениями.

— Смотри в оба, а язык держи за зубами! — приговаривал он.

А мальчуган причитал:

— Больше не буду, хозяин, Христом-Богом клянусь, не буду, обещаю вам глаз не спускать со стада!

Увидев, что здесь происходит, Дон Кихот грозно воскликнул:

— Неучтивый рыцарь! Как вам не стыдно нападать на того, кто не в силах себя защитить! Садитесь на коня, возьмите копьё (надобно заметить, что у сельчанина тоже было копьё: он прислонил его к тому дубу, к коему была привязана лошадь), и я вам докажу всю низость вашего поступка.

Сельчанин, обнаружив у себя над головой увешанную доспехами фигуру, перед самым его носом размахивавшую копьём, подумал, что пришла его смерть.

— Сеньор кавальеро! — вкрадчивым голосом заговорил он. — Я наказываю мальчишку, моего слугу, который пасет здесь отару моих овец: из-за этого ротозея я каждый день недосчитываюсь овцы. И наказываю я его за разгильдяйство, вернее — за плутовство, а он говорит, что я из скупости возвожу на него напраслину, чтобы не платить ему жалованья, но я клянусь Богом и спасением души, что он врет.

— Мерзкий грубиян! — воскликнул Дон Кихот. — Клянусь солнцем, всех нас освещающим, что я сию минуту вот этим самым копьём проткну вас насквозь! Без всяких разговоров уплатите ему, не то, да будет мне свидетелем Всевышний, я с вами разделаюсь и уложу на месте! Ну, отвязывайте его, живо!

Сельчанин, понутив голову, молча отвязал своего слугу; тогда Дон Кихот спросил мальчика, сколько ему должен хозяин.

Мальчик ответил, что всего за девять месяцев, считая по семи реалов за месяц. Дон Кихот высчитал, что в сумме это составляет шестьдесят три реала, и сказал сельчанину, чтоб он немедленно раскошеливался, если только ему дорога жизнь. На это испуганный сельчанин возразил, что долг его вовсе не так велик, ибо надлежит принять в расчет и сбросить со счетов стоимость трех пар обуви, которые износил пастух, да еще один реал за два кровопускания, которые были ему сделаны, когда он занемог.

— Это все так, — возразил Дон Кихот, — однако вы ни за что ни про что отхлестали его ремнем, пусть же это пойдет в уплату за обувь и за кровопускание: ведь если он порвал кожу на башмаках, которые вы ему купили, то вы, в свою очередь, порвали ему собственную его кожу. И если цирюльник пускал ему кровь, когда он был болен, то вы пускаете ему кровь, когда он находится в добром здравии. Таким образом, тут вы с ним в расчете.

— Беда в том, сеньор кавальеро, что я не взял с собой денег, придется Андресу пойти со мной, и дома я уплачу ему все до последнего реала.

— Чтобы я с ним пошел? — воскликнул мальчуган. — Час от часу не легче! Нет, сеньор, ни за что на свете! Если я останусь с ним наедине, то он сдерет с меня кожу вроде как со святого Варфоломея или с кого-то там еще.

— Он этого не сделает, — возразил Дон Кихот, — я ему прикажу, и он не посмеет меня послушаться. Пусть только он поклянется тем рыцарским орденом, к которому он принадлежит, и я отпущу его на все четыре стороны и поручусь, что он тебе заплатит.

— Помилуйте, сеньор, что вы говорите! — воскликнул мальчуган. — Мой хозяин вовсе не рыцарь и ни к какому рыцарскому ордену не принадлежит, — это Хуан Альдудо, богатый крестьянин из деревни Кинтанар.

— Это ничего не значит, — возразил Дон Кихот, — и Альдудо могут быть рыцарями. Тем более, что каждого человека должно судить по его делам.

— Это верно, — согласился Андрес, — но в таком случае как же прикажете судить моего хозяина, коли он отказывается платить мне жалованье, которое я заработал в поте лица?

— Брат мой Андрес, да разве я отказываюсь? — снова заговорил сельчанин. — Сделай милость, пойдем со мной! Клянусь всеми рыцарскими орденами, сколько их ни развелось на свете, что уплачу тебе, как я уже сказал, все до последнего реала, с радостью уплачу!

— Можно и без радости, — сказал Дон Кихот, — уплатите лишь ту сумму, которую вы ему задолжали: это все, что от вас требуется. Но бойтесь нарушить клятву, иначе клянусь тою же самою клятвою, я разыщу вас и накажу: будь вы проворнее ящерицы, я все равно вас найду, куда бы вы ни спрятались. Если же вы хотите знать, от кого получили вы этот приказ, дабы тем ревностнее приняться за его исполнение, то знайте, что я — доблестный Дон Кихот Ламанчский, заступник обиженных и утесненных. Засим оставайтесь с Богом и под страхом грозящей вам страшной кары не забывайте обещанного и скрепленного клятвою.

С этими словами он пришпорил Росинанта и стал быстро удаляться. Сельчанин посмотрел ему вслед и, удостоверившись, что он миновал рощу и скрылся из виду, повернулся к слуге своему Андресу и сказал:

— Поди-ка сюда, сынок! Сейчас я исполню повеление этого заступника обиженных и уплачу тебе долг.

— Я в этом нисколько не сомневаюсь, ваша милость, — заметил Андрес. — В ваших же интересах исполнить повеление доброго рыцаря, дай Бог ему прожить тысячу лет: он такой храбрый и

такой справедливый, что, если вы мне не уплатите, клянусь святым Роке, он непременно вернется и приведет угрозу свою в исполнение.

— Я тоже в этом не сомневаюсь, — сказал сельчанин, — но я так люблю тебя, желанный мой, что желаю еще больше тебе задолжать, чтобы затем побольше заплатить.

Тут он схватил мальчугана за руку и, снова привязав его к дубу, высыпал ему столько горячих, что тот остался чуть жив.

— Теперь зовите заступника обиженных, сеньор Андрес, посмотрим, как он за вас заступится, — сказал сельчанин. — Полагаю, впрочем, что я вас еще недостаточно обидел — у меня чешутся руки спустить с вас шкуру, чего вы как раз и опасались.

Однако ж в конце концов он отвязал его и позволил отправиться на поиски своего защитника. Пастушонок с кислую миною удалился, поклявшись сыскать доблестного Дон Кихота Ламанчского и во всех подробностях рассказать ему о том, что произошло, дабы он принудил хозяина заплатить сторицей. Как бы то ни было, Андрес ушел в слезах, а хозяин посмеивался. Тем временем доблестный Дон Кихот, заступившись таким образом за обиженного, в восторге от этого происшествия, которое показалось ему великолепным и счастливым началом рыцарских его подвигов, и весьма довольный собою, ехал к себе в село и вполголоса говорил:

— По праву можешь ты именоваться счастливейшею из всех женщин, ныне живущих на земле, о из красавиц красавица Дульсинья Тобосская! Судьбе угодно было превратить в послушного исполнителя всех прихотей твоих и желаний столь отважного и столь славного рыцаря, каков есть и каким будет всегда Дон Кихот Ламанчский; всем известно, что только вчера вступил он в рыцарский орден, а сегодня уже искоренил величайшее

зло и величайшее беззаконие, какие когда-либо вкуче с жестокостью творила неправда, — ныне он вырвал бич из рук этого изверга, что истязал ни в чем не повинного слабого отрока.

Тут он приблизился к тому месту, где скрещивались четыре дороги, и воображению его тотчас представились странствующие рыцари, имевшие обыкновение останавливаться на распутье и размышлять о том, по какой дороге ехать; и в подражание им он тоже постоял, постоял, а затем, пораскинув умом, опустил поводья и всецело положился на Росинанта, Росинант же не изменил первоначальному своему намерению, то есть избрал путь, который вел прямо в его конюшню. Дон Кихот проехал уже около двух миль, когда глазам его открылось великое скопление народа. Как выяснилось впоследствии, то были толедские купцы, направлявшиеся за шелком в Мурсию¹. Их было шестеро, и ехали они под зонтиками, в сопровождении семи слуг, из коих четверо сидели верхами, а трое шли пешком и погоняли мулов. Завидев их, Дон Кихот тут же вообразил, что его ожидает новое приключение; между тем он задался целью по возможности действовать так, как действуют в романах, потому-то и почел он уместным одно из подобных деяний совершить теперь же. Того ради он вытянулся на стременах, сжал в руке копьё, заградился щитом и в ожидании странствующих рыцарей, за каковых он принимал и почитал толедских купцов, с крайне независимым и гордым видом остановился на самой дороге; когда же те подъехали к нему так близко, что могли видеть и слышать его, Дон Кихот принял воинственную позу и возвысил голос:

— Все, сколько вас ни есть, — ни с места, до тех пор, пока все, сколько вас ни есть, не признают, что, сколько бы ни было красавиц на све-

¹ Мурсия — область на юго-востоке Испании.

те, прекраснее всех ламанчская императрица Дульсинья Тобосская!

При этих речах и при виде произносившего их человека столь странной наружности купцы остановились; и хотя по его речам и наружности они тотчас догадались, что он сумасшедший, однако ж им захотелось выведать у него исподволь, зачем понадобилось ему признание, которого он от них добивался, и тут один из купцов, склонный к зубоскальству и очень даже себе на уме, молвил:

— Сеньор кавальеро! Мы не знаем, кто эта почтенная особа, о которой вы толкуете. Покажите нам ее, и если она в самом деле так прекрасна, как вы утверждаете, то мы охотно и добровольно исполним ваше повеление и засвидетельствуем эту истину.

— Если я вам ее покажу, — возразил Дон Кихот, — то что вам будет стоять засвидетельствовать непреложную истину? Все дело в том, чтобы, не видя, уверовать, засвидетельствовать, подтвердить, присягнуть и стать на защиту, а не то я вызову вас на бой, дерзкий и надменный сброд! Выходите по одному, как того требует рыцарский устав, или же, как это водится у подобного сорта людишек, верные дурной своей привычке, нападите все вдруг. С полным сознанием своей правоты я встречу вас грудью и дам надлежащий отпор.

— Сеньор кавальеро! — снова заговорил купец. — От имени всех присутствующих здесь вельмож я обращаюсь к вам с покорной просьбой: чтобы нам не отягощать свою совесть свидетельством в пользу особы, которую мы сроду не видели и о которой ровно ничего не слыхали, будьте так любезны, ваша милость, покажите нам какой ни на есть портрет этой особы, хотя бы величиною с пшеничное зерно: ведь по щетинке узнается свинка, тогда мы совершенно уверимся, почтем себя вполне удовлетворенными и, в свою очередь, не останемся у вас в долгу и ублаготворим вашу ми-

дость. Признаюсь, мы и без того уже очарованы ею, и если б даже при взгляде на портрет нам стало ясно, что упомянутая особа на один глаз крива, а из другого у нее сочатся киноварь и сера, все равно в угоду вашей милости мы признаем за ней какие угодно достоинства.

— Подлая тварь! — пылая гневом, вскричал Дон Кихот. — Это небесное создание источает лишь амбру и мускус. И вовсе она не крива и не горбата, а стройна, как ледяная игла Гуадаррамы¹. Вы же мне сейчас заплатите за величайшее кощунство, ибо вы опорочили божественную красоту моей повелительницы.

С этими словами он взял копьё наперевес и с такой яростью и ожесточением ринулся на своего собеседника, что если бы, на счастье дерзкого купца, Росинант по дороге не споткнулся и не упал, то ему бы не поздоровилось. Итак, Росинант упал, а его хозяин отлетел далеко в сторону; хотел встать и не мог: копьё, щит, шпоры, шлем и тяжеловесные старинные доспехи связали его по рукам и ногам. Между тем, тщетно пытаясь подняться, он все еще кричал:

— Стойте, жалкие трусы! Презренные холопы, погодите! Ведь я не по своей вине упал, а по вине моего коня.

Тут один из погонщиков, особым смирением, как видно, не отличавшийся, заметив, что потерпевший крушение продолжает их поносить, не выдержал и вместо ответа вознамерился пересчитать ему ребра. Он подскочил к нему, выхватил у него из рук копьё, разломал на куски и одним из этих кусков, невзирая на доспехи, измолотил его так, точно это был сноп пшеницы. Хозяева унимали погонщика, но погонщик хватал один кусок копьёя за другим и обламывал их об несчастного рыцаря, растянувшегося на зем-

¹ *Гуадаррама* — горная цепь в Кастилии.

ле, — рыцарь же, между тем как на него все еще сыпался град ударов, не умолкал ни на секунду, грозя отомстить небу, земле и купцам, коих он принимал теперь за душегубов.

Наконец погонщик устал, и купцы, на все время путешествия запасшись пищею для разговоров, каковою должен был им служить бедный избитый рыцарь, поехали дальше. А рыцарь, оставшись один, снова попробовал встать; но если уж он не мог подняться, будучи целым и невредимым, то мог ли он это сделать теперь, когда его измолотили до полусмерти? И все же ему казалось, что он счастлив, — он полагал, что это обычное злоключение странствующего рыцаря, в коем к тому же повинен был его конь. Вот только он никакими силами не мог встать — уж очень болели у него все кости.

Глава VI

О втором выезде доброго нашего рыцаря Дон Кихота Ламанчского

В это самое время послышался голос Дон Кихота.

— Сюда, сюда, отважные рыцари! — кричал он. — Пора вам выказать силу ваших доблестных дланей, не то придворные рыцари возьмут верх на турнире!

Пришлось прекратить осмотр книгохранилища и бежать на шум и грохот.

Войдя к Дон Кихоту в комнату, друзья и домашние его обнаружили, что он уже встал с постели; казалось, он и не думал спать — так он был оживлен: по-прежнему шумел, безумствовал, тыкал во все стороны мечом. Его схватили и насильно уложили в постель. Тут он несколько успокоился и, обратившись к священнику, молвил:

— Какой позор, — не правда ли, сеньор архиепископ Турпин¹, — что так называемые Двена-

¹ *Архиепископ Турпин* — герой средневековых легенд.

дцать Пэров ни с того ни с сего уступили пальму первенства на турнире придворным рыцарям, тогда как мы, странствующие рыцари, три дня подряд пожинали плоды победы!

— Полно, ваша милость, полно, любезный друг, — заговорил священник. — Бог даст, все обойдется, — что упущено сегодня, то всегда можно наверстать завтра, а теперь, ваша милость, подумайте о своем здоровье: сдается мне, вы очень устали, а может быть, даже ранены.

— Ранен-то я не ранен, — возразил Дон Кихот, — а что меня избили и поколотили, в этом нет сомнения: на меня бросился с дубиной Роланд — и все из зависти, ибо единственно, кто не уступит ему в храбрости, так это я. Но не будь я Ринальд Монтальванский¹, если, встав с этого ложа, я ему не отомщу, несмотря на все его чары. А пока что принесите мне поесть — сейчас я ни в чем так не нуждаюсь, как в пище, а уж постоять за себя я сам сумею.

Желание Дон Кихота было исполнено: ему принесли поесть, а затем он снова заснул, прочие же еще раз подивились его сумасбродству.

В ту же ночь стараниями ключницы были сожжены дотла все книги: и те, что валялись на дворе, и те, что еще оставались в комнате; по всей вероятности, вместе с ними сгорели и такие, которые нужно было сдать на вечное хранение в архив, но этому помешали судьба и нерадение учинявшего осмотр, — недаром говорит пословица, что из-за грешников частенько страдают и праведники.

Священник с цирюльником решили, что первое средство от недуга, который овладел их приятелем, — это заложить и замуровать вход в книгохранилище, чтобы, встав с постели, он не нашел его (если, мол, устранить причину, то следствия,

¹ Ринальд Монтальванский — один из Двенадцати Пэров Англии, персонаж «Неистового Роланда» Ариосто.

может статья, отпадут сами собой), а затем объявить ему, что некий волшебник вместе со всеми книгами похитил и комнату. И все это было осуществлено с великим проворством. Два дня спустя Дон Кихот встал с постели и прежде всего пошел взглянуть на свои книги, но, не обнаружив помещения, в котором они находились, стал бродить и шарить по всем комнатам. Несколько раз подходил к тому месту, где раньше была дверь, ощупывал стену, молча обводил глазами комнату. Наконец, после долгих поисков, он спросил ключницу, где находится его книгохранилище. Ключницу же научили, как должно отвечать.

— О каком таком книгохранилище вы говорите, ваша милость? — в свою очередь, спросила она. — Нет у нас теперь ни книг, ни хранилища, все унес дьявол.

— Вовсе не дьявол, а волшебник, — возразила племянница. — После того как вы от нас уехали, ваша милость, на следующую же ночь он прилетел сюда на облаке, спрыгнул с дракона, на котором сидел верхом, и проник в книгохранилище. Не знаю, что он там делал, только немного погодя, гляжу, вылетает через крышу, а в комнатах полно дыму. Пошли мы посмотреть, что он натворил, а уж ни книг, ни комнаты нет и в помине. Одно только мы обе отлично помним: улетающая, этот злой старик громко крикнул, что по злобе, которую он тайно питает к владельцу книг и помещения, он нанес его дому урон и что урон этот впоследствии обнаружится. Еще он сказал, что зовут его мудрый Муньятон.

— Не Муньятон, а Фрестон¹, — поправил ее Дон Кихот.

— Не то Фрестон, не то Фритон, — вмешалась ключница, — помню только, что имя его оканчивается на *тон*.

¹ *Фрестон* — волшебник из романа «Дон Бельянис Греческий».

— Так, так, — подхватил Дон Кихот, — это один мудрый волшебник, злейший мой враг: он меня ненавидит, ибо колдовские чары и тайнопись открыли ему, что по прошествии некоторого времени мне предстоит единоборство с рыцарем, коему он покровительствует, и что, несмотря на все его козни, я одержу над этим рыцарем победу, оттого-то он всеми силами и старается мне досадить. Но да будет ему известно, что ни нарушить, ни обойти предустановленного небесами он не властен.

— Какие же тут могут быть сомнения! — воскликнула племянница. — Но только вот что, дядюшка: кто велит вашей милости лезть в драку? Не лучше ли спокойно сидеть дома, нежели мыкаться по свету и ловить в небе журавля, забывая о том, что коли идешь за шерстью — гляди, как бы самого не обстригли?

— Ах, племянница! — воскликнул Дон Кихот. — Как мало ты во всем этом смыслишь! Прежде нежели меня обстригут, я сам выщиплю и вырву бороду всякому, кто посмеет дотронуться до кончика моего волоса.

Обе женщины, видя, что он гневается, решились более ему не перечить.

Как бы то ни было, целых две недели сидел он спокойно дома, ничем не обнаруживая желаний снова начать колобродить, и в течение этих двух недель у него не раз происходили в высшей степени забавные собеседования с двумя его приятелями, священником и цирюльником. Он уверял их, что в настоящее время мир ни в ком так не нуждается, как в странствующих рыцарях, и что странствующему рыцарству суждено воскреснуть в его лице. Священник, полагая, что его можно вразумить не иначе, как пустившись на хитрости, в иных случаях спорил с ним, в иных — соглашался.

Одновременно Дон Кихот вступил в переговоры с одним своим односельчанином. Это был че-

ловек добропорядочный (если только подобное определение применимо к людям, которые не могут похвастаться изрядным количеством всякого добра), однако ж мозги у него были сильно набекрень. Дон Кихот такого ему наговорил, такого наобещал и так сумел его убедить, что в конце концов бедный хлебопашец дал слово отправиться вместе с ним в качестве его оруженосца. Между прочим, Дон Кихот советовал ему особенно не мешкать, ибо вполне, дескать, может случиться, что он, Дон Кихот, в мгновение ока завоюет какой-нибудь остров и сделает его губернатором такового. Подобные обещания соблазнили Санчо Пансу — так звали нашего хлебопашца, — и он согласился покинуть жену и детей и стать оруженосцем своего односельчанина.

Затем Дон Кихот принялся раздобывать деньги, кое-что продал, кое-что заложил с большим для себя убытком и в конце концов собрал значительную сумму. Кроме того, он взял на время у одного из своих приятелей круглый щит и, починив, как мог, разбитый свой шлем, предупредил оруженосца Санчо о дне и часе выезда, чтобы тот успел запастись всем необходимым, а главное, не забыл взять с собой дорожную суму. Санчо дал слово, что не забудет, но, сославшись на то, что он не мастак ходить пешком, объявил, что у него есть очень хороший осел и что он поедет на нем. Это обстоятельство слегка озадачило Дон Кихота: он перебирал в памяти, были ли у кого-нибудь из странствующих рыцарей такой оруженосец, который прибегал к ослиному способу передвижения, но так и не припомнил; однако в надежде, что ему не замедлит представиться случай отбить коня у первого же неучтливового рыцаря, который встретится ему на пути, и передать это куда более почтенное четвероногое во владение своему оруженосцу, он позволил Санчо Пансе взять осла. По совету хо-

зяина постоянного двора Дон Кихот запасся сорочками и всем, чем только мог. Когда же все было готово и приведено в надлежащий вид, Дон Кихот, не простившись ни с племянницей, ни с ключницей, в сопровождении Санчо Пансы, который тоже не простился ни с женой, ни с детьми, однажды ночью тайком выехал из села; и за ночь им удалось отъехать на весьма значительное расстояние, так что, когда рассвело, они почувствовали себя в полной безопасности: если б и снарядили за ними погоню, то все равно уже не настигли бы их.

Санчо Панса не забыл приторочить суму и бурдюк, и теперь он, горя желанием сделаться губернатором обещанного острова, как некий патриарх, восседал на осле. Между тем Дон Кихот избрал тот же самый путь и двинулся по той же дороге, по какой ехал он в прошлый раз, то есть по Монтельской равнине, только теперь он чувствовал себя несравненно бодрее, ибо время было еще раннее и косые лучи солнца не очень его беспокоили. Тут-то и обратился Санчо Панса к своему господину:

— Смотрите же, ваша милость, сеньор странствующий рыцарь, не забудьте, что вы мне обещали насчет острова, а уж я с каким угодно островом управлюсь.

Дон Кихот ему на это сказал:

— Надобно тебе знать, друг мой Санчо Панса, что в былые времена странствующие рыцари имели обыкновение назначать правителями завоеванных ими островов и королевств своих же собственных оруженосцев, а уж за мной дело не станет, ибо я положил восстановить похвальный этот обычай. Более того, я намерен пойти еще дальше: прежде рыцари иной раз, а пожалуй, даже и всякий раз ждали, пока их оруженосцы состарятся, и лишь по прошествии многих беспокойных дней и еще менее спокойных ночей,

когда тем уже не под силу становилось служить, присваивали им титул графа или в лучшем случае маркиза и вводили их во владение землей или какой-нибудь захудалой провинцией. Если же мы с тобой будем живы и здоровы, то легко может случиться, что не пройдет и недели, как я уже завоюю королевство, коему подвластно еще несколько королевств, и какое из них тебе понравится, тем я тебя, короновав, и пожалую. И пусть это тебя не удивляет: с рыцарями творятся дела необыкновенные и происходят случаи непредвиденные, так что мне ничего не будет стоить наградить тебя еще чем-нибудь сверх того, что я обещал.

— Выходит, стало быть, так, — заключил Санчо Панса, — что если я каким-нибудь чудом стану королем, то моя благоверная станет по меньшей мере королевой, а детки мои инфантами?

— Кто же в этом сомневается? — возразил Дон Кихот.

— Да я первый, — отвечал Санчо Панса. — Ведь если б даже Господь устроил так, чтобы королевские короны сыпались на землю дождем, и тогда, думается мне, ни одна из них не пришлась бы по мерке моей супружнице. Уверяю вас, сеньор, что королевы из нее нипочем не выйдет. Графиня — это еще так-сяк, да и то бабушка надвое сказала.

— Уповай, Санчо, не на какую-то неведомую бабушку, а на Бога, — сказал Дон Кихот, — и он наградит твою жену тем, что ей более всего подходит. Ты же не роняй своего достоинства и готовься занять пост генерал-губернатора, а на меньшем ни в коем случае не мирись.

— Ни за что не помирюсь, государь мой, — сказал Санчо. — Такой важный господин, как вы, ваша милость, всегда сумеет выбрать для меня что-нибудь такое, что придется мне по плечу и по нраву.

О славной победе, одержанной доблестным Дон Кихотом в страшной и доселе неслыханной битве с ветряными мельницами, равно как и о других событиях, о которых мы не без приятности упомянем

Тут глазам их открылось не то тридцать, не то сорок ветряных мельниц, стоявших среди поля, и как скоро увидел их Дон Кихот, то обратился к своему оруженосцу с такими словами:

— Судьба руководит нами как нельзя лучше. Посмотри, друг Санчо Панса: вон там виднеются тридцать, если не больше, чудовищных великанов, — я намерен вступить с ними в бой и перебить их всех до единого, трофеи же, которые нам достанутся, явятся основой нашего благосостояния. Это война справедливая: стереть дурное семя с лица земли — значит верой и правдой послужить Богу.

— Где вы видите великанов? — спросил Санчо Панса.

— Да вон они, с громадными руками, — отвечал его господин. — У некоторых из них длина рук достигает почти двух миль.

— Помилуйте, сеньор, — возразил Санчо, — то, что там виднеется, — вовсе не великаны, а ветряные мельницы, то же, что вы принимаете за их руки, — это крылья: они кружатся от ветра и приводят в движение мельничные жернова.

— Сейчас видно неопытного искателя приключений, — заметил Дон Кихот. — Это великаны. И если ты боишься, то отъезжай в сторону и помолись, а я тем временем вступлю с ними в жестокий и неравный бой.

С последним словом, не внемля голосу Санчо, который предупреждал его, что не с великанами едет он сражаться, а, вне всякого сомнения, с ветряными мельницами, Дон Кихот дал Росинанту шпоры. Он был совершенно уверен, что это великаны, а потому, не обращая внимания

на крики оруженосца и не видя, что́ перед ним, хотя находился совсем близко от мельниц, громко восклицал:

— Стойте, трусливые и подлые твари! Ведь на вас нападает только один рыцарь.

В это время подул легкий ветерок, и, заметив, что огромные крылья мельниц начинают кружиться, Дон Кихот воскликнул:

— Машите, машите руками! Если б у вас их было больше, чем у великана Бриарей¹, и тогда пришлось бы вам поплатиться!

Сказавши это, он всецело отдался под покровительство госпожи своей Дульсиinei, обратился к ней с мольбою помочь ему выдержать столь тяжкое испытание и, заградившись щитом и пустив Росинанта в галоп, вонзил копьe в крыло ближайшей мельницы; но в это время ветер с такой бешеной силой повернул крыло, что от копья остались одни щепки, а крыло, подхватив и коня и всадника, оказавшегося в весьма жалком положении, сбросило Дон Кихота на землю. На помощь ему во весь ослиный мах поскакал Санчо Панса и, приблизившись, удостоверился, что он не может пошевелиться — так тяжело упал он с Росинанта.

— Ах ты Господи! — воскликнул Санчо. — Не говорил ли я вашей милости, чтобы вы были осторожнее и что это всего-навсего ветряные мельницы? Их никто бы не спутал, разве тот, у кого ветряные мельницы кружатся в голове.

— Помолчи, друг Санчо, — сказал Дон Кихот. — Должно заметить, что нет ничего изменчивее военных обстоятельств. К тому же я полагаю, и не без основания, что мудрый Фрестон, тот самый, который похитил у меня книги вместе с помещением, превратил великанов в ветряные мельницы, чтобы лишить меня плодов победы, — так

¹ Бриарей — мифический сторукий великан.

он меня ненавидит. Но рано или поздно злые его чары не устоят пред силою моего меча.

— Это уж как Бог даст, — заметил Санчо Панса. Он помог Дон Кихоту встать и усадил его на Росинанта, который тоже был чуть жив. Продолжая обсуждать недавнее происшествие, они поехали по дороге к Ущелью Лаписе, ибо Дон Кихот не мог упустить множество разнообразных приключений, какое, но его словам, на этом людном месте их ожидало; одно лишь огорчало его — то, что он лишился копья, и, поведав горе свое оруженосцу, он сказал:

— Помнится, я читал, что один испанский рыцарь по имени Дьего Пёрес де Варгас, утратив в бою свой меч, отломил от дуба громадный сук и отдубасил и перебил в этот день столько мавров, что ему потом дали прозвище Дубас, и с тех пор он и его потомки именуются Варгас-Дубас. Все это я говорю к тому, что я тоже намерен отломить сук от первого же дуба, который попадется мне по дороге, такой же величины, какой, я себе представляю, должен был быть у Варгаса, и при помощи этого сука совершить такие подвиги, что ты почтешь себя избранником судьбы, ибо удостоился чести быть очевидцем и свидетелем деяний, которые впоследствии могут показаться невероятными.

— Все в руках Божиих, — заметил Санчо. — Я верю всему, что говорит ваша милость. Только сядьте прямее, а то вы все как будто съезжаете набок — верно, оттого, что ушиблись, когда падали.

— Твоя правда, — сказал Дон Кихот, — и если я не стону от боли, то единственно потому, что странствующим рыцарям в случае какого-либо ранения стонать не положено, хотя бы у них вываливались кишки.

— Коли так, то мне возразить нечего, — сказал Санчо, — но доведись до меня, так я начну стонать от самой пустячной боли, если только

этот закон не распространяется и на оруженосцев странствующих рыцарей.

Дон Кихот не мог не посмеяться простодушию своего оруженосца, а затем объявил, что тот волен стонать, когда и сколько ему вздумается, как по необходимости, так и без всякой необходимости, ибо в рыцарском уставе ничего на сей предмет не сказано. Санчо напомнил Дон Кихоту, что пора закусить. Дон Кихот сказал, что ему пока не хочется, а что Санчо может есть, когда ему заблагорассудится. Получив позволение, Санчо со всеми удобствами расположился на осле, вынул из сумки ее содержимое и принялся закусывать; он плелся шагком за своим господином, время от времени со смаком потягивал из бурдюка, и поиски приключений, пусть даже опасных, казались ему уже не тяжелой повинностью, но сплошным праздником.

Эту ночь они провели под деревьями. От одного из них Дон Кихот отломил засохший сук и приставил к нему железный наконечник — таким образом у него получилось нечто вроде копья. Стараясь во всем подражать рыцарям, которые, как это ему было известно из книг, не спали ночей в лесах и пустынях, тешась мечтой о своих повелительницах, Дон Кихот всю ночь не смыкал глаз и думал о госпоже своей Дульсинее. Совсем по-иному провел ее Санчо Панса: наполнив себе брюхо отнюдь не цикорной водой¹, он мертвым сном проспал до утра, и, не разбудив его Дон Кихот, он еще не скоро проснулся бы, хотя солнце давно уже било ему прямо в глаза, а множество птиц веселым щебетом приветствовало наступивший день. Наконец Санчо встал и, не замедлив глотнуть из бурдюка, обнаружил, что бурдюк слегка осунулся со вчерашнего дня; это было для него весьма огорчительно, ибо он понимал, что в ближайшее время вряд ли могла

¹ Цикорная вода — снотворное средство.

ему представиться возможность пополнить запас. Дон Кихот не пожелал завтракать — как уже было сказано, он питался одними сладостными мечтами. Оба выехали на дорогу, и около трех часов пополудни вдали показалось Ущелье Лаписе.

— Здесь, брат Санчо, — завидев ущелье, сказал Дон Кихот, — мы, что называется, по локоть запустим руки в приключения. Но предупреждаю: какая бы опасность мне ни грозила, ты не должен браться за меч, разве только ты увидишь, что на меня нападают люди низкого звания: в сем случае ты волен оказать мне помощь. Если же это будут рыцари, то, по законам рыцарства, ты не должен и не имеешь никакого права за меня вступаться, пока ты еще не посвящен в рыцари.

— Насчет этого можете быть уверены, сеньор: я из повиновения не выйду, — сказал Санчо. — Тем более, нрав у меня тихий: лезть в драку, затевать перепалку — это не мое дело. Вот если кто-нибудь затронет мою особу, тут уж я, по правде сказать, на рыцарские законы не погляжу, ибо и божеские, и человеческие законы никому не воспрепятствуют обороняться.

— С этим я вполне согласен, — сказал Дон Кихот. — Тебе придется сдерживать естественные свои порывы только в том случае, если на меня нападут рыцари.

— Непременно сдержу, — сказал Санчо. — Для меня это установление будет священно, как воскресный отдых.

Они все еще продолжали беседовать, когда впереди показались два монаха-бенедиктинца верхом на верблюдах — именно на верблюдах, иначе не скажешь, такой невероятной величины достигали их мулы. Монахи были в дорожных очках и под зонтиками. Двое слуг шли пешком и погоняли мулов, а позади ехала карета в сопровождении не то четырех, не то пяти верховых. Как выяснилось впоследствии, в карете сидела

дама из Бискайи — ехала она в Севилью, к мужу, который собирался в Америку, где его ожидала весьма почетная должность, монахи же были ее случайными спутниками, а вовсе не провожатыми. Но Дон Кихот, едва завидев их, тотчас же сказал своему оруженосцу:

— Если я не ошибаюсь, нас ожидает самое удивительное приключение, какое только можно себе представить. Вон те черные страшилища, что показались вдали, — это, само собой разумеется, волшебники: они похитили принцессу и увозят ее в карете, мне же во что бы то ни стало надлежит расстроить этот злой умысел.

— Как бы не вышло хуже, чем с ветряными мельницами, — заметил Санчо. — Полноте, сеньор: это же братья-бenedиктинцы, а в карете, уж верно, едут какие-нибудь путешественники. Право, ваша милость, послушайте вы меня и одумайтесь, а то вас опять лукавый попутает.

— Я уже говорил тебе, Санчо, что ты еще ничего не смыслишь в приключениях, — возразил Дон Кихот. — Я совершенно прав, и сейчас ты в этом удостоверись.

Тут он выехал вперед, остановился посреди дороги и, когда монахи очутились на таком близком расстоянии, что им должно было быть слышно его, громким голосом заговорил:

— Бесноватые чудовища! Сей же час освободите благородных принцесс, которых вы насильно увозите в карете! А не то готовьтесь принять скорую смерть, как достойную кару за свои злодеяния!

Монахи натянули поводья и, уstraшенные видом Дон Кихота и речами его, ответили ему так:

— Сеньор кавальеро! Мы не бесноватые чудовища, мы бенедиктинские иноки, едем по своим надобностям, и есть ли в карете похищенные принцессы или нет — про то мы не ведаем.

— Сладкими речами вы меня не улестите. Знаю я вас, вероломных негодяев, — сказал Дон Кихот.

Не дожидаясь ответа, он пришпорил Росинанта и с копьём наперевес, вне себя от ярости, отважно ринулся на одного из монахов, так что если б тот загодя не слетел с мула, то он принудил бы его к этому силой, да еще вдобавок тяжело ранил бы его, а может, и просто убил. Другой монах, видя, как обходятся с его спутником, вонзил пятки в бока доброго своего мула и помчался легче ветра.

Тем временем Санчо Панса мигом соскочил с осла, кинулся к лежавшему на земле человеку и принялся снимать с него одеяние. В ту же секунду к нему подбежали два погонщика и спросили, зачем он раздевает его. Санчо Панса ответил, что эти трофеи по праву принадлежат ему, ибо сражение выиграл его господин Дон Кихот. Погонщики шуток не понимали и не имели ни малейшего представления о том, что такое сражения и трофеи; воспользовавшись тем, что Дон Кихот подъехал к карете и заговорил с путешественницей, они бросились на Санчо, сшибли его с ног и надавали ему таких пинков, что он, бесчувственный и бездыханный, остался лежать на земле. Перепуганный же и оторопелый монах, бледный как полотно, не теряя драгоценного времени, сел на своего мула и поскакал туда, где, издали наблюдая за всей этой кутерьмой, поджидал его спутник, а затем оба, не дожидаясь развязки, поехали дальше и при этом так усердно крестились, точно по пятам за ними гнался сам дьявол.

Между тем Дон Кихот, как уже было сказано, вступил в разговор с сидевшей в карете дамой.

— Сеньора! — так начал он. — Ваше великолепие может теперь располагать собою как ему заблагорассудится, ибо заносчивость ваших похитителей сметена и повержена в прах мощною моею дланью. А дабы вы не мучились тем, что не знаете

имени своего избавителя, я вам скажу, что я — Дон Кихот Ламанчский, странствующий рыцарь и искатель приключений, прельщенный несравненною красавицею Дульсинеей Тобосскою. И в награду за оказанную вам услугу я хочу одного: поезжайте в Тобосо, к моей госпоже, скажите ей, что вы от меня, и поведайте ей все, что я совершил, добываясь вашего освобождения.

Едва успел Дон Кихот вымолвить это, как один из слуг, сопровождавший даму, родом бискаец, видя, что Дон Кихот не пропускает карету и требует, чтобы они возвращались обратно и ехали в Тобосо, приблизился к нему и, схватившись за его копьё, на дурном кастильском и отвратительном бискайском наречиях сказал ему следующее:

— Ходи прочь, кавальеро, чтоб тебе нет пути! Клянусь создателем: не выпускать карету, так я тебя убьешь, не будь я бискаец!

Дон Кихот прекрасно понял его.

— Если б ты был не жалкий холоп, а кавальеро, — невозмутимо заметил он, — я бы тебя наказал за твое безрассудство и наглость.

Бискаец же ему на это сказал:

— Я — не кавальеро? Клянусь Богом, ты врешь, как христианин. А ну бросай копьё, хватай меч — будем смотреть, кого кто! Бискаец — он тебе и на суше, и на море, и черт его знает где идальго. Наоборот скажешь — враль будешь.

— Ну, это мы еще посмотрим, — молвил Дон Кихот.

Швырнув копьё наземь, он выхватил меч, заградился щитом и с твердым намерением уложить бискайца на месте бросился на него. Бискаец же, смекнув, что дело принимает дурной оборот, хотел было спешиться, ибо мул, на котором он путешествовал, скверный наемный мул, не внушал ему доверия, но он успел только выхватить меч; по счастливой случайности он находился возле самой кареты; воспользовавшись этим, он вытащил по-

душку и прикрылся ею, как щитом. Те, кто при сем присутствовал, тщетно пытались их поми- рить, — бискаец кричал на своем ломаном языке, что если ему не дадут сразиться, то он убьет свою госпожу и всех, кто станет ему поперек дороги. Си- девшая в карете дама, пораженная и напуганная происходящим, велела кучеру отъехать в сторону и стала издали наблюдать за жестокой битвой.

Решительный вид, с каким Дон Кихот перешел в наступление, красноречиво свидетельствовал об охватившем его гневе, а потому бискаец почел за нужное изготавиться к обороне. Он прижал подушку к груди, но с места не сдвинулся, ибо ни туда ни сюда не мог повернуть своего мула, кото- рый по причине крайнего утомления и от непри- вычки к подобного рода дурачествам не в силах был пошевелить ногой. Словом, как уже было ска- зано, Дон Кихот, высоко подняв меч, дабы разру- бить изворотливого бискайца пополам, наступал на него, бискаец защитился подушкой и тоже вы- соко поднял меч; испуганные зрители с замирани- ем сердца ждали, что будет, когда опустятся эти мечи, сокрушительным ударом грозившие один другому, меж тем как дама в карете вместе со сво- ими служанками призывала на помощь силы не- бесные и давала Богу обещание пожертвовать на все святыни и внести вклад во все испанские мо- настыри, только бы он отвел от бискайца и от них самих столь великую опасность.

Первым нанес удар вспыльчивый бискаец, и при этом с такой силой и яростью, что, не повер- нись у него в руке меч, один этот удар мог бы по- ложить конец жестокой схватке и всем при- ключениям нашего рыцаря; но благая судьба, хранившая Дон Кихота для более важных дел, по- вернула меч в руке его недруга так, что хотя удар и пришелся ему в левое плечо, однако ж особого уцербана не причинил, за исключением разве того, что сорвал с левого бока доспехи и мимоходом рас-

сек ему ухо и шлем. Доспехи с ужасающим грохотом рухнули наземь, и в эту минуту рыцарь наш являл собою весьма жалкое зрелище.

Боже ты мой, есть ли на свете такой человек, который мог бы найти подходящие выражения, чтобы передать гнев, обуявший нашего ламанчца, когда он увидел, как с ним обошлись! Нет, лучше прямо обратиться к рассказу. Итак, Дон Кихот снова привстал на стременах и, еще крепче сжимая обеими руками меч, с таким бешенством ударил бискайца наотмашь по подушке и по голове, что, несмотря на эту надежную защиту, у бискайца было такое чувство, точно на него обрушилась гора; кровь хлынула у него из носа, изо рта, из ушей, он покачнулся и, конечно, полетел бы с мула, если б ему не удалось обхватить его за шею, но в это самое время ноги выскользнули у него из стремян, руки он растопырил, а мул, напуганный страшным ударом, отчаянно брыкаясь, помчался вперед и очень скоро сбросил седока наземь.

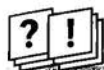
Дон Кихот с самым невозмутимым видом взирал на происходящее; когда же бискаец упал, он соскочил с коня, мгновенно очутился возле своего недруга и, поднеся острие меча к его глазам, велел сдаваться, пригрозив в противном случае отрубить ему голову. Бискаец был так ошарашен, что не мог выговорить ни слова; и ему, уж верно, не поздоровилось бы (ибо Дон Кихот не помнил себя от ярости), если б находившиеся в карете женщины, до тех пор в полной растерянности следившие за потасовкой, не подошли к нашему рыцарю и не принялись неотступно молить его сделать им такую милость и одолжение — пощадить их слугу. Дон Кихот же им на это с большим достоинством и важностью ответил:

— Прекрасные сеньоры! Разумеется, я весьма охотно исполню вашу просьбу, но с одним условием и оговоркой: рыцарь этот должен мне обещать, что он отправится в город, именуемый То-

босо, к несравненной донье Дульсинее, и скажет, что это я послал его к ней, а уж она поступит с ним, как ей заблагорассудится.

Перепуганные и удрученные дамы, не вникнув в то, чего он от них требовал, и даже не узнав, кто такая эта Дульсинея, обещали, что слуга в точности исполнит его приказание.

— Ну хорошо, верю вам на слово, — сказал Дон Кихот. — Больше я не причиню ему зла, хотя он этого вполне заслуживает.

Вопросы и задание:

Прочитайте роман «Дон Кихот» целиком и ответьте на следующие вопросы:

1. Что вы узнали о главном герое? Кто он? Что заставило его отправиться в путешествие?
2. Как и при каких обстоятельствах состоялось посвящение Дон Кихота в рыцари?
3. Что соблазнило Санчо Пансу в предложении Дон Кихота стать его оруженосцем?
4. Когда и как состоялась славная победа, одержанная доблестным Дон Кихотом в страшной и доселе невиданной битве с ветряными мельницами?
5. Какие приключения идальго произошли на постоялом дворе, который он принял за средневековый замок?
6. Какое великое приключение было ознаменовано ценным приобретением рыцарского шлема?
7. Чем окончилось для героев освобождение каторжников?
8. Что случилось с Дон Кихотом в замке герцога?
9. Как Санчо Панса управлял островом и чем это кончилось?
10. Каким образом и при каких обстоятельствах Дон Кихот возвратился домой? Какие изменения произошли в нем?

Самостоятельная работа

1. Сравните Дон Кихота и Санчо Пансу.

«На первый взгляд, Санчо Панса полная противоположность своему господину. Но в то же время между ними есть глубокое внутреннее сходство, делающее их сыновьями одного народа...»

«Без Дон Кихота немислим Санчо Панса, так же как без Санчо Пансы немислим Дон Кихот»¹.

В чем проявляется их противоположность и глубокое внутреннее сходство?

2. Чем близок и дорог роман Сервантеса «Дон Кихот» людям нашего времени?

Для любознательных

Прочитайте отрывок из произведения «100 великих книг»² и ответьте на заданные вопросы.

Сервантес. «Дон Кихот»

Дон Кихот — популярнейший образ мировой литературы, один из немногих, которому ставят памятники (наиболее известный сооружен в Мадриде, а копия его — дар испанского народа — поставлена в Москве). Но он же — один из неразгаданных по сей день образов. Кто он? Чудак и фантазер? Безусловно! Но у Рыцаря Печального Образа, оказывается, есть выстраданная философия, принадлежащая, разумеется, самому автору. Она четко и подробно прописана в 1-й части романа. О ней редко вспоминают, хотя именно здесь кроется ключ к правильному пониманию и самого произведения, и его фабулы.

Концептуальный аспект содержится в рассуждениях Дон Кихота об идеалах Золотого века. Они утрачены, но не безвозвратно. И миссию по их возвращению как раз и берет на себя герой бессмертного романа Сервантеса:

— Блаженны времена и блажен тот век, который древние называли Золотым, — и не потому, чтобы золото, в наш Железный век представляющее собой такую огромную ценность, в ту счастливую пору доставалось даром, а потому, что

¹ Кéльин Ф. В. Сервантес. «Дон Кихот». — М., 1961. — С. 22.

² Абра́мов Ю. А., Дёмин В. Н. 100 великих книг. — М., 2001.

жившие тогда люди не знали двух слов: твое и мое. В те благословенные времена все было общее. Для того, чтоб добыть себе дневное пропитание, человеку стоило лишь вытянуть руку и протянуть ее к могучим дубам, и ветви их тянулись к нему и сладкими и спелыми своими плодами щедро его одаряли. Быстрые реки и светлые родники утоляли его жажду роскошным изобилием приятных на вкус и прозрачных вод. Мудрые и трудолюбивые пчелы основывали свои государства в расселинах скал и в дуплах деревьев и безвозмездно потчевали любого просителя обильными плодами сладчайших своих трудов. <...> Правдивость и откровенность свободны были от примеси лжи, лицемерия и лукавства. <...>

С течением времени мир все более и более наполнился злом, и вот, дабы охранять их, и учредили наконец орден странствующих рыцарей, в обязанности коего входит защищать девушек, опекать вдов, помогать сирым и неимущим. К этому ордену принадлежу и я. <...>

Кредо Дон Кихота: «Я по воле небес родился в наш Железный век, дабы воскресить Золотой». Чуть позже он добавит: «Я принял обет рыцарства и дал клятву защищать обиженных и утесняемых власть имущими». Если взглянуть на хрестоматийные эпизоды романа сквозь призму приведенных утверждений, то, согласитесь, все они будут смотреться уже по-другому. И защита мальчика от побоев хозяина, и освобождение каторжников, и сражение с несметными полчищами воображаемых злодеев, — все это отчаянные попытки вернуться к утраченным идеалам Золотого века.

Дон Кихот — герой-одиночка, но действует он не в вакууме. Его окружает целый сонм других персонажей (подсчитано, что в романе выведено 669 действующих лиц). И среди них, конечно же, верный оруженосец Санчо Панса, чье имя стало таким же нарицательным, как и его хозяи-

на. Образ испанского крестьянина вместе с Дон Кихотом увековечен в бронзе мадридского и московского памятников. Санчо — прямая противоположность Рыцарю Печального Образа: он абсолютно приспособлен ко всем перипетиям суровой жизни; крестьянский практицизм и природная смекалка позволяют ему вывернуться из любой неблагоприятной ситуации.

Но есть и то главное, что роднит двух героев, принадлежащих к разным сословиям: Санчо также не теряет веры в лучшее будущее и искренне надеется, что завтрашний день станет лучше вчерашнего. Однажды его наивные надежды, казалось, были близки к осуществлению. Волею судеб... Санчо становится губернатором маленького городка, который он принял за обещанный остров. На этой должности за короткое время Санчо Панса благодаря своей практической сметке проявляет недюжинные способности управленца и справедливого судьи. Единственно, чего ему, к сожалению, не удалось, — так это повысить всех донов и распродонов, которые надоели ему и всем хуже всяких комаров. <...>

Трагедия Дон Кихота в том, что он пытался привить кодекс рыцарской чести в условиях, когда о чести и человеколюбии никто и не помышлял, но так было всегда. Неудача и неизбежные вслед за тем насмешки постигли бы Дон Кихота и в нынешние времена так же, как в любую другую эпоху. Потому-то он и бессмертен.

Пройдут тысячелетия. Быть может, многие тысячелетия. Жизнь на земле наверняка изменится. Но вряд ли изменится природа человека; отягченное все теми же недостатками, каждое новое поколение будет по-прежнему повторять ошибки прошлого: завершится атомная эра, обязательно наступит какая-нибудь другая — фотонная, торсионная, телепортационная и еще неизвестно какая. Быть может, и само человечество через секстилли-

оны секстиллионов лет, как предсказывал Циолковский, станет лучистым. Но сколько бы эпох и эр ни прошло и в какие бы дали Вселенной ни забросила судьба наших потомков — их всегда будет сопровождать образ чудака с детской улыбкой на подернутом морщинами лице. И даже на неведомых планетах, в бескрайних просторах Космоса среди посланцев Земли в сияющих скафандрах — нет-нет да и тускло блеснут вдруг помятые латы Дон Кихота. Ведь он так мечтал, чтобы люди стали хоть чуточку лучше, чем они есть на самом деле.

Ответьте на вопросы:

1. Почему авторы отнесли роман Сервантеса «Дон Кихот» к числу 100 великих книг?
2. Какую из прочитанных вами книг вы могли бы назвать великой?

Марк Твен

1835—1910

Вся американская литература вышла из одной книги Марка Твена, которая называется «Гекльберри Финн», лучшей книги, которая у нас есть.

Э. Хемингуэй

О ПИСАТЕЛЕ

Марк Твен — псевдоним Сэмуэля Ленгхорна Клеменса. Он родился в штате Миссури, в многодетной семье провинциального юриста. Детство писателя прошло в захолустном городке Ганнибале, на берегу великой реки Миссисипи, в тех самых местах, которые он впоследствии описал в

своих книгах. После смерти отца двенадцатилетний мальчик начал трудовую жизнь учеником наборщика в типографии местной газеты. Затем он становится лоцманом на речных пароходах, хорошо изучив капризное русло Миссисипи.

Псевдоним писателя связан с его воспоминаниями о годах на лоцманской службе: Марк Твен значит «мерка два». «Марк Твен!» — восклицал матрос на вахте, давая знать лоцману, что судно в этом месте не сядет на мель.

Когда в Соединенных Штатах Америки началась Гражданская война (1861), Марк Твен был зачислен в армию южан. Не желая защищать чуждые ему интересы рабовладельцев, Марк Твен ушел из армии и отправился на Дальний Запад, куда устремлялись в те годы толпы золотоискателей. Тяжелый труд старателя принес Марку Твену одни лишь разочарования. Чтобы не умереть с голоду, отчаявшийся старатель снова находит работу в типографии и мало-помалу превращается в журналиста, а затем печатает в газетах Невады и Калифорнии свои первые юмористические рассказы.

Мировую славу Марк Твен завоевал книгами «Приключения Тома Сойера» (1876) и «Приключения Гекльберри Финна» (1884). Эти произведения, написанные для читателей «всех возрастов», прочно вошли в литературу на правах классических произведений.

Для любознательных

В маленьком американском городке Ганнибале, на одном из холмов, спускающихся к Миссисипи, стоит скульптурная группа, изображающая двух мальчиков. Оживленно разговаривая, они идут куда-то в широкий мир, полный чудес, неожиданностей и приключений. Их зовут Том Сойер и Гекльберри Финн. Они — герои знаменитых книг Марка Твена.

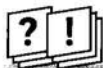
История знает всего несколько случаев, когда памятники воздвигались литературным персонажам — вымышленным, никогда не жившим людям, рожденным творческой мыслью художника.

Скульптура Кардиффского холма — свидетельство огромной жизненности образов, созданных великим американским писателем. Для многих поколений читателей Том Сойер и Гек Финн — это живые люди, знакомство с которыми ни для кого не прошло бесследно.

Дружить с Гекком и Томом читатель обычно начинает в раннем детстве, но и став взрослым, он сохраняет нежность к этим товарищам своих детских лет.

Памятник Тому Сойеру и Гекльберри Финну в г. Ганнибале (США). Скульптор Б. Хэббард

Вопросы и задание:

1. Рассмотрите изображение памятника Тому Сойеру и Гекку Финну. Как вы думаете, в какой момент они изображены?
2. Какие памятники литературным героям вы еще знаете?
3. Каким, по-вашему, героям литературных произведений надо было бы поставить памятники и почему?

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ГЕКЛЬБЕРРИ ФИННА

Главы из романа

Глава XXXIV

Мы перестали разговаривать и принялись думать. Вдруг Том и говорит:

— Слушай, Гек, какие же мы дураки, что не догадались раньше! Ведь я знаю, где Джим сидит.

— Да что ты? Где?

— В том самом сарайчике, рядом с кучей золы. Сообрази сам. Когда мы обедали, ты разве не видел, как один негр понес туда миски с едой?

— Видел.

— А ты как думал, для кого это?

— Для собаки.

— И я тоже так думал. А это вовсе не для собаки.

— Почему?

— Потому что там был арбуз.

— Верно, был, я заметил. Как же это я не сообразил, что собаки арбуза не едят? Это уж совсем никуда не годится! Вот как бывает: и глядишь, да ничего не видишь.

— Так вот: негр отпер висячий замок, когда вошел туда, и опять его запер, когда вышел. А когда мы вставали из-за стола, он принес дяде ключ — тот самый ключ, наверно. Арбуз — это, значит, человек; ключ — значит, кто-то там заперт; а вряд ли двое сидят под замком на такой маленькой плантации, где народ такой добрый и хороший. Это Джим и сидит. Ладно, я очень рад, что мы до этого сами додумались, как полагается сыщикам; за всякий другой способ я гроша ломаного не дам. Теперь ты пошевели мозгами, придумай план, как выкрасть Джима, и я тоже придумаю свой план, а там мы выберем, который больше понравится.

Ну и голова была у Тома Сойера, хоть бы и взрослому! По мне, лучше иметь такую голову, чем быть герцогом, или капитаном парохода, или клоуном в цирке, или уж не знаю кем. Я придумал кой-что так только, ради очистки совести: я наперед знал, кто придумает настоящий план. Немного погодя Том сказал:

— Готово у тебя?

— Да, — говорю.

— Ну ладно, выкладывай.

— Вот какой мой план, — говорю. — Джим там сидит или кто другой — узнать не трудно. А завтра ночью мы достанем мой челнок и переправим плот с острова. А там, в первую же темную ночь, вытащим ключ у старика из кармана, когда он ляжет спать, и уплывем вниз по реке вместе с Джимом; днем будем прятаться, а ночью — плыть, как мы с Джимом раньше делали. Годится такой план?

— Годится ли? Почему ж не годится, очень даже годится! Но только уж очень просто, ничего в нем особенного нет. Что это за план, если с ним никакой возни не требуется? Грудной младенец — и тот справится. Не будет ни шума, ни разговоров, все равно что после кражи на мыловаренном заводе.

Я с ним не спорил, потому что ничего другого и не ждал, зато наперед знал, что к своему плану он так придирается не станет.

И верно, не стал. Он рассказал мне, в чем состоит его план, и я сразу понял, что он раз в пятнадцать лучше моего: Джима-то все равно освободим, зато шику будет куда больше, да еще, может, нас и пристрелят, по его-то плану. Мне очень понравилось. «Давай, говорю, так и будем действовать». Какой у него был план, сейчас говорить не стоит: я наперед знал, что будут еще всякие перемены. Я знал, что Том еще двадцать раз будет менять его и так и эдак, когда приступим к делу, и вставлять при каждом удобном случае всякие новые штуки. Так оно и вышло.

Одно было верно — Том Соьер не шутя взялся за дело и собирается освободить негра из рабства. Вот этого я никак не мог понять. Как же так? Мальчик из хорошей семьи, воспитанный, как будто дорожит своей репутацией, и родные у него тоже вряд ли захотят срамиться; малый с головой, не тупица; учился все-таки, не безграмотный какой-нибудь, и добрый, не назло же он это дела-

ет, — и вот нате-ка — забыл и про гордость, и про самолюбие, лезет в это дело, унижается, срамит и себя и родных на всю Америку! Никак я этого не мог взять в толк. Просто стыдно. И я знал, что надо взять да и сказать все ему напрямик, а то какой же я ему друг! Пускай сейчас же все это бросит, пока еще не поздно. Я так и хотел ему сказать, начал было, а он оборвал меня и говорит:

— Ты что же — думаешь, я не знаю, чего хочу? Когда это со мной бывало?

— Никогда.

— Разве я не говорил, что помогу тебе украсть этого негра?

— Говорил.

— Ну и ладно.

Больше и он ничего не говорил, и я ничего не говорил. Да и смысла никакого не было разговаривать: уж если он что решил, так поставит на своем. Я только не мог понять, какая ему охота соваться в это дело, но не стал с ним спорить, даже и не поминал про это больше. Сам лезет на рожон, так что ж я тут могу поделаться!

Когда мы вернулись, во всем доме было темно и тихо, и мы прошли в конец двора — обследовать хибарку рядом с кучей золы. Мы обошли весь двор кругом, чтобы посмотреть, как будут вести себя собаки. Они нас узнали и лаяли не больше, чем обыкновенно лают деревенские собаки, слышав ночью прохожего. Добравшись до хибарки, мы осмотрели ее спереди и с боков — и с того боку, которого я еще не видел, на северной стороне, нашли квадратное окошечко, довольно высоко от земли, забитое одной крепкой доской.

Я сказал:

— Вот и хорошо! Дыра довольно большая, Джим в нее пролезет, надо только оторвать доску.

Том говорит:

— Ну, это так же просто, как дважды два четыре, и так же легко, как не учить уроков.

По-моему, мы могли бы придумать способ хоть немножко посложней, Гек Финн.

— Ну ладно, — говорю. — А если выпилить кусок стены, как я сделал в тот раз, когда меня убили?

— Это еще на что-нибудь похоже, — говорит он, — это и таинственно, и возни много, и вообще хорошо, только все-таки можно придумать еще что-нибудь, чтобы подольше повозиться. Спешить нам некуда, так давай еще посмотрим.

Между сарайчиком и забором, с задней стороны, стояла пристройка, в вышину доходившая до крыши и сбитая из досок. Она была такой же длины, как и сарайчик, только уже — шириной футов в шесть. Дверь была с южной стороны и заперта на висячий замок. Том пошел к котлу для варки мыла, поискал там и принес железную штуку, которой поднимают крышку котла; он взял ее и выломал один пробой у двери. Цепь упала, мы отворили дверь, вошли, зажгли спичку и видим, что это только пристройка к сарайчику, а сообщения между ними нет; и пола в сарае тоже нет, и вообще ничего в нем нет, кроме ржавых, никому не нужных мотыг и лопат да сломанного плуга. Спичка погасла, и мы ушли, воткнув пробой на старое место, и с виду дверь была опять как следует заперта. Том обрадовался и говорит:

— Ну, теперь все хорошо! Мы для него устроим подкоп. Это у нас займет целую неделю.

После этого мы вернулись домой; я вошел в дом с черного хода — они там дверей не запирали, надо было только потянуть за кожаный ремешок; но для Тома Сойера это было неподходяще: таинственности мало, ему непременно надо было влезать по громоотводу.

Раза три он долезал до половины и каждый раз срывался и напоследок чуть не разбил себе голову. Он уж думал, что придется это дело бро-

сать, а потом отдохнул, решил попробовать еще раз наудачу — и все-таки влез.

Утром мы поднялись чуть свет и пошли к негритянским хижинам, чтобы приучить к себе собак и познакомиться поближе с тем негром, который кормил Джима, — если это действительно Джиму носили еду. Негры как раз позавтракали и собирались в поле, а Джимов негр накладывал в миску хлеба, мяса и всякой еды, и в то время, как остальные уходили, из большого дома ему прислали ключ.

У этого негра было добродушное, глуповатое лицо, а волосы он перевязывал нитками в пучки, для того чтобы отвадить ведьм. Он рассказывал, что ведьмы ужасно донимают его по ночам; ему мерещатся всякие чудеса, слышатся всякие слова и звуки, и никогда в жизни с ним еще не бывало, чтобы надолго привязалась такая нечисть.

Он разговорился про свои несчастья и до того увлекся, что совсем позабыл про дело. Том и спрашивает:

— А ты кому несешь еду? Собак кормить собираешься?

Негр заулыбался, так что улыбка расплылась у него по всему лицу, вроде как бывает, когда запустишь кирпичом в лужу, и говорит:

— Да, мистер Сид, собаку. И занятная же собачка! Не хотите ли поглядеть?

— Хочу.

Я толкнул Тома и шепчу ему:

— Что ж ты, так и пойдешь к нему днем? Ведь по плану не полагается.

— Тогда не полагалось, а теперь полагается.

Мы пошли — провалиться бы ему! — только мне это очень не понравилось. Входим туда и почти что ничего не видим — такая темнота; зато Джим и вправду там сидел; он-то нас разглядел и обрадовался:

— Да ведь это Гек! Господи помилуй, никак и мистер Том здесь?

Я наперед знал, что так будет, только этого и ждал. Как теперь быть, я понятия не имел, а если б и знал, так ничего не мог бы поделывать, потому что этот самый негр вмешался тут и говорит:

— Боже ты мой, да никак он вас знает?

Теперь мы пригляделись и все хорошо видели. Том посмотрел на негра пристально и как будто с удивлением и спрашивает:

— Кто нас знает?

— Да вот этот самый беглый негр.

— Не думаю, чтобы знал; а с чего это тебе пришло в голову?

— С чего пришло? Да ведь он сию минуту крикнул, что он вас знает.

Том говорит как будто с недоумением:

— Ну, это что-то очень странно... Кто кричал? Когда кричал? Что же он кричал? — Потом повертывается ко мне и преспокойно спрашивает: — Ты слышал что-нибудь?

Разумеется, на это можно было ответить только одно, и я сказал:

— Нет, я ничего ровно не слышал, никто ничего не говорил.

Тогда Том обращается к Джиму, глядит на него так, будто первый раз в жизни его видит, и спрашивает:

— Ты что-нибудь говорил?

— Нет, сэр, — отвечает Джим, — я ничего не говорил, сэр.

— Ни единого слова?

— Нет, сэр, ни слова не говорил.

— А ты нас раньше видел?

— Нет, сэр, сколько припомню, не видал.

Том повертывается к негру, — а тот даже оторопел и глаза вытаращил, — и говорит строгим голосом:

— Что это с тобой творится такое? С чего тебе вздумалось, будто он кричал?

— Ох, сэр, это все проклятые ведьмы, мне хоть помереть в ту же пору! Это все они, сэр, они меня в гроб уложат, всегда напугают до смерти! Не говорите про это никому, сэр, а то старый мистер Сайлас будет ругаться; он говорит, что никаких ведьм нету. Жалко, ей-богу, что его тут не было, — любопытно, что бы он сейчас сказал! Небось на этот раз не отвертелся бы! Да что уж, вот так и всегда бывает: кто повадился пить, тому не протрезвиться; сами ничего не увидят и толком разобраться не могут, а ты увидишь да скажешь им, так они еще и не верят.

Том дал ему десять центов и пообещал, что мы никому не скажем; велел ему купить еще ниток, чтобы перевязывать себе волосы, а потом поглядел на Джима и говорит:

— Интересно, повесит дядя Сайлас этого негра или нет? Если бы я поймал такого неблагодарного негра, который посмел убежать, так уж я бы его не отпустил, я бы его повесил!

А пока негр подходил к двери, разглядывал монету и пробовал на зуб, не фальшивая ли, Том шепнул Джиму:

— И виду не подавай, что ты нас знаешь. А если ночью услышишь, что копают, так это мы с Геком: мы хотим тебя освободить.

Джим только-только успел схватить нас за руки ижать их, а тут и негр вернулся. Мы сказали, что и еще придем, если он нас возьмет с собой; а негр сказал: отчего же не взять, особенно в темные вечера, — ведьмы больше в темноте к нему привязываются, так это даже и лучше, чтобы побольше было народу.

Глава XXXV

До завтрака оставалось, должно быть, не меньше часа, и мы пошли в лес. Том сказал, что ко-

пать надо при свете, а от фонаря свет уж очень яркий, как бы с ним не попасться; лучше набрать побольше гнилушек, которые светятся, положить их где-нибудь в темном месте, они и будут светиться понемножку.

Мы притащили целую охапку сухих гнилушек, спрятали в бурьяне, а сами сели отдохнуть. Том недовольно проворчал:

— А ей-богу, все это до того легко и просто, что даже противно делается! Потому и трудно придумать какой-нибудь план поинтересней. Даже сторожа нет, некого поить дурманом, — а ведь сторож обязательно должен быть! Даже собаки нет, чтобы дать ей сонного зелья. Цепь у Джима длинной в десять футов, только на одной ноге, и надета на ножку кровати; всего и дела, что приподнять эту ножку да снять цепь. А дядя Сайлас всякому верит: отдал ключ какому-то безмозглому негру, и никто за этим негром не следит. Джим и раньше мог бы вылезти в окошко, только с десятифутовой цепью далеко не уйдешь. Просто досадно, Гек, ведь глупее ничего быть не может! Самому приходится выдумывать всякие трудности. Что ж, ничего не поделаешь! Придется как-нибудь изворачиваться с тем, что есть под руками. Во всяком случае, один плюс тут есть: для нас больше чести выручать его из разных затруднений и опасностей, когда никто этих опасностей для нас не приготовил и мы сами должны все придумывать из головы, хоть это вовсе не наша обязанность. Взять хотя бы фонарь. Если говорить прямо, приходится делать вид, будто с фонарем опасно. Да тут хоть целую процессию с факелами устраивай, никто не почешется, я думаю. Кстати, вот что мне пришло в голову: первым делом надо разыскать что-нибудь такое, из чего можно сделать пилу.

— А для чего нам пила?

— Как для чего нам пила? Ведь нужно отпилить ножку кровати, чтобы снять с нее цепь!

— Да ведь ты сам сказал, что цепь и так снимается, надо только приподнять ножку.

— Вот это на тебя похоже, Гек Финн! Непременно выберешь самый что ни на есть детский способ. Что же ты, неужели и книг никаких не читал?.. Где же слыхано, чтобы заключенных освобождали таким простецким способом? Нет, все авторитеты говорят в один голос, что надо ножку перепилить надвое и так оставить, а опилки проглотить, чтобы никто не заметил, а ножку замазать грязью и салом, чтобы даже самый зоркий тюремщик не мог разглядеть, где пилили, и думал, что ножка совсем целая. Потом, в ту ночь, когда ты совсем пригодишься к побегу, пнешь ее ногой — она и отлетит; снимешь цепь — вот и все. Больше и делать почти нечего: закинешь веревочную лестницу на зубчатую стену, соскользнешь в ров, сломаешь себе ногу, потому что лестница коротка — целых девятнадцати футов не хватает, — а там уж тебя ждут лошади, и верные слуги хватают тебя, кладут поперек седла и везут в твой родной Лангедок, или в Наварру, или еще куда-нибудь. Вот это я понимаю, Гек! Хорошо, если б около этой хибарки был ров! Если будет время, так в ночь побега мы его выкопаем.

Я говорю:

— А на что нам ров, когда мы Джима выкрадем через подкоп?

А он даже и не слушает. Забыл и про меня, и про все на свете, схватился рукой за подбородок и думает; потом вздохнул, покачал головой, опять вздохнул и говорит:

— Нет, это ни к чему, никакой надобности нет.

— Это ты про что? — спрашиваю.

— Да отпиливать Джиму ногу.

— Господи помилуй! — говорю. — Ну конечно, какая же в этом надобность? А для чего все-таки тебе вздумалось отпиливать ему ногу?

— Многие авторитеты так делали. Они не могли снять цепь — отрубали себе руку и тогда бежали. А ногу было бы еще лучше. Но придется обойтись без этого. Особой необходимости у нас нет, а кроме того, Джим — негр и не поймет, для чего это нужно; ему ведь не растолкуешь, что в Европе так принято... Нет, придется это бросить! Ну а веревочную лестницу — это можно: мы разорвем свои простыни и в два счета сделаем Джиму веревочную лестницу. А переслать ее можно будет в пироге, — уж это всегда так делают. И похуже бывают пироги, да приходится есть.

— Что ты это плетешь, Том Соьер? — говорю я. — Не нужно Джиму никаких веревочных лестниц.

— Нет, нужно. Ты лучше скажи, что сам плетешь неизвестно что, и ведь ничего в этом деле не смыслишь! Веревочная лестница ему нужна, у всех она бывает.

— А что он с ней будет делать?

— Что делать будет? Спрячет ее в тюфяк — не сумеет, что ли? Все так делают, значит, и ему надо. Гек, ты, кажется, ничего не хочешь делать по правилам — каждый раз что-нибудь новенькое да придумываешь. Если даже эта лестница ему не пригодится, ведь она же останется у него в тюфяке после побега? Ведь это улика? Ты думаешь, улики не понадобятся? Еще как! А ты хочешь, чтобы совсем улик не осталось? Вот это было бы хорошенькое дельце, нечего сказать! Я такого никогда в жизни не слышал.

— Ну, — говорю, — если уж так полагается по правилам, чтоб у него была лестница, — ладно, пускай будет, я вовсе не хочу идти против правил. Однако, Том Соьер, только если мы порвем простыни, чтобы сделать Джиму лестницу, у нас будут неприятности с тетей Салли, это уж как пить дать. А я так думаю: лестница из ореховой коры ничего не стоит, добро на нее изводить не нужно, а

в пирог ее можно запечь не хуже, чем тряпичную, и в тюфяк спрятать тоже. А Джим не очень в этих делах разбирается, ему все равно, какую ни...

— Ну и чушь ты несешь, Гек Финн! Если б я не смыслил ничего, так помалкивал бы! Где это слышано, чтобы государственный преступник бежал по лестнице из ореховой коры? Да это курам на смех!

— Ну ладно, Том, делай как знаешь; только все-таки, если хочешь послушать моего совета, лучше позаимствовать простыню с веревки.

Он сказал, что это можно. Тут у него явилась еще одна мысль, и он сказал:

— Позаимствуй, кстати, и рубашку.

— А для чего нам рубашка, Том?

— Для Джима — вести дневник.

— Какой еще дневник? Джим и писать-то не умеет!

— Ну, положим, что не умеет, но ведь он сможет ставить какие-нибудь значки, если мы сделаем ему перо из оловянной ложки или старого обруча с бочки?

— Да что ты, Том! Можно выдернуть перо у гуся — и лучше, и гораздо скорей.

— У узников гуси по камере не бегают, чтобы можно было перья дергать, эх ты, голова! Они всегда делают перья из чего-нибудь самого твердого и неподходящего, вроде обломка медного подсвечника, да мало ли что подвернется под руку! И на это у них уходит много времени — недели, а то и месяцы, потому что перо они оттачивают об стенку. Гусиным пером они и писать ни за что не станут, хоть бы оно и оказалось под рукой. Это не принято.

— Ну ладно, а из чего же мы ему сделаем чернила?

— Многие делают из ржавчины со слезами; только это кто попроще и женщины, а знаменитости пишут своей кровью. И Джим тоже может; а когда ему понадобится известить весь мир, что

он заключен, послать самое простое таинственное сообщение, так он может нацарапать его вилкой на жестяной тарелке и выбросить в окно. Железная Маска всегда так делал, и это тоже очень хороший способ.

— У Джима нет жестяных тарелок. Его кормят из миски.

— Это ничего, мы ему достанем.

— Все равно никто не разберет.

— Это вовсе не важно, Гек Финн. Его дело — написать и выбросить тарелку в окно. А читать ее тебе незачем. Все равно половину разобрать нельзя, что они там пишут на тарелках или еще на чем.

— Тогда какой же смысл тарелки портить?

— Вот еще! Ведь это же не его тарелки!

— Все равно чьи-нибудь, ведь верно?

— Ну так что ж? Узнику-то какое дело, чьи они...

Он не договорил — мы услышали рожок, который звал к завтраку, и пошли домой.

За это утро мне удалось позаимствовать с веревки простыню и белую рубашку; я разыскал еще старый мешок и положил их туда, а потом мы взяли гнилушки и тоже туда сунули. Я называю это «заимствовать», потому что мой родитель всегда так говорил, но Том сказал, что это не заем, а кража. Он сказал, что мы помогаем узнику, а ему все равно, как добыть вещь, лишь бы добыть, и никто его за это не осудит. Во все не преступление, если узник украдет вещь, которая нужна ему для побега, это его право; и для узника мы имеем полное право красть в этом доме все, что нам только понадобится для его освобождения из тюрьмы. <...>

Так вот, я уже говорил, что в это утро мы подождали, пока все разойдутся по своим делам и во дворе никого не будет видно, и только после этого Том отнес мешок в пристройку, а я стоял во дво-

ре — сторожил. Он скоро вышел оттуда, и мы с ним пошли и сели на бревна — поговорить. Он сказал:

— Теперь все готово, кроме инструмента; ну а это легко достать.

— Кроме инструмента?

— Ну да.

— Это для чего же инструмент?

— Как для чего? Чтобы копать. Ведь не зубами же мы землю выгрызать будем?

— А эти старые мотыги и лопаты, что в пристройке, не годятся разве? — спрашиваю.

Он оборачивается ко мне, глядит с таким сожалением, что просто плакать хочется, и говорит:

— Гек Финн, где это ты слышал, чтоб у узников были мотыги и лопаты и всякие новейшие приспособления, для того чтобы вести подкоп? Я тебя спрашиваю, если ты хоть что-нибудь воображаешь: как же он прославится? Уж тогда чего проще — дать ему ключ, и дело с концом. Мотыги, лопаты! Еще чего! Да их и королям не дают.

— Ну ладно, — говорю, — если нам мотыги и лопаты не подходят, тогда что же нам нужно?

— Ножи, как у мясников.

— Это чтобы вести подкоп под хибарку?

— Ну да!

— Да ну тебя, Том Сойер, это просто глупо.

— Все равно, глупо или не глупо, а так полагается — самый правильный способ. И никакого другого способа нет; сколько я ни читал в книжках про это, мне не приходилось слышать, чтобы делали по-другому. Всегда копают ножом, да не землю, заметь себе, — всегда у них там твердая скала. И сколько времени на это уходит, неделя за неделей... а они все копают, копают! Да вот, например, один узник в замке Иф¹ в Марсель-

¹ Узник в замке Иф — граф Монте-Кристо, герой одноименного романа А. Дюма.

ской гавани рылся-рылся и вышел на волю таким способом. И как ты думаешь, сколько времени он копал?

— Я почему знаю!

— Нет, ты отгадай!

— Ну, не знаю. Месяца полтора?

— Тридцать семь лет! И вышел из-под земли в Китае. Вот как бывает! Жалко, что у нас тут тюрьма стоит не на скале!

— У Джима в Китае никого и знакомых нет.

— А при чем тут знакомые? У того узника тоже не было знакомых. Всегда ты собьешься с толку. Держался бы ближе к делу!

— Ну ладно, мне все равно, где бы он ни вылез, лишь бы выйти на волю; и Джиму тоже, я думаю, все равно. Только вот что: не такой Джим молодой, чтобы его ножом откапывать. Он помрет до тех пор.

— Нет, не помрет. Неужели ты думаешь, что нам понадобится тридцать семь лет? Ведь копать-то мы будем мягкую землю!

— А сколько понадобится, Том?

— Ну, нам ведь нельзя копать столько, сколько полагается, а то как бы дяде Сайласу не написали оттуда, из-под Нового Орлеана. Как бы он не узнал, что Джим вовсе не оттуда. Тогда он тоже что-нибудь напишет — может, объявление про Джима, я почему знаю... Значит, мы не можем рисковать — возиться с подкопом столько, сколько полагается. По правилам надо бы, я думаю, копать два года; но нам этого никак нельзя. Неизвестно, что дальше будет, а потому я советую сделать так: копать по-настоящему, как можно скорей, а потом взять да и вообразить, будто мы копали тридцать семь лет. Тогда можно будет в два счета выкрасть и увезти, как только поднимется тревога. Да, я думаю, что это будет самое лучшее.

— Ну, тут еще есть какой-то смысл, — говорю. — Вообразить нам ничего не стоит, и хлопот

с этим никаких; если надо, так я могу вообразить, что мы полтора года лет копали. Это мне нетрудно, стоит только привыкнуть. Так я сейчас сбегая достану где-нибудь два ножа.

— Доставай три, — говорит он, — из одного мы сделаем пилу.

— Том, если такое предложение не против правил и не против религии, — говорю я, — так вон там, под навесом позади коптильни, есть ржавая пила.

Он посмотрел на меня вроде как бы с досадой и с огорчением и сказал:

— Тебя ничему путному не научишь, Гек, нечего и стараться! Беги доставай ножи — три штуки!

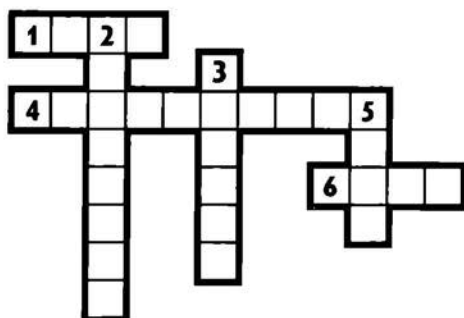
И я побежал...

Вопросы и задания:

1. Почему Гека удивило желание Тома участвовать в спасении негра Джима?
2. Почему Том был заинтересован в этом?
3. Прочитайте всё произведение Марка Твена «Приключения Гекльберри Финна» и ответьте на следующие вопросы:
 - а) Что за «Предупреждение» стоит перед романом «Приключения Гекльберри Финна» и на какой лад оно настраивает читателя?
 - б) Кто из ребят входил в компанию Тома Сойера и какая у них была программа?
 - в) Когда и в связи с чем Гек стал по-другому относиться к выдумкам Тома Сойера?
 - г) При каких обстоятельствах Гек встретился с негром Джимом?
 - д) Когда и при каких обстоятельствах герои вспоминают Тома Сойера?
 - е) Чем было осложнено их дальнейшее плавание и как они вышли из положения?
 - ж) Как вели себя Гек и Джим в трудных ситуациях? Чем привлекают вас эти герои?
 - з) Вспомните смешные эпизоды в романе. Перескажите их.
 - и) Какие герои произведения вам несимпатичны? Почему? Нарисуйте (устно) их портреты.

«Марк Твен. „Приключения Гекльберри Финна“»

1. Что было на ноге у негра? 2. Какой предмет «позаимствовал» Гек с веревки? 3. Что задумал Том для освобождения негра? 4. Необычное сооружение в доме. 5. Как звали «узника», которого собирались освободить? 6. Какой инструмент потребовался Тому для освобождения?

■ **Слова для справок:** Громоотвод. Джим. Пила. Подкоп. Простыня. Цепь.

За страницами вашего учебника

(Внеклассное чтение)

Если вы уже прочитали произведение Марка Твена «Приключения Гекльберри Финна», выполните следующую самостоятельную работу:

1. Составьте небольшие рассказы о приключениях Гекльберри Финна: «Гек навсегда покидает дом», «Гек находит Джима», «Трудное плавание по Миссисипи», «Гек становится Джорджем Джексонном», «Встреча Тома с Гекком».

Придумайте другие рассказы и озаглавьте их.

2. Выделите наиболее интересные эпизоды и объясните, чем они вам понравились.

1. Рассмотрите кадры диафильма по произведению Марка Твена «Приключения Тома Сойера». Узнаете ли вы героев? Какие события запечатлены здесь?

2. Какие эпизоды вы взяли бы, создавая диафильм по произведению «Приключения Гекльберри Финна»?

Марку Твену не пришлось долго учиться, но он много читал. И уже в ранние годы его влекли произведения, богатые юмором и сатирой. С детства любимой книгой будущего писателя стал «Дон Кихот» Сервантеса. Если вы уже прочитали это произведение, подумайте над следующим утверждением:

«Том — это маленький Дон Кихот, начитавшийся, подобно герою М. Сервантеса, приключенческих книг и стремящийся воплотить прочитанное в жизнь. Его приятель Гек напоминает Санчо Пансу, оруженосца ламанчского горе-рыцаря: беспризорник, которого кое-чему уже научил жизненный опыт, он смотрит на вещи гораздо более здраво, чем фантазер Том, мальчик из обеспеченной семьи»¹.

Антуан де Сент-Экзюпери

1900—1944

О ПИСАТЕЛЕ

Антуан де Сент-Экзюпери родился в июне 1900 года в Лионе.

В детстве он был мечтателем, сочинял стихи, рисовал, учился играть на скрипке, но увлекался и техникой, машинами. В двенадцать лет ему посчастливилось впервые полететь — его взял с собою в воздух известный тогда французский пилот Ведрин. В юности Антуана влекла еще и ар-

¹ Энциклопедический словарь юного литературоведа. — М., 1988. — С. 232.

хитектура, но в 1921 году, призванный в армию, он окончательно выбрал свою дорогу — небо.

Он был пилотом, был начальником французского аэродрома в испанском Марокко, потом — в Южной Америке. Шли двадцатые, тридцатые годы — молодость авиации. На еще несовершенных машинах он овладевал техникой ночного полета, учился водить гидросамолет, прокладывал новые трассы. Где он только не летал! Побывал и над Кордильерами, и над Сахарой, не однажды разбивался со своей машиной, не однажды, рискуя жизнью, летел на помощь товарищу. Он всегда чувствовал себя в ответе за людей и перед людьми. И чем чаще видел он в лицо смерть, тем больше любил жизнь. Чем дольше он был в небе, тем ближе и родней становилась ему земля, тем сильнее он хотел видеть ее мирной, чистой, счастливой — землей для людей. И тем богаче становился он мыслями и чувствами, которыми не мог не поделиться с людьми. Так он стал писателем.

Он начал с повестей «Южный почтовый» и «Ночной полет» — о жизни и труде крылатых людей. В 1935 году он побывал в Советском Союзе и написал вдумчивые и доброжелательные очерки о Москве. Во время гражданской войны в Испании он с тревогой пишет о судьбах Европы, о будущем, которому угрожает фашизм. Подлинной, деятельной любовью к людям дышит лучшая его повесть — «Планета людей» (1939). Когда началась война, он был уже признан негодным для службы в авиации, но вернулся на самолет и воевал до того дня, когда Францию захватил враг.

И вот Экзюпери в эмиграции, в Америке. Скорбью о поверженной родине, гневом и ненавистью к фашизму дышат страницы «Письма заложнику» и повести «Военный летчик». Но есть во всем, что он пишет, еще и страстная вера в будущее человечества, и страстное убеждение, что

за это будущее каждый из нас в ответе и каждый должен всеми силами его отстаивать.

Во имя свободной, счастливой, достойной человека жизни на всей земле Сент-Экзюпери еще раз добился права сражаться. Уже немолодой, израненный и искалеченный до того, что не мог без помощи товарищей натянуть комбинезон и забраться в кабину, он еще мог вести машину и стрелять. И он вновь поднялся в воздух, а 31 июля 1944 года его самолет не вернулся на базу... Нет, он жил не очень долго и написал не очень много. Но и жизнью своей, и смертью, и своими книгами, и письмами, которые потом были опубликованы, он сумел много сказать людям.

Незадолго до своей гибели Сент-Экзюпери написал еще одну небольшую, совсем не похожую на другие книжку — сказку «Маленький принц» и сам ее иллюстрировал...

Сказка эта мудрая и человечная, и автор ее не только поэт, но и философ. Просто и проникновенно, как и в повестях и в письмах, говорит он о самом важном. О долге и верности. О дружбе и любви, о горячей, деятельной любви к жизни и к людям. О нетерпимости к злу. И о том, каким же быть человеку на этой еще не очень-то устроенной, подчас недоброй, но любимой и единственной нашей планете Земля.

Нора Галь

МАЛЕНЬКИЙ ПРИНЦ

(Отрывки из сказки)

XXIV

Миновала неделя с тех пор, как я потерпел аварию, и, слушая про торговца пилюлями, я выпил последний глоток воды.

— Да, — сказал я Маленькому принцу, — все, что ты рассказываешь, очень интересно, но я еще не починил свой самолет, у меня не осталось

ни капли воды, и я тоже был бы счастлив, если бы мог просто-напросто пойти к роднику.

— Лис, с которым я подружился...

— Милый мой, мне сейчас не до Лиса!

— Почему?

— Да потому, что придется умереть от жажды...

Он не понял, какая тут связь. Он возразил:

— Хорошо, когда есть друг, даже если надо умереть. Вот я очень рад, что дружил с Лисом...

«Он не понимает, как велика опасность. Он никогда не испытывал ни голода, ни жажды. Ему довольно солнечного луча...»

Я не сказал этого вслух, только подумал. Но Маленький принц посмотрел на меня и промолвил:

— Мне тоже хочется пить... Пойдем поищем колодец...

Я устало развел руками: что толку наугад искать колодцы в бескрайней пустыне? Но все-таки мы пустились в путь.

Долгие часы мы шли молча. Наконец стемнело, и в небе стали загораться звезды. От жажды меня немного лихорадило, и я видел их будто во сне. Мне все вспоминались слова Маленького принца, и я спросил:

— Значит, и ты тоже знаешь, что такое жажда?

Но он не ответил. Он сказал просто:

— Вода бывает нужна и сердцу...

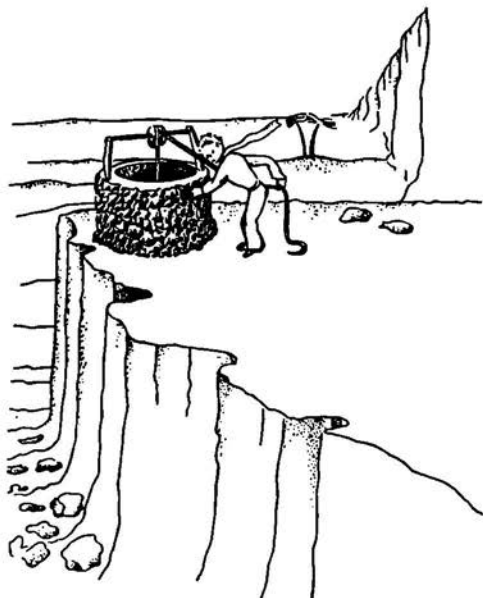
Я не понял, но промолчал. Я знал, что не следует его расспрашивать.

Он устал. Опустился на песок. Я сел рядом. Помолчали. Потом он сказал:

— Звезды очень красивые, потому что где-то там есть цветок, хоть его и не видно...

— Да, конечно, — сказал я только, глядя на волнистый песок, освещенный луною.

— И пустыня красивая... — прибавил Маленький принц.

Это правда. Мне всегда нравилось в пустыне. Сидишь на песчаной дюне. Ничего не видно. Ничего не слышно. И все же тишина словно лучится...

— Знаешь, отчего хороша пустыня? — сказал он. — Где-то в ней скрываются родники...

Я был поражен. Вдруг я понял, почему таинственно лучится песок. Когда-то, маленьким мальчиком, я жил в старом-престаром доме; рассказывали, будто в нем запрятан клад. Разумеется, никто его так и не открыл, а может быть, никто никогда его и не искал. Но из-за него дом был словно заколдован: в сердце своем он скрывал тайну...

— Да, — сказал я. — Будь то дом, звезды или пустыня — самое прекрасное в них то, чего не увидишь глазами.

— Я очень рад, что ты согласен с моим другом Лисом, — отозвался Маленький принц.

Потом он уснул, я взял его на руки и пошел дальше. Я был взволнован. Мне казалось, я несу хрупкое сокровище. Мне казалось даже, что ничего более хрупкого нет на нашей Земле. При свете луны я смотрел на его бледный лоб, на сомкнутые

ресницы, на золотые пряди волос, которые перебирал ветер, и говорил себе: все это лишь оболочка. Самое главное — то, чего не увидишь глазами...

Его полуоткрытые губы дрогнули в улыбке, и я сказал себе: трогательней всего в этом спящем Маленьком принце его верность цветку, образ розы, который лучится в нем, словно пламя светильника, даже когда он спит... И я понял, что он еще более хрупок, чем кажется. Светильники надо беречь: порыв ветра может погасить их...

Так я шел... и на рассвете дошел до колодца.

XXV

— Люди забираются в скорые поезда, но они уже сами не понимают, чего ищут, — сказал Маленький принц. — Поэтому они не знают покоя и бросаются то в одну сторону, то в другую...

Потом прибавил:

— И все напрасно...

Колодец, к которому мы пришли, был не такой, как все колодцы в Сахаре. Обычно здесь колодец — просто яма в песке. А это был самый настоящий деревенский колодец. Но деревни тут нигде не было, и я подумал, что это сон.

— Как странно, — сказал я Маленькому принцу, — тут все приготовлено: и ворот, и ведро, и веревка...

Он засмеялся, тронул веревку, стал раскручивать ворот. И ворот заскрипел, точно старый флюгер, долго ржавевший в безветрии.

— Слышишь? — сказал Маленький принц. — Мы разбудили колодец, и он запел...

Я боялся, что он устанет.

— Я сам зачерпну воды, — сказал я, — тебе это не под силу.

Медленно вытащил я полное ведро и надежно поставил его на каменный край колодца. В ушах у меня еще отдавалось пенье скрипучего ворота, вода в ведре еще дрожала, и в ней дрожали солнечные зайчики.

— Мне хочется глотнуть этой воды, — промолвил Маленький принц. — Дай мне напиток...

И я понял, что он искал!

Я поднес ведро к его губам. Он пил, закрыв глаза. Это было как самый прекрасный пир. Вода эта была не простая. Она родилась из долгого пути под звездами, из скрипа ворота, из усилий моих рук. Она была как подарок сердцу. Когда я был маленький, так светились для меня рождественские подарки: сияньем свеч на елке, пеньем органа в час полночной мессы, ласковыми улыбками.

— На твоей планете, — сказал Маленький принц, — люди выращивают в одном саду пять тысяч роз... и не находят того, что ищут...

— Не находят, — согласился я.

— А ведь то, чего они ищут, можно найти в одной-единственной розе, в глотке воды...

— Да, конечно, — согласился я.

И Маленький принц сказал:

— Но глаза слепы. Искать надо сердцем.

Я выпил воды. Дышалось легко. На рассвете песок становится золотой, как мед. И от этого тоже я был счастлив. С чего бы мне грустить?..

— Ты должен сдержать слово, — мягко сказал Маленький принц, снова садясь рядом со мною.

— Какое слово?

— Помнишь, ты обещал... намордник для моего барашка... Я ведь в ответе за тот цветок.

Я вытащил из кармана свои рисунки. Маленький принц поглядел на них и засмеялся:

— Баобабы у тебя похожи на капусту...

А я-то так гордился своими баобабами!

— А у лисицы твоей уши... точно рога! И какие длинные!

И он опять засмеялся.

— Ты несправедлив, дружок. Я ведь никогда и не умел рисовать — разве только удавов снаружи и изнутри.

— Ну ничего, — успокоил он меня. — Дети и так поймут.

И я нарисовал намордник для барашка. Я отдал рисунок Маленькому принцу, и сердце у меня сжалось.

— Ты что-то задумал и не говоришь мне...

Но он не ответил.

— Знаешь, — сказал он, — завтра исполнится год, как я попал к вам на Землю...

И умолк. Потом прибавил:

— Я упал совсем близко отсюда...

И покраснел.

И опять, бог весть почему, тяжело стало у меня на душе. Все-таки я спросил:

— Значит, неделю назад, в то утро, когда мы познакомились, ты не случайно бродил тут совсем один, за тысячу миль от человеческого жилья? Ты возвращался к тому месту, где тогда упал?

Маленький принц покраснел еще сильнее.

А я прибавил нерешительно:

— Может быть, это потому, что исполняется год?..

И снова он покраснел. Он не ответил ни на один мой вопрос, но ведь когда краснеешь, это значит «да», не так ли?

— Непокойно мне... — начал я.

Но он сказал:

— Пора тебе приниматься за работу. Иди к своей машине. Я буду ждать тебя здесь. Возвращайся завтра вечером...

Однако мне не стало спокойнее. Я вспомнил о Лисе. Когда даешь себя приручить, потом случается и плакать.

XXVI

Неподалеку от колодца сохранились развалины древней каменной стены. На другой вечер, покончив с работой, я вернулся туда и еще издали увидел, что Маленький принц сидит на краю стены, свесив ноги. И услышал его голос.

— Разве ты не помнишь? — говорил он. — Это было совсем не здесь.

Наверно, кто-то ему отвечал, потому что он возразил:

— Ну да, это было ровно год назад, день в день, но только в другом месте...

Я зашагал быстрее. Но нигде у стены я больше никого не видел и не слышал. А между тем Маленький принц снова ответил кому-то:

— Ну конечно. Ты найдешь мои следы на песке. И тогда жди. Сегодня ночью я туда приду.

До стены оставалось двадцать метров, а я все еще ничего не видел.

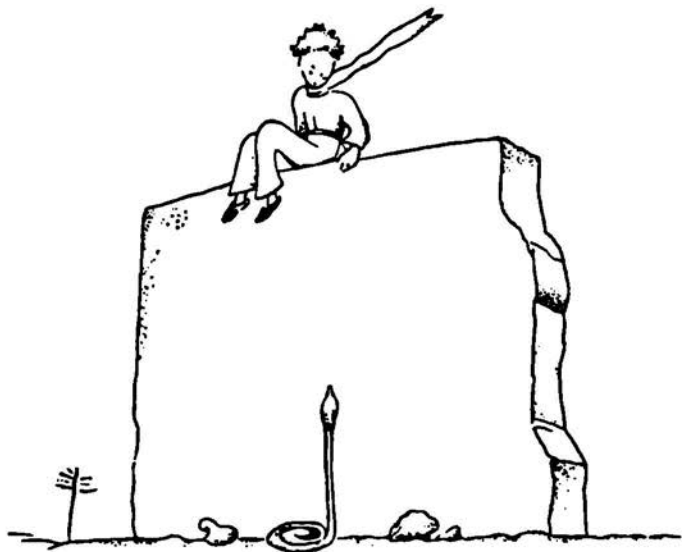
После недолгого молчания Маленький принц спросил:

— А у тебя хороший яд? Ты не заставишь меня долго мучиться?

Я остановился, и сердце мое сжалось, но я все еще не понимал.

— Теперь уходи, — сказал Маленький принц. — Я хочу спрыгнуть вниз.

Тогда я опустил глаза да так и подскочил! У подножия стены, подняв голову к Маленькому

принцу, свернулась желтая змейка, из тех, чей укус убивает в полминуты.

Нащупывая в кармане револьвер, я бегом бросился к ней, но при звуке шагов змейка тихо заструилась по песку, словно умирающий ручеек, и с еле слышным металлическим звоном неторопливо скрылась меж камней.

Я подбежал к стене как раз вовремя, чтобы подхватить моего Маленького принца. Он был белее снега.

— Что это тебе вздумалось, малыш! — воскликнул я. — Чего ради ты заводишь разговоры со змеями?

Я развязал его неизменный золотой шарф. Я смочил ему виски и заставил выпить воды. Но я не смел больше ни о чем спрашивать. Он серьезно посмотрел на меня и обвинил мою шею руками. Я услышал, как бьется его сердце, словно у подстреленной птицы. Он сказал:

— Я рад, что ты нашел, в чем там была беда с твоей машиной. Теперь ты можешь вернуться домой...

— Откуда ты знаешь?!

Я как раз собирался сказать ему, что, вопреки всем ожиданиям, мне удалось исправить самолет!

Он не ответил, он только сказал:

— И я тоже сегодня вернусь домой.

Потом прибавил печально:

— Это гораздо дальше... и гораздо труднее...

Все было как-то странно. Я крепко обнимал его, точно малого ребенка, и, однако, мне казалось, будто он ускользает, проваливается в бездну, и я не в силах его удержать...

Он задумчиво смотрел куда-то вдаль.

— У меня останется твой барашек. И ящик для барашка. И намордник...

И он печально улыбнулся.

Я долго ждал. Он словно бы приходил в себя.

— Ты напугался, малыш...

Ну еще бы не напугаться! Но он тихонько засмеялся:

— Сегодня вечером мне будет куда страшнее...

И снова меня оледенило предчувствие непоправимой беды. Неужели, неужели я никогда больше не услышу, как он смеется? Этот смех для меня — точно родник в пустыне.

— Малыш, я хочу еще послушать, как ты смеешься...

Но он сказал:

— Сегодня ночью исполнится год. Моя звезда станет как раз над тем местом, где я упал год назад...

— Послушай, малыш, ведь все это — и змея, и свиданье со звездой — просто дурной сон, правда?

Но он не ответил.

— Самое главное — то, чего не увидишь глазами... — сказал он.

— Да, конечно...

— Это как с цветком. Если любишь цветок, что растет где-то на далекой звезде, хорошо ночью глядеть в небо. Все звезды расцветают.

— Да, конечно...

— Это как с водой. Когда ты дал мне напиться, та вода была как музыка, а все из-за ворота и веревки... Помнишь? Она была очень хорошая.

— Да, конечно...

— Ночью ты посмотришь на звезды. Моя звезда очень маленькая, я не могу ее тебе показать. Так лучше. Она будет для тебя просто одна из звезд. И ты полюбишь смотреть на звезды... Все они станут тебе друзьями. И потом, я тебе кое-что подарю...

И он засмеялся.

— Ах, малыш, малыш, как я люблю, когда ты смеешься!

— Вот это и есть мой подарок... Это будет, как с водой...

— Как так?

— У каждого человека свои звезды. Одним — тем, кто странствует, — они указывают путь. Для других это просто маленькие огоньки. Для ученых они — как задача, которую надо решить. Для моего дельца они — золото. Но для всех этих людей звезды — немые. А у тебя будут совсем особенные звезды...

— Как так?

— Ты посмотришь ночью на небо, а ведь там будет такая звезда, где я живу, где я смеюсь, — и ты услышишь, что все звезды смеются. У тебя будут звезды, которые умеют смеяться!

И он сам засмеялся.

— И когда ты утетишься — в конце концов всегда утетишься, — ты будешь рад, что знал меня когда-то. Ты всегда будешь мне другом. Тебе захочется посмеяться со мною. Иной раз ты вот так распахнешь окно, и тебе будет приятно... И твои друзья станут удивляться, что ты смеешься, глядя на небо. А ты им скажешь: «Да, да, я всегда смеюсь, глядя на звезды!» И они подумают, что ты сошел с ума. Вот какую злую шутку я с тобой сыграю...

И он опять засмеялся.

— Как будто вместо звезд я подарил тебе целую кучу смеющихся бубенцов...

И он опять засмеялся. Потом снова стал серьезен:

— Знаешь... сегодня ночью... лучше не приходи.

— Я тебя не оставлю.

— Тебе покажется, что мне больно... Покажется даже, что я умираю. Так уж оно бывает. Не приходи, не надо.

— Я тебя не оставлю.

Но он был чем-то озабочен.

— Видишь ли... это еще из-за змеи. Вдруг она тебя ужалит... Змеи ведь злые. Кого-нибудь ужалить для них удовольствие.

— Я тебя не оставлю.

Он вдруг успокоился:

— Правда, на двоих у нее не хватит яда...

В эту ночь я не заметил, как он ушел. Он ускользнул неслышно.

Когда я наконец нагнал его, он шел быстрым, решительным шагом.

— А, это ты... — сказал он только.

И взял меня за руку. Но что-то его тревожило.

— Напрасно ты идешь со мной. Тебе будет больно на меня смотреть. Тебе покажется, будто я умираю, но это неправда...

Я молчал.

— Видишь ли... это очень далеко. Мое тело слишком тяжелое. Мне его не унести.

Я молчал.

— Но это все равно что сбросить старую оболочку. Тут нет ничего печального...

Я молчал.

Он немного пал духом. Но все-таки сделал еще одно усилие:

— Знаешь, будет очень славно. Я тоже стану смотреть на звезды. И все звезды будут точно старые колодцы со скрипучим воротом. И каждая даст мне напиться...

Я молчал.

— Подумай, как забавно! У тебя будет пятьсот миллионов бубенцов, а у меня — пятьсот миллионов родников...

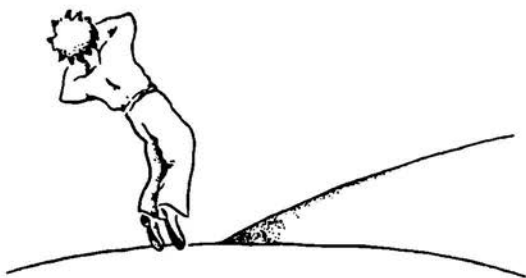
И тут он тоже замолчал, потому что заплакал...

— Вот мы и пришли. Дай мне сделать еще шаг одному.

И он сел на песок, потому что ему стало страшно.

Потом он сказал:

— Знаешь... моя роза... я за нее в ответе. А она такая слабая! И такая простодушная. У нее только и есть что четыре жалких шипа, больше ей нечем защищаться от мира...

Я тоже сел, потому что у меня подкосились ноги. Он сказал:

— Ну... вот и все...

Помедлил еще минуту и встал. И сделал один только шаг. А я не мог шевельнуться.

Точно желтая молния мелькнула у его ног. Мгновенье он оставался недвижим. Не вскрикнул. Потом упал — медленно, как падает дерево. Медленно и неслышно, ведь песок приглушает все звуки.

XXVII

И вот прошло уже шесть лет... Я еще ни разу никому об этом не рассказывал. Когда я вернулся, товарищи рады были вновь увидеть меня живым и невредимым. Тяжело было у меня на душе, но я говорил им:

— Это я просто устал...

И все же понемногу я утешился. То есть не совсем... Но я знаю: он возвратился на свою планету, ведь, когда рассвело, я не нашел на песке его тела. Оно было не такое уж тяжелое. А по ночам я люблю слушать звезды. словно пятьсот миллионов бубенцов...

Но вот что поразительно. Когда я рисовал намордник для барашка, я забыл про ремешок! Маленький принц не сможет надеть его на барашка. И я спрашиваю себя: что-то делается там, на его планете? Вдруг барашек съел розу?

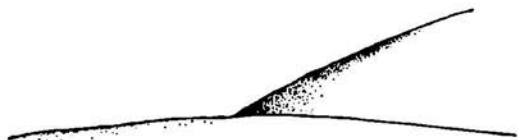
Иногда я говорю себе: «Нет, конечно, нет! Маленький принц на ночь всегда накрывает розу стеклянным колпаком, и он очень следит за барашком...» Тогда я счастлив. И все звезды тихонько смеются.

А иногда я говорю себе: «Бываешь же порой рассеянным... Тогда все может случиться! Вдруг он как-нибудь вечером забыл про стеклянный колпак или барашек ночью втихомолку выбрался на волю...» И тогда все бубенцы плачут...

Все это загадочно и непостижимо. Вам, кто тоже полюбил Маленького принца, как и мне, это совсем, совсем не все равно: весь мир становится для нас иным оттого, что где-то в безвестном уголке Вселенной барашек, которого мы никогда не видели, быть может, съел незнакомую нам розу.

Взгляните на небо. И спросите себя: «Жива ли та роза или ее уже нет? Вдруг барашек ее съел?» И вы увидите: все станет по-другому...

И никогда ни один взрослый не поймет, как это важно!

Это, по-моему, самое красивое и самое печальное место на свете. Этот же уголок пустыни нарисован и на предыдущей странице, но я нарисовал еще раз, чтобы вы лучше его разглядели. Здесь Маленький принц впервые появился на Земле, а потом исчез. Всмотритесь внимательно, чтобы непременно узнать это место, если когда-нибудь вы попадете в Африку, в пустыню. Если вам случится проезжать тут, заклинаю вас, не спешите, помедлитесь немного под этой звездой. И если к вам подойдет маленький мальчик с золотыми волосами, если он будет звонко смеяться и ничего не ответит на ваши вопросы, вы уж, конечно, догадаетесь, кто он такой. Тогда — очень прошу вас! — не забудьте упомянуть меня в моей печали, скорей напишите мне, что он вернулся.

Ответьте на вопросы:

Кому принадлежат эти слова? Как вы их понимаете? Как они характеризуют героев? Когда и при каких обстоятельствах они были сказаны?

— «Взрослые никогда ничего не понимают сами, а для детей очень утомительно без конца им все объяснять и растолковывать» [гл. I].

— «Если любишь цветок — единственный, какого больше нет ни на одной из многих миллионов звезд, — этого довольно: смотришь на небо и чувствуешь себя счастливым» [гл. VII].

— «Ничего я тогда не понимал! Надо было судить не по словам, а по делам. Она дарила мне свой аромат, озаряла мою жизнь. Я не должен был бежать» [гл. VIII].

— «В тот день, когда ты горько пожалеешь о своей покинутой планете, я сумею тебе помочь» [гл. XVII].

— «Ты навсегда в ответе за всех, кого приручил» [гл. XXI].

— «Светильники надо беречь: порыв ветра может погасить их» [гл. XXIV].

— «Ты посмотришь ночью на небо, а ведь там будет такая звезда, где я живу, где я смеюсь, — и ты услышишь, что все звезды смеются. У тебя будут звезды, которые умеют смеяться» [гл. XXVI].

Литературная игра

ВИКТОРИНА¹

По портретам литературных героев отгадайте, о ком идет речь, как называется произведение и кто его автор:

1. «Идет в чем был: в опорочках, одна штанина в сапоге, другая мотается, а озямчик старенький, крючочки не застегиваются, порастеряны, и шиворот разорван; но ничего, не конфузится».

2. Губы бескровные, веки упавшие,
Язвы на тощих руках,

¹ Итоговая викторина составлена по произведениям, вошедшим в учебник «Литература» для 6 класса.

Вечно в воде по колено стоявшие
Ноги опухли; колтун в волосах.

3. «В некоем селе ламанчском... жил-был один из тех идальго, чье имущество заключается в фамильном копье, древнем щите, тощей кляче и борзой собаке...

Возраст нашего идальго приближался к пятидесяти годам; был он крепкого сложения, телом сухопар, лицом худощав...»

4. «От роду 23 года, роста среднего, лицом чист, бороду бреет, глаза имеет карие, волосы русые, нос прямой».

5. «...Толстый мужчина лет пятидесяти, с крупным и рябым лицом, украшенным тройным подбородком, ввалился в столовую, кланяясь, улыбаясь и уже собираясь извиниться».

6. «...Судя по картинке, у него был толстый живот, короткое туловище и длинные ноги, — потому-то его, наверное, и прозвали Панса и Санкас...»

7. «...В залу вошел, насилу передвигая ноги, старик высокого роста, бледный и худой, в халате и колпаке».

8. «Исцарапанный, с шишками на голове от драк и разных других причин, с цыпками на руках и ногах, с красными окровенелыми глазами, он был вреднее и злее всех левонтьевских ребят».

9. Он «был в шапке с подвернутыми ушами, сидящей, как и все на нем, беззаботно и смело, в клетчатой, навыпуск, рубахе с короткими рукавами».

10. Она «была как золотая курочка на высоких ножках. Волосы у нее, ни темные, ни светлые, отливали золотом, веснушки по всему лицу были крупные, как золотые монетки, и частые, и тесно им было, и лезли они во все стороны. Только носик один был чистенький и глядел вверх».

11. «...Перед ней крючился на парте тощий диковатый мальчишка с разбитым лицом, неоп-

рятный, без матери и одинокий, в старом, застиранном пиджачишке на обвислых плечах, который впору был на груди, но из которого далеко вылезали руки; в перешитых из отцовских галифе и заправленных в чирки марких светло-зеленых штанах со следами вчерашней драки».

12. «Большеголовый, маленького роста, аккуратно одетый, тщательно выбритый, он властно и спокойно держал класс в руках».

13. «Он был коротенький, но очень плотный, лобастый, затылок широкий».

14. «...Я заметил впервые этого длинного, тонкого, бледно-веснучатого мальчика с большими серо-голубыми глазами в пол-лица».

15. «...У меня имелся закадычный друг, чернявый, густоволосый, подстриженный под девочку».

16. «Я хорошо помню ее правильное и потому не слишком живое лицо с прищуренными, чтобы скрыть в них косинку, глазами; тугую, редко раскрывающуюся до конца улыбку и совсем черные, коротко остриженные волосы. Но при всем этом не было в ее лице жесткости, которая, как я позже заметил, становится с годами чуть ли не профессиональным признаком учителей, даже самых добрых и мягких по натуре, а было какое-то осторожное, с хитринкой, недоумение, относящееся к ней самой и словно говорившее: интересно, как я здесь очутилась и что я здесь делаю?»

17. «...И если к вам подойдет маленький мальчик с золотыми волосами, если он будет звонко смеяться и ничего не ответит на ваши вопросы, вы уж, конечно, догадаетесь, кто он такой».

Справочная информация к викторине:

Левша, Андрей Гаврилович Дубровский, Антон Пафнутьевич Спицын, Санька Левонтьев, белорус, рассказчик из «Уроков французского», Птаха, Настя, Павлик, Харламбий Диогенович,

Митя Гребенников, Лидия Михайловна, Митраша, Владимир Дубровский, Дон Кихот, Санчо Панса, Маленький принц.

Ответы на кроссворды

Кроссворд «Пословицы и поговорки»

По горизонтали: 1. Чудеса. 3. Цветок. 6. Медведь. 8. Метла. 10. Весна. 12. Слово. 13. Труд. 14. Поле. 16. Час. 19. Родина. 20. Неделя.

По вертикали: 1. Честь. 2. Свет. 4. Вода. 5. Крест. 7. Ворота. 8. Москва. 9. Азбука. 10. Ворона. 11. Андрей. 13. Топор. 15. Емеля. 17. Лен. 18. Снег.

Кроссворд «А. С. Пушкин. „Дубровский“»

По горизонтали: 5. Конюшня. 6. Поручик. 9. Избавитель. 12. Пожар. 13. Дрожки. 14. Кошка. 17. Клирос. 18. Острог. 19. Успехи. 21. Кровля. 24. Глава. 25. Лекарь. 26. Антон. 29. Ассигнация. 30. Дворяне. 31. Лазарет.

По вертикали: 1. Портной. 2. Князь. 3. Козлы. 4. Линейка. 7. Запрос. 8. Стекло. 10. Наследство. 11. Колокольня. 15. Причет. 16. Сторож. 20. Имение. 21. Карман. 22. Глобова. 23. Портрет. 27. Осень. 28. Диван.

Кроссворд «Н. С. Лесков. „Левша“»

По горизонтали: 1. Тугамент. 6. Трепетир. 7. Буфта. 9. Тоска. 11. Кунсткамера. 15. Дансе. 16. Мурин. 18. Свист. 19. Гномы. 20. Левша. 23. Балдахин. 25. Верояция. 28. Мелкоскоп.

По вертикали: 1. Сотка. 2. Петит. 3. Пубель. 4. Симфон. 8. Укушетка. 10. Керамида. 12. Студинг. 13. Клеветон. 14. Мантоны. 15. Долбица. 17. Ногавки. 21. Жилет. 22. Герой. 24. Донцы. 26. Ямщик. 27. Молво.

Кроссворд «М. М. Пришвин. „Кладовая солнца“»

По горизонтали: 5. Родители. 6. Смельчак. 8. Несчастье. 11. Ствол. 14. Настя. 15. Мужичок. 16. Стадо. 17. Елань. 20. Скотина. 22. Слово. 23. Зверь. 26. Картофель. 27. Чудо-вище. 28. Затравка.

По вертикали: 1. Лохмотья. 2. Ветер. 3. Белье. 4. Загнетка. 7. Санки. 9. Богатство. 10. Равенство. 12. Курочка. 13. Болезнь. 18. Полукруг. 19. Куртинка. 21. Топор. 24. Загиб. 25. Плеть.

Содержание

Введение	3
Устное народное творчество	
Пословицы и поговорки	4
<i>Кроссворд</i>	6
<i>Кроссворд «Пословицы и поговорки»</i>	7
Загадки	8
Древнерусская литература	11
<i>За страницами вашего учебника</i>	—
Принятие христианства на Руси (988)	—
Произведения русских писателей XIX века	17
А. С. Пушкин. О поэте.	—
<i>Портрет Пушкина</i>	—
<i>Пушкин и его друзья</i>	19
«Мой первый друг...»	20
<i>Самостоятельная работа</i>	24
Узник	—
<i>Литературные игры. Викторина</i>	26
«Дубровский»	29
<i>Викторина</i>	30
<i>Самостоятельная работа</i>	31
<i>Литература и живопись</i>	33
<i>Для любознательных</i>	34
<i>Кроссворд «А. С. Пушкин. „Дубровский“»</i>	38
«Повести покойного Ивана Петровича Белкина»	40
<i>Самостоятельная работа</i>	41
Метель	42
<i>Самостоятельная работа</i>	58
<i>Литература, живопись, музыка</i>	59
<i>Кроссворд «А. С. Пушкин. „Метель“»</i>	—
<i>Для любознательных</i>	—
М. Ю. Лермонтов. О поэте.	60
<i>Самостоятельная работа</i>	65
<i>Литературные игры. Викторина</i>	67
Н. А. Некрасов	69
«Железная дорога»	—
<i>Для любознательных</i>	70

Н. С. Лесков. О писателе	70
Автобиографическая заметка (В сокращении) . .	71
«Левша». Викторина	74
Самостоятельная работа	75
Литература, живопись, театр	77
Для любознательных	79
За страницами вашего учебника	80
Кроссворд «Н. С. Лесков. „Левша“»	81
А. П. Чехов. О писателе	83
Самостоятельная работа	87
Пересолил	—
Кроссворд «А. П. Чехов. „Пересолил“»	92
Для любознательных	93
Произведения русских писателей XX века	
М. М. Пришвин. О писателе	94
«Кладовая солнца»	95
Самостоятельная работа	—
Читательская игра	98
Соревнование знатоков леса	—
Инсценировка	101
Литература и живопись	102
За страницами вашего учебника	—
Лесная капля	103
Самостоятельная работа	107
Для любознательных	108
Кроссворд «М. М. Пришвин. „Кладовая солнца“»	110
Ю. М. Нагибин.	111
«Мой первый друг, мой друг бесценный...»	114
Самостоятельная работа	139
За страницами вашего учебника	140
В. П. Астафьев. О писателе	—
«Конь с розовой гривой»	141
Самостоятельная работа	—
За страницами вашего учебника	142
Белогрудка	—
В. Г. Распутин.	146
«Уроки французского». Викторина	—
Самостоятельная работа	148
Литература и другие виды искусства	—
За страницами вашего учебника	149
Кроссворд «В. Г. Распутин. „Уроки французского“»	—

Ф. Искандер. О писателе	150
Начало	—
«Тринадцатый подвиг Геракла»	154
Самостоятельная работа	—
Кроссворд «Фазиль Искандер. „Тринадцатый подвиг Геракла“»	155
За страницами вашего учебника	156
Из зарубежной литературы	
Мифы Древней Греции	158
За страницами вашего учебника	—
Викторина	—
Самостоятельная работа	161
Н. А. Кун. Геракл спасает Гесиону, дочь Лаомедонта	162
Р. Грейвс. Геракл спасает Гесиону, дочь Лаомедонта	163
Литература и другие виды искусства	165
Для любознательных	167
Гомер	168
Одиссея. Плавание Одиссея мимо острова сирен и мимо Сциллы и Харибды	—
Для любознательных	179
К. Г. Паустовский. Умолкнувший звук (В сокращении)	—
Мигель де Сервантес Сааведра.	181
О писателе.	181
Дон Кихот (Главы из романа).	—
Перевод Н. Любимова	184
Самостоятельная работа	209
Для любознательных	210
М. Твен. О писателе	213
Для любознательных	214
Приключения Гекльберри Финна (Главы из романа). Перевод Н. Дарузес	215
Кроссворд «Марк Твен. „Приключения Гекльберри Финна“»	231
За страницами вашего учебника	—
Литература и другие виды искусства	232
Для любознательных	233
Антуан де Сент-Экзюпери. О писателе	—
Маленький принц (Отрывки из сказки).	—
Перевод Н. Галь	235
Литературная игра. Викторина	249
Ответы на кроссворды	252

Учебное издание

Полухина Валентина Павловна

ЧИТАЕМ, ДУМАЕМ, СПОРИМ...

Дидактические материалы по литературе

6 класс

Зав. редакцией *В. П. Журавлёв*

Редактор *Е. И. Правоторова*

Художественный редактор *А. П. Присекина*

Художник *Ю. В. Христич*

Технический редактор и верстальщик *Н. В. Лукина*

Корректоры *Е. В. Павлова, Н. А. Юсупова*

Налоговая льгота — Общероссийский классификатор продукции ОК 005-93—953000. Изд. лиц. Серия ИД № 05824 от 12.09.01. Подписано в печать 06.02.12. Формат 60 × 90¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Гарнитура Школьная. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 11,7. Тираж 5000 экз. Заказ № 30836 (К-См).

Открытое акционерное общество «Издательство «Просвещение».
127521, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных издательством материалов в ОАО «Смоленский полиграфический комбинат».
214020, г. Смоленск, ул. Смольянинова, д. 1

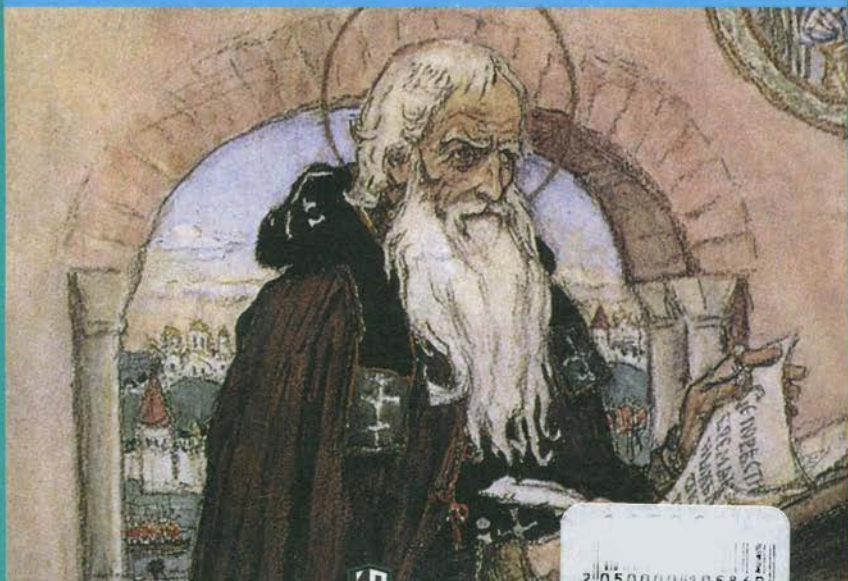
ISBN 978-5-09-028662-6

ЛИТЕРАТУРА

Учебно-методический комплект по литературе под редакцией В. Я. Коровиной для 6 класса:

- Рабочая программа. Литература. Предметная линия учебников под редакцией **В. Я. Коровиной**. 5 – 9 классы;
- **В. П. Полухина, В. Я. Коровина, В. П. Журавлёв, В. И. Коровин**. Литература. 6 класс. Учебник для общеобразовательных учреждений. В 2 частях;
- **В. Я. Коровина, В. П. Журавлёв, В. И. Коровин**. Фонохрестоматия к учебнику «Литература. 6 класс» (1 CD MP3);
- **В. П. Полухина**. «Читаем, думаем, спорим...». Дидактические материалы по литературе. 6 класс;
- **О. А. Ерёмкина**. Уроки литературы в 6 классе. Книга для учителя;
- **Н. В. Беляева**. Литература. 5 – 9 классы. Проверочные работы.

ПРОСВЕЩЕНИЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО